

Петр Червинский

СЕМАНТИКА СЛОВА В СИСТЕМЕ СТИХОТВОРНОГО ЦЕЛОГО

(на матеріалі поезії С. Есенина і Д. Кедріна)

Тернопіль
«Підручники і посібники»
2006

Лаборатория славистических и методологических исследований
Научный альманах «Studia methodologica»

Петр Червинский

**СЕМАНТИКА СЛОВА
В СИСТЕМЕ СТИХОТВОРНОГО
ЦЕЛОГО**

(на материале поэзии С. Есенина и Д. Кедрина)

Тернопіль
«Підручники і посібники»
2006

Рецензенты:

А.Н. Савченко, доктор филологических наук, профессор

А.Г. Барлас, кандидат филологических наук, доцент

Червинский П.П. Семантика слова в системе стихотворного целого (на материале поэзии С. Есенина и Д. Кедрина) - Тернопіль: Підручники і посібники, 2006. – 155 с.

Слово исследуется как элемент семантической системы художественного (стихотворного) целого в составе пяти последовательно усложняющихся номинативных структур, связанных между собой уровневыми отношениями. Структура каждого уровня, включая в себя словесный материал, подчиняет его действию характерных для нее отношений, преобразуя его семантику и организуя его специфическим образом. На первых трех уровнях слова предстают как последовательно связываемые и группируемые в картину отображения темы (центра) номинативно-предметные и предикатные единицы. На следующем, четвертом – как представители в стихотворном тексте по-разному соприкасающихся между собой четырех смысловых миров, двух объективных (реальности внешнего и реальности создаваемого) и двух субъективных (реальности аналогий и реальности представлений, внутреннего мира субъекта, его мотивационной сферы). И, наконец, на пятом, завершающем уровне слова, взаимодействуя между собой как единицы структуры ассоциативно-образной, получая при этом полное насыщение в семантической системе стиха. Материалом анализа послужила поэзия С. Есенина и Д. Кедрина, поэтов разных и не похожих, хотя и близких по времени. Отличие между ними, в каких-то своих проявлениях отчасти контрастное, позволило оттенить ряд существенных для описания стихотворных систем одного и другого сторон, введя в ряде случаев элементы типологического подхода. Подробность процедуры анализа, с одной стороны, позволила рассмотреть семантические явления, связанные с художественным, поэтическим словом, довольно пристально и основательно, а с другой, ограничила такую возможность количественно: подробно исследовались «Осень», «Двойник» Д. Кедрина, «Черный человек», «Появление Пугачева в Яицком городке» С. Есенина, три из которых были предметом отдельной главы. Работа имеет прежде всего методологический характер, показывая возможность исследования номинативных, лексических проявлений глубинной семантики художественного (стихотворного) произведения как органического смыслового и структурного целого, в сочетании планов, сечений, проекций как внешнего, так и внутреннего миров создающего текст сознания.

Книга может представлять интерес для филологов, как лингвистов, так и литературоведов, занимающихся проблемами семантики поэтического языка и художественных произведений, а также, во многих своих аспектах, для философов и психологов, обращающихся к проблемам художественного воображения, творчества и творческого сознания, студентов, преподавателей и аспирантов.

ISBN 966-07-0649-9

© P. Czerwiński.

От автора	4
ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1. СЛОВО КАК ЕДИНИЦА СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА	13
Глава 2. СЛОВО И НОМИНАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА...	39
1. Номинативные категории текста. Референция	39
2. Слово в референтивной структуре текста.....	43
3. Темы и модусы. Анализ модусной структуры текста	52
Глава 3. СЛОВО В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА.....	66
1. Семантические структуры текста. Текстовая система	66
2. Семантический универсум.....	72
3. Семантическое пространство текста. Семантические миры и сечения	75
4. Анализ универсной структуры стихотворного текста	77
Глава 4. СЛОВО КАК ЭЛЕМЕНТ АССОЦИАТИВНО-ОБРАЗНОЙ СТРУКТУРЫ ЦЕЛОГО	99
1. Семантические связки текста и операции над элементами	99
3. Типы семантических ассоциаций	113
4. Анализ ассоциативно-образной структуры стихотворного текста. Ассоциативные микроструктуры.....	119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	139
ЛИТЕРАТУРА	142
ИСТОЧНИКИ	154

От автора

Трудно, если вообще возможно, войти в одну реку дважды, а автору в его книгу, но через много лет. Каждый раз это будет другая река, а книгу придется переписывать заново. Многое изменилось, и мир стал совсем другой, лингвистический, не поэтический мир, поскольку об этом речь. Однако, несмотря на все его изменения и движения, появление в нем или упрочение, укрепление тех или иных направлений, тенденций, традиций, школ, оказывается, спустя время целого поколения, что многое сказанное или написанное когда-то так и не заслужило внимания и не получило развития, а тем самым и не было ни проговорено, ни переговорено по-другому, ни каким-либо образом уточнено.

Представляемая здесь работа, со времени написания которой прошло более четверти века, уже тогда убеждала в этом: те постулаты и положения, на которых она опиралась, относились, по времени их высказывания, к 20-30-м годам XX века, не поддержанные и не имевшие своих продолжателей. Лингвистическая наука пошла каким-то другим путем, поначалу оставив семантику стихотворного слова как объект исследования, потом, в 60-70-е годы к нему возвратясь, но на иных началах, увидев его совершенно иначе, с иных позиций и языковых сторон. В связи с этим то самое старое, на которое можно было бы посмотреть с перспективы времени как на явление, заключающее в себе исторический смысл, не будучи ни пересмотрено, ни в каких-то своих отношениях уточнено, объективно оказывается по этим причинам никому не известным новым. Объективно к тому же новым хотя бы уже потому, что в силу известных ученым-гуманитариям причин, опубликовано оно, это исследование, так ни разу за четверть века и не было. Сначала по самому своему определению – кто печатал в те годы свои кандидатские диссертации? Потом по рутинно наслаивающимся научным проблемам иного рода, требовавшим своего выхода и его находящим, т.е. в силу забытой отставленности и ученого недосуга.

Сначала по той же причине, в силу занятости другим и известного недосуга, возникла идея опубликовать работу в ее изначально нетронутым виде, без доработок и уточнений, с учетом новой литературы и лингвистического ухода вперед. Потом идея эта, оформившись окончательно, получила методологическую и стратегическую поддержку и основание. Менять, уточнять, расширять, дополнять в ней что-либо не представляло смысла, поскольку прошедшее с ее появления научное двадцатипятилетие ничего не добавило, по самому ее существу. С ней, с работой этой, случилось то же, что и с ее предшественниками – она осталась сама в себе, без своего развития и продолжения. Несколько ус-

ложненным терминологически в разных местах и в целом может показаться ее язык, стиль ее научного изложения. Автор, если бы писал что-то такое сейчас, сделал бы это уже иначе (хотя это трудно представить – писать об этом и то, но другими словами и новым стилем). Но все это, как говорится, смотря на чей вкус. Усложненным и «перегруженным» терминологическими нововведениями он казался многим еще тогда, в те годы. Однако это были так называемые розовые семидесятые, как теперь это принято определять. Розовыми, хотя и не без своей черноты, они были также и в нашей науке. Но и это, т.е. стиль и язык, не захотелось и не показалось имеющим смысл менять.

Проблема была не в стиле, не в способе изложения, проблема была тогда и остается теперь номинативной проблемой. Как назвать то, что не имеет название? В поэзии оно и не называется, художник образом, сочетанием образов, предикатным штрихом достигает возможности передать ощущаемое и не выразимое. Ученый не может, не должен, ухватывая понятийный объект, ощущая, передавать его деликатно не эксплицируемым способом. У него в этом случае только одна возможность – давать название, вводить его как доселе не существующее или присваивать существующее название другому объекту, расширяя семантику общего термина. Нелегко восприятию, субъективно, методологически, произвести над собой такое усилие, когда речь идет о знакомых предметах и намного труднее – когда приходится совершать это в области неисследованной. Требуются открытость ума, раскрепощенность, готовность сотрудничать, определенная сила воли и, безусловно, желание – постараться понять, поучаствовать, побеседовать с автором, вовсе не предполагая принять его положения, мнения, виды, подходы и согласиться с ним. Именно на такого читателя хотел бы рассчитывать автор, заключая, тем самым, свое короткое предисловие к тому своему исследованию, которое могло бы по времени своего создания оказаться старым, если бы не оставалось новым и если бы ему в научно-общественном отношении повезло.

31 октября 2006 г.

ВВЕДЕНИЕ

Все более расширяется сфера изучения русского языка в последние годы. Исследуются самые различные стороны его функционального многообразия. Пристальное внимание лингвистов к явлениям поэтической речи - свидетельство этих процессов.

Семантика слова в системе художественного (стихотворного) целого - проблема, поставленная перед исследователями еще в двадцатые годы в работах В.В.Виноградова, Б.А. Ларина, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, в настоящее время остается проблемой нерешенной. Сложность ее обуславливается как интегральностью, комплексностью вопросов, возникающих при целостном семантическом анализе художественного текста, так и отсутствием методики подобного анализа. Решение проблемы, следовательно, требует, с одной стороны, определения ряда смежных понятий, с другой - выработки целостной, системной (учитывающей системность объекта) методики анализа.

Две названных задачи представляются связанными, взаимонаправляющими и дополняющими друг друга. Системно-семантический анализ может производиться только после соответствующего определения понятий, которое само по себе должно быть системно-семантическим, учитывающим цели и требования анализа. Двуединство задач отражено в построении глав настоящей работы: семантическому анализу в каждой главе предшествует определение понятий - операторов данного анализа.

Семантический анализ слова как единицы предполагает определение таких понятий, как "образ", "образность", "поэтическая речь", "художественный (стихотворный) текст". Системный подход требует выработки соответствующего отношения к ним.

Вторичность номинации (называние одного предмета через другой), составляя лингвистическую специфику образности, определяет постановку вопросов номинативной теории: номинативная способность языковых единиц, номинативная природа текста и слова в системе текста, номинативные категории, номинативные структуры текста.

Анализ текста как системы требует рассмотрения проблем теории ассоциаций. Ассоциации, с одной стороны, предстают как связки текста, образуя мотивирующую сеть-основу связей его элементов (семантико-структурный, семантико-образующий аспект анализа). С другой - они составляют семантическое существо образной единицы, создавая и одновременно мотивируя ее для воспринимающего сознания. Как в первой, так и во второй функции, семантика и грамматика ассоциаций

могут стать объектом самостоятельного изучения - типологического, генеративного, семантико-функционального.

Анализ семантики слова в составе стихотворного целого потребовал обращения к категориям семантического пространства текста, потребовал нового анализа, следствием которого было определение свойства, названного универсностью. Универсность, будучи выражением многомерности, семантической неодноплановости художественного текста и его элементов, обеспечивает неоднозначность, двойственность художественного существования и, как следствие, объемность и неодноплановость художественного восприятия.

Основанием для этой неодноплановости служит наличие в художественном тексте нескольких семантических планов, сечений - онтологического, апеллятивного, эмотивного и конструктивного, взаимодействиями и совокупностью которых формируется семантическое пространство текста.

Существо образных элементов, равно как и существо образности самого текста, трудно представимы без определения универсности.

Проблема семантики образных элементов стихотворного текста, как следует из сказанного, требует разностороннего, многоаспектного и многоступенчатого анализа. Подобный анализ предполагает интегральную постановку теоретических вопросов, наличие системы последовательно включенных промежуточных (подводящих) и основного объектов, определение объекта как системы подобъектов, которые в свою очередь системны. Все это требует особого подхода и особого метода, который может быть назван системологическим.

Современная наука все более тяготеет к интегрированному исследованию объекта. Проблемы требуют многосторонней, многоаспектной постановки и неоднозначного разрешения. Выход в другие, большие и смежные, области становится привычным и последовательно необходимым. Самый анализ, основанный на подобном подходе, позволяет, охватывая предмет широко, определять его дифференцированное, обоснованное и строже.

Системологический метод принципиально не нов, однако это метод, обычно не применяющийся при анализе конкретного материала. Его называют также системным подходом и, трактуя широко, методологически, не включают в число общепризнанных методов лингвистического анализа. Использование его как лингвистического метода представляется перспективным, поскольку позволяет, дифференцируя разноаспектные и разнотелесные проявления одной сущности, осознавать ее как единую.

Системологический метод семантического анализа следует считать основным в настоящей работе. Возможные спонтанные проявления других методов (описательного, сравнительно-сопоставительного, компонентного анализа и т.п.) следует рассматривать как неизбежную трансформацию каких-либо сторон основного.

Применение системологического метода оправдано природой стихотворного целого, в котором функционирует слово. Стихотворный текст представляет собой фиксированный однонаправленный речевой акт, особенностью которого являются структурная целостность (структурность), идейная организованность, смысловая законченность, семантическая самодостаточность, семантическая n-мерность (семантическая кратность, или многорядность, по Б.А. Ларину [103]).

Текст - сложное, составленное из множества разнородных элементов единство, система. Структурность как свойство текста следует отличать от структуры. Структурность - признак, предполагающий системность в полном смысле этого слова: наличие разнородных структур, разнородных элементов, сложные, многонаправленные связи и отношения между ними, аспектность входящих элементов. Аспектность состоит в том, что один и тот же элемент в зависимости от избранного аспекта может принадлежать различным структурам, организуемым систему целого.

Семантическая самодостаточность - свойство текста, отличающее его от единиц меньших, входящих (сложного синтаксического целого, предложения, слова). Их семантика постигается через отношение к единице большей, включающей. Семантика текста - в нем самом, она лингвистически самодостаточна, обращение к большей единице невозможно, ибо таковой нет. Смысл текста не выводится через смысл большей единицы, а постигается через некоторый экстралингвистический контекст.

Под семантической n-мерностью понимается неоднородность семантического пространства текста, наличие измерений, семантических планов, планов повествования, систем оценок, субъектных сфер. Совокупностью всех категорий мерности достигается неоднородность, объемность смысла входящих элементов, неоднородность и объемность семантики всего стихотворного целого.

В качестве основного признака текста выступает системность. Вследствие чего системологический подход к анализу его семантики представляется наиболее закономерным.

Актуальность темы прежде всего в ее постановке: проблемы семантики, поэтической семантики, проблемы поэтической речи, проблемы номинации, образности, взятые в коммуникативном, функцио-

нальном, динамическом аспекте, - одни из наиболее исследуемых в последнее время в русском языкознании.

В последние десятилетия получили развитие науки, направления и теории в лингвистике, занимающиеся изучением динамической, функциональной стороны языка в самых различных аспектах: психолингвистика, социолингвистика, теория номинации, теория информативности, коммуникативная теория, лингвосоциопсихология, функциональная стилистика, стилистика поэтической речи, стилистика устной речи, стилистика разговорной речи, лингвистика текста, лингвистика средств массовой информации.

Исследования последних лет в области структурной и прикладной лингвистики привели к качественно новому этапу в развитии статического, системного изучения языка. Современные семантические теории, компонентный анализ, глубинно-семантический, глубинно-грамматический подходы, семантика предложения, семантический синтаксис (синтаксис семантики) и семантика синтаксиса, - это и многое другое уже нельзя считать сугубо статическим.

Достижения различных наук, теорий и направлений вполне приложимы к анализу проблем русской поэтической речи, в частности к проблеме семантики слова как элемента стихотворного целого.

Решение некоторых вопросов, поднимаемых в настоящем исследовании, представляется важным для современной теории: номинативные категории и номинативные структуры текста; референция текста; репрезентация текста; вопрос о семантическом пространстве текста; универсность; расширенное понимание семантической сущности ассоциаций; подход к ассоциациям как к семантической основе связей между элементами текста и как к основе, мотивирующей появление элементов; существование и семантическое взаимодействие элементов текстовой системы-целого; представление о семантическом каркасе текста как об ассоциативно-образной, ассоциативно-элементной структуре; вопросы типологии ассоциаций; подразделение ассоциаций на семантические и несемантические.

Результаты работы могут быть использованы при чтении теоретических курсов - современный русский литературный язык (лексикология, синтаксис, стилистика), некоторых разделов общего языкознания, при лингвистическом анализе различных типов текста, не только текстов стихотворных и художественных.

Основные теоретические положения и некоторые приемы анализа легли в основу читаемого спецкурса "Информативность газетного текста". Отдельные общетеоретические, а также стилистические аспекты проблемы нашли отражение в другом спецкурсе для студентов-

журналистов - "Фоностилистика теле- и радиотекста". В русле проблемы ведется исследовательская работа студентов в проблемной группе семантико-информативного анализа газетных текстов. Некоторым частным вопросам семантической теории текста посвящены курсовые и дипломные работы студентов.

Представляется возможным, при формализации некоторых моментов, применение результатов работы в структурной и прикладной лингвистике, в частности в теории машинного перевода, при изучении порождающей модели "смысл-текст", при исследовании синтаксической семантики, при анализе проблем понимания текста.

Трактовка образных элементов, аналогичная предложенной, возможность формализации связей и отношений между ними позволяют ставить проблему, которая пока не ставилась в прикладной лингвистике - проблему семантической интерпретации элементов художественного текста, а также элементов образных в текстах нехудожественных - проблему, связанную с задачами конструирования систем искусственного интеллекта, работающих в режиме диалога на естественном языке. В связи с этим представления о стандартизованном естественном языке, служащим основой для диалога с машиной, могут быть несколько расширены, сам стандартизованный язык не настолько ограничен и вырожден.

Решение подобных проблем, чрезвычайно важных и сложных, безусловно, не может быть продвинуто в результате одного исследования, но постановка их, как представляется, должна существовать.

Из всего сказанного вытекают цель и задачи работы. Основная цель - разрешить теоретически довольно сложный вопрос о семантической природе слова как элемента стихотворного целого, о существе образности и поэтической образности. В ходе работы приходилось затрагивать проблемы смежные, однако прямо связанные с основной, - в частности, определение специфики художественного (стихотворного) текста, анализ составляющих его структур и категорий. Это неизбежно, поскольку постижение сущности элемента невозможно без постижения сущности его функционального целого.

Выбор в качестве материала стихотворений С. Есенина и Д. Кедрина обусловлен следующими соображениями: поэтическая система стиха С. Есенина в семантическом отношении отлична, мало того, противоположна системе Д. Кедрина, что позволяет производить сопоставления, тем самым не ограничивая выводов рамками одного типа словесного употребления. Кроме того, С. Есенин и Д. Кедрин - почти современники, поэтому особенности творчества того и другого можно

рассматривать в пределах стиля одной эпохи (нет временного разрыва).

Автор не ставит перед собой задачу последовательного сопоставления двух идиостилей (задача непомерная), творчество поэтов служит лишь материалом, однако фиксации некоторых особенностей стиля того и другого, в той мере, в какой это сказывается на результатах анализа, видимо, неизбежна.

Материалом анализа служили стихотворения и поэмы С. Есенина из собрания сочинений в трех томах (Библиотека "Огонек", изд. "Правда", М., 1970, т. 1,2), стихотворения и поэмы Д. Кедрин из "Избранного" (Башкирское кн.изд-во, Уфа, 1975). В качестве иллюстраций в работе использованы следующие произведения: "Осень", "Двойник" Д. Кедрин, "Черный человек", "Пугачев" (Появление Пугачева в Яицком городке) С. Есенина. Поскольку для целей анализа требовалось использование всего текста, либо более или менее законченного отрывка, остальной материал мог быть отражен лишь в самом общем виде, при сопоставлении, обобщении, типологических поисках.

Отдельные вопросы настоящего исследования были предметом докладов и сообщений на I и II Всесоюзных конференциях по методам исследования журналистики (Ростов-на-Дону, 1977, 1979), на зональной конференции по вопросам парадигматики и синтагматики (Ставрополь, 1979), на методическом семинаре аспирантов филологического факультета Ростовского госуниверситета (1979), на научной сессии преподавателей филологического факультета РГУ, на конференции аспирантов и молодых ученых филологического факультета, на методологическом семинаре лингвистических кафедр факультета (1980).

Основные положения работы отражены в статьях "Анализ универсальной структуры поэтического текста", "Структура поэтического текста и ассоциативно-образная парадигма", "Текст: семантика, грамматика и проблема типов". Тезисы докладов "Проблема устного текста" и "Системологический метод анализа текста" опубликованы в газете "Молодой журналист".

Работа состоит из введения, четырех глав и заключения. Первая глава - вводная. Каждая из последующих посвящена проблемам определения семантической сущности слова и группы слов - элементов текста.

Анализ семантики слова в ассоциативно-образной структуре целого представлен в последней главе. Все предшествующие, последовательно затрагивая проблемы предваряющего характера, подготавливают его - репрезентивность (1 глава), референтивность и номинативность (2 глава), универсность (3 глава).

Помимо этого, проблематика распределяется по главам следующим образом: в первой и второй главах исследуются семантические элементы, вхождение в структуры текста только определено, - системность, семантические структуры анализируются в третьей и четвертой. Последовательность глав отражает уровневую последовательность семантических структур текста, из которых ассоциативно-образная представляется структурой высшего уровня.

Соответственно проблемам главы носят следующие названия: глава 1 - "Слово как единица стихотворного текста", глава 2 - "Слово и номинативные структуры текста", глава 3 - "Слово в семантическом пространстве текста", глава 4 - "Слово как элемент ассоциативно-образной структуры целого".

Глава I. СЛОВО КАК ЕДИНИЦА СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА

В последнее время внимание исследователей все более привлекают функциональные стороны русского языка, что можно рассматривать как следствие определенной тенденции: перехода от анализа статического аспекта языковой системы к анализу его динамики. Расширяются традиционные области исследования, появляются новые. Характерная черта современного состояния науки - стремление к поиску диалектического взаимодействия между аспектами, сферами, ярусами языка. Новое обретается не в отъединении, а в объединении. Синтаксис семантики и семантика синтаксиса, морфонология, фразообразование, проблемы определения структурной схемы предложения и словосочетания, исследование речевых механизмов - все это следствие объединения различных сторон и ярусов статического и динамического в языке.

Проблемы устной речи, активно исследуемые в последнее время, также свидетельство нового, интегрированного подхода к анализу русского языка. Синтаксис, семантика, процессы номинации исследуются во взаимопроникновении (см., напр., работы [148, 149] и др.) Идея изоморфизма языковых явлений, характерная для современного состояния науки, это не результат механического перенесения известного в новую область, а следствие диалектического понимания сложных процессов динамики языковой системы.

Новейшие работы в области русской поэтической речи отражают те же тенденции: пристальное внимание к динамике, идея диалектического изоморфизма, многоаспектность, идея системности. Всесторонний и обоснованный анализ специфики поэтической речи (а именно на этом, как правило, концентрируется внимание исследователей) становится возможным только на основе этих исходных позиций. Объект исследования в этой связи определяется следующим образом: язык и его поэтическая (эстетическая) функция.

Изучению поэтической функции русского языка, живых процессов языковой динамики посвящены работы [70, 190, 109, 163, 152]. Исследуются различные ярусы языковой системы - поэтическая фонетика [179], лексика [18, 25, 54, 71, 81, 115], поэтический синтаксис [5, 104, 116], поэтическая стилистика [90]. Акцент исследований - определение специфики языковых средств в поэтической речи. Художественные тексты становятся объектом анализа языковых средств с точки зрения эстетической функции. Лексика, фонетика, грамматика рассматриваются в новом отношении - в их художественном функционировании.

нии. Теория поэтической речи, таким образом, начинает развиваться как самостоятельная область исследований.

Поэтическая функция языка, по словам В.В. Виноградова, "опирается на коммуникативную, исходит из нее, но воздвигает над ней подчиненный ... закономерностям искусства новый мир речевых смыслов и соотношений" [41, с. 27]. Поэтическая специфика, следовательно, это в первую очередь новая семантическая функция, новые семантические отношения для общеязыковых элементов.

Противоречит ли новое состояние их состоянию в языке, насколько новым, неожиданным и специфическим оно может оказаться? Нет ли смысла говорить о новой системе языковых средств? Данный вопрос можно назвать основным вопросом теории поэтической речи. Ответ на него - это методологическая позиция исследователя.

В традиции русской лингвистической школы основной вопрос решался трояко: преувеличивалось специфическое, преувеличивалось общее, общее и специфическое рассматривались в диалектическом взаимодействии.

Решение основного вопроса непосредственно связано с определением статуса поэтической речи, с определением науки, объектом которой является поэтическая речь и средствами которой она должна изучаться.

Во взглядах на область исследования поэтической речи (определение ее статуса) как в двадцатые годы (с появлением устойчивого научного интереса), так и сейчас, нет единства.

Можно выделить три основных подхода: 1) поэтическая речь должна исследоваться в литературоведении [135, 127, 63, 93], 2) поэтическая речь исключительно [61], либо преимущественно [65, 70, 190] - область исследования лингвистики, 3) поэтическая речь - особая область, методы исследования которой отличны от методов собственно литературоведческих и собственно лингвистических, - необходимо создать науку о языке художественной литературы [36, 37].

В последние годы вопрос о статусе теории поэтической речи стал предметом оживленного обсуждения [97, 70, 178]. Предлагалось несколько решений. Первое сводилось к требованию создать лингвистическую (= литературоведческую) поэтику. Второе призывало к тому, чтобы литературоведы, занимаясь поэтикой, учитывали достижения лингвистов в этой области, и наоборот. Третье старалось определить сферы поэтической речи, доступные лингвистическому анализу, и сферы анализа литературоведческого, при этом лингвисты приходят к художественной (поэтической) речи "снизу"- со стороны языка и языковых средств, литературоведы - "сверху", со стороны замысла и идеи.

Все три направления в отношении аналитическом представляются плодотворными (исследования в любом из трех научно ценны). В методологическом - вопрос о статусе поэтической речи, видимо, еще не решен.

Наука (а также любой ее аспект и подход) не создает объекта. Поэтическую речь можно изучать не только в лингвистике и даже не только в литературоведении, но и в философии, психологии, социологии, искусствоведении, семиотике и т.п. Таков уровень и требования современной науки. При этом разные аспекты не обедняют, а обогащают представление о предмете. Сам факт анализа поэтической речи еще не делает работу ни литературоведческой, ни лингвистической. Что исследуется в поэтической речи - тема, идея, замысел, языковые средства - также мало о чем говорит. Вопрос, видимо, следует ставить по-другому: как исследуется та или иная область, тот или иной предмет. А исследоваться они могут, и это очевидно, по-разному. Именно метод, подход, методика, цели делают исследование лингвистическим, либо литературоведческим, либо каким-то другим. Успешный анализ объекта в одном направлении невозможен без анализа других направлений.

Идея слаженности, идея совместных усилий при анализе поэтической речи все больше проникает в современные исследования - как лингвистические, так и литературоведческие. Раздаются голоса в пользу объединения лингвистики и литературоведения при анализе поэтической речи под флагом старой филологии [70, с. 58-59].

Идея совместности усилий представляется плодотворной. При этом исследование поэтической речи способно обогатить представления о собственном объекте наук - языке, литературе.

Изучая многообразие функциональных проявлений языка, лингвист - теоретик русского языка не может обойти вниманием его эстетическую функцию.

О необходимости и важности для теории русского языка исследований поэтической речи писали в свое время Л.В. Щерба [185], В.В. Виноградов [35], Г.О. Винокур [46], А.М. Пешковский [136]. Это следует из их взглядов на поэтическую речь, ее сущность как на функциональный аспект языковых явлений.

В поэтической речи живее и ощутимее проявляются многие тенденции языка. Поэтическая речь, с характерным для нее пристальным вниманием к слову (и в первую очередь - к его семантике), создает неограниченные возможности для развития его потенций. Типы семантических словопреобразований, модели словоупотребления, варьирование семантики слова, семантические ассоциации к слову - все это представлено в поэтической речи регулярнее, разнообразнее и богаче.

Исследование поэтической функции языка может быть как синхроническим, так и диахроническим. В синхроническом аспекте поднимаются проблемы стилистики (стилистический эксперимент А.М. Пешковского [136]), проблемы лингвистического анализа художественного произведения, проблемы его толкования - *explication du texte*, по Л.В. Щербе [185, 186], проблемы семантики слова, фразы, выяснение особенностей словоупотребления и шире - особенностей индивидуального стиля писателя - работы В.В.Виноградова [43], Б.А. Ларина [102, 103], Г.О. Винокура [45], Р.А. Будагова [26, 27], Ф.П. Филина [172] и др.

При диахроническом подходе анализ индивидуального стиля писателя служит отправной точкой для исследования более широкого - стиль эпохи, история русского литературного языка (В.В. Виноградов [34, 35], Г.О. Винокур [44], А.И. Ефимов [74]).

В.В. Виноградов, последовательно вводя требование историзма при анализе стиля отдельного автора, связывал развитие стилей - стиля писателя и стиля эпохи - с развитием литературного языка. Последовательность анализа, по В.В. Виноградову [34], должна происходить по линии: от языка одного художественного произведения к языку (индивидуальному стилю) писателя, от него к стилю эпохи и только потом к стилистике всего языка.

Сознавая невероятную сложность поставленных задач, В.В. Виноградов во многих своих работах [36, 37, 40, 41] проводит мысль о том, что это задачи большой временной перспективы, однако эта перспектива должна осознаваться исследователем.

Изучение языка художественного произведения ставит ряд проблем. Что изучать в произведении, какого рода объектом является стихотворный текст, как он связан с поэтикой, с индивидуальным стилем автора, что в нем от языка, от поэтического, от мировоззрения автора, от традиции, от вкуса автора, от эпохи?

Вопрос "что изучать" ставился и решался по-разному в работах ОПОЯЗа и формальной школы - Л.П. Якубинский, Р.О. Якобсон, В.Б. Шкловский, О.М. Брик, Б.В. Томашевский - и в работах В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, Л.В. Щербы, А.М. Пешковского, Г.О. Винокура. Этот же вопрос ставится и сейчас в работах Ю.М. Лотмана [113, 114], М.Л. Гаспарова [58], В.М. Жирмунского [78], В.П. Григорьева [65, 70], А.В. Чичерина [178], Вяч.Вс. Иванова и В.И. Топорова [88], Б.А. Успенского [168] и др.

Различные постановка и решение вопроса обусловлены различным пониманием поэтической специфики. ОПОЯЗ и формалисты были склонны видеть поэтическое во внешнем - в звучании, в расположении элементов (инструментовке), в конструировании стиха. Произведение рас-

смаatrивалось как динамическая конструкция, в центре внимания стояли ритм, рифма, звукопись, идея самоценного и "самотого" слова.

В.В. Виноградов, Б.А. Ларин говорили о необходимости в первую очередь изучать слово в его поэтическом значении: приемы словоупотребления в поэтическом языке, типы семантических преобразований слова-символа в стихотворном тексте, эстетическую функцию значения слова, смысловую многорядность, многозначимость слова. Специфику поэтической речи В.В. Виноградов и Б.А. Ларин видели не в имманентном, изолированном существовании "поэтической языковой системы", как ОПОЯ-Зовцы и формалисты, а в "специфическом характере того единства, который в нем образует смысл целого" и все средства, "служащие для его выражения в соотношении целого и воплощающих его языковых средств" [102, с.46]. Иначе говоря - в самом художественном произведении, или в "эстетическом объекте".

Отсюда следовала для характеристики русского языка необходимость и важность изучения еще одной грани его функционирования - поэтической, или эстетической. Слово в поэзии - не другое слово по сравнению со словом общеязыковым, а еще одна его функция, его использование в эстетических целях.

Поэтическая речь как "вторичная моделирующая система" по сравнению с первичной - языком - исследуется в работах школы структурного литературоведения (Ю.М. Лотман и др.). При изучении языка художественной литературы, по их мнению, следует исследовать самое вторичную моделирующую систему, т.е. нечто отличное от системы общенационального языка. При этом преувеличение специфики поэтической речи приводит к отрыву ее от стихии речи общенародной.

Для лингвистических работ последних лет [109, 190, 152, 70] такой подход не характерен. Поэтическая речь рассматривается как форма общенародной, творческий аспект языковой системы. Основным предметом анализа выступает слово, языковой элемент в его функционально-поэтическом качестве. Поднимаются также проблемы определения единицы художественной речи [66, 8, 70] - единица определяется как экспрессема (ср. понимание "символа" у В.В. Виноградова [43]). Решаются вопросы поэтической лексикографии, поэтического синтаксиса, его особенностей у разных авторов. Анализируются особенности индивидуальных стилей.

Проблемы так называемой идиостилистики - составной части трех стилистик: стилистики языка, стилистики функциональной и стилистики индивидуальных стилей (ср. понимание трех стилистик у В.В. Виноградова [40]) - пока не стали предметом пристального изучения со

стороны теоретиков русского языка. Это обусловлено различными причинами.

Во-первых, трудоемкостью стоящих перед исследователем задач - изучение стиля одного автора требует усилий большого коллектива в течение не одного десятилетия (напр., работа по составлению словаря автобиографической трилогии М. Горького под руководством Б.А. Ларина, работа по составлению словаря А.С. Пушкина). А ведь всестороннее изучение стиля - это не только составление словаря, но и описание особенностей синтаксиса, грамматики, словообразования.

Во-вторых, нерешенностью многих теоретических вопросов: что представляет собой идиостиль, как он соотносится со стилем эпохи, насколько индивидуальными оказываются те или иные особенности автора, как соотносится индивидуальный стиль данного автора со стилями других авторов - предшественников и современников. Именно поэтому, осознавая сложность задач, В.В. Виноградов и Б.А. Ларин писали о необходимости в первую очередь изучать язык современников, поскольку в этом случае стиль эпохи известен исследователю.

При изучении идиостиля возникают проблемы экстралингвистического характера (их необходимо решать - чтобы не смешивать с собственно лингвистическими): как соотносится язык автора с его мировоззрением, воспитанием, образованием, вкусами, симпатиями и антипатиями, с его привычками. Видимо, поэтому изолированное изучение идиостиля оказывается задачей почти невыполнимой - требуется широкий и многоаспектный контекст. "При настоящем состоянии науки о поэтическом языке, - писал В.В. Виноградов, - бесконечно полезнее интенсивно-углубленный анализ одной стихии в индивидуально-языковом микрокосме, чем скачки на гигантских шагах вокруг всей "поэтики" современного творца" [43, с.270].

В последние годы появились теоретические работы в области семиотики [80, 106], стремящиеся определить тематическую структуру автора, представив ее как поэтический мир, как иерархическую систему инвариантов. На основании фиксации сходств и вычленения различий устанавливается некоторая семантическая величина, названная инвариантной темой. При движении сверху вниз тема, варьируясь, предстает в виде конкретных разновидностей. На самом конкретном, нижнем уровне располагаются реальные тексты. Семиотический подход к определению семантики текстов представляется одним из возможных в этом направлении. Изучение идиостилей требует многообразия подходов и многообразия методов. Историзм (отношение к истории литературного языка), вопросы преемственности, отношение к стилю эпохи, анализ особенностей на всех ярусах языковой системы, определение статуса

самой дисциплины - эти и другие проблемы пока только поставлены, но не решены в идиостилистике.

Недостаточным, несмотря на общеизвестные и основополагающие статьи Л.В. Щербы [185, 186], А.М. Пешковского [136], на высказывания В.В. Виноградова [35, 36, 37], остается решение вопросов, связанных с анализом языка одного художественного произведения. В работах по русскому языку художественный материал обычно привлекается лишь для иллюстрации положений, касающихся теории языка общенародного. Теория русской поэтической речи, активно и успешно развиваемая в новейших исследованиях, в работах Группы Словаря языка русской советской поэзии при институте русского языка им. А.С. Пушкина АН СССР, в основном касается вопросов поэтического своеобразия языковых форм, вопросов общепозэтической семантики, общепозэтической лексикографии, общепозэтического синтаксиса и обходит вопросы анализа отдельного произведения как художественного целого. А именно существование лингвистического объекта в системе художественного целого определяет, по мнению Б.А. Ларина, В.В. Виноградова, А.М. Пешковского, его поэтическую специфику.

Метод стилистического эксперимента, идеи "общей образности" художественного целого [136], разграничение "упаковочного материала" и важного, существенного в поэтическом тексте [185], признаваемые, хотя не бесспорно, большинством современных исследователей, требуют дальнейшего развития, и в первую очередь на основе анализа отдельного художественного целого.

Сложность задачи обусловливается неразработанностью методики подобного анализа. Атомарность факта, вырванного из органического целого, не может удовлетворить современного исследователя. Такой факт способен служить иллюстрацией общего положения, мало что прибавляя к пониманию его художественной специфики. "Ни в какой момент работы в области стилистики, - писал Б.А. Ларин, - нельзя упускать из виду взаимодействия элементов, цельности художественного текста ... за некоторым пределом изоляции (дробления) наступает полная утрата эстетического значения" [102, с.31].

Анализ, предложенный в статьях Л.В. Щербы [185, 186], им самим оценивался как первый подход, первое приближение к проблеме. При атом основном внимание исследователя было направлено на произносительную сторону стихотворного текста, понимание смысла связывалось с его произнесением. Стремясь "к разысканию тончайших смысловых нюансов отдельных выразительных элементов русского языка" [185, с.26] в стихах Пушкина и Лермонтова, Л.В. Щерба основным носителем выразительности считает фразу (произносительный элемент). Анализ ритма,

синтаксического строения, стилистических оттенков, вариантов слово-расположения выступает как подчиненный.

В традициях русской лингвистической школы центром стихового анализа считается семантика. Такое перемещение акцента связано с пониманием сущности поэтического: "можно считать всеобщим и постоянным свойством лирики в мировой литературе ее семантическую о с л о ж н е н н о с т ь" [103, с.100]; "через изучение синтаксиса, ритмики, мелодики, интонации и композиции обнаруживается широкий выход в область поэтических смыслов, поэтической семантики" [41, с.42].

В ранних работах Б.А. Ларина [102, 103] были высказаны положения, которые при дальнейшем развитии могли бы стать основой поэтической семантики (в лингвистическом понимании). Учение об эстетическом значении слова как о потенциальном, недосказанном, как о намеке "включенных мыслей, эмоций, волений" [102, с.33-34] составляет ядро его концепции.

Эстетическое значение Б.А. Ларин характеризовал как "г л у б и н у смысла, которую слово приобретает в составе языкового целого литературного произведения" [102, с.32-33].

Смысловая сторона художественной речи рассматривалась им как определяющая. Основная черта лирики - ее специфическая смысловая емкость.

Мысль о пассивности и забвении действительности, о сказочности, заключающейся в "ослаблении реального и нормально-концептуального значения слов" [102, с.45] - как общем свойстве художественной речи, замечания о кратности, осложненности, двусмысленности и многосмысленности, неотчетливости многорядных смысловых эффектов в поэзии, о потенциальности этих семантических рядов, о том, что семантика "лирической пьесы" строго организована, о смысловой ритмике, об эмотивности поэтического впечатления, стремление вывести типологическое в семантике (при сопоставлении семантических традиций футуристов и символистов) - эти и многие другие стороны его концепции пока не получили достаточного развития в работах по русской поэтической речи.

Выводя семантическую осложненность как основное свойство поэтической речи, Б.А. Ларин представлял, что она составляется самыми разнообразными средствами: выбором многозначных слов, плеонастическим соединением сходнозначных (семантический параллелизм) речевых комплексов, сопоставлением сходнозвучных слов, изломистостью речи, чисто семантическими контрастами, приемами [103, с.100]. Одновременно Б.А. Ларин указывал, что смысловая многорядность - свойство, близко

связанное с семантической осложненностью, - может вызываться и "без знаковых экспонентов - творческой функцией лирической пьесы" [103, с.66].

Путь к построению научной поэтики Б.А. Ларин (как и В.В. Виноградов) видел в разработке "вопроса о взаимодействии звуковых и смысловых элементов в лирике или, вернее, об их е д и н о м, о б щ е м действии" [103, с.97].

Взаимодействие между ритмом и смыслом в пределах стихотворного целого в последнее время исследуется в работах Тартуской школы семиотики (см., напр., [22, 149]). Работы этой школы характеризуются четко построенной методикой анализа текстов, базирующейся на подходе к поэтическому тексту как к знаку "вторичной моделирующей системы".

Поэтический текст рассматривается как структура особого типа, включающая помимо собственных языковых отношений более сложные конструктивные отношения другого ряда. Это особая языковая организация, декодирование которой производится последовательностью трех уровней, при этом только первые два имеют языковой характер.

Первый уровень обусловлен тем, что структура стихотворения накладывает дополнительные ограничения на словарь и языковые средства, и анализ состоит в определении характера ограничений. Второй уровень - анализ ритма и рифмы, связанный с тем, что текст, написанный белым стихом в литературной традиции рифмованного стиха, понимается читателем (либо слушателем) и автором как противопоставленный рифмованному. Третий уровень - неязыковой, собственно знаковый - призван определить значения, заключенные в поэтических текстах. Значение, таким образом, понимается как категория семиотическая, и его анализ выводится за пределы задач, решаемых лингвистикой.

Понимание поэтического языка как вторичной моделирующей системы совпадает с представлением о его имманентности, изолированности у Л.П. Якубинского, Р.О. Якобсона, В.Б. Шкловского. Центральным в поэтической специфике признается не смысл, не особенности семантической организации, а ритм, звуковая, ритмическая организация стиха. Отсюда отличительная черта работ Тартуской школы - смысл выводится как подчиненное, он подтверждает конструкцию, организаций стиха (см., напр., [149]). Идея взаимодействия внешнего и внутреннего в стихе решается неравноправно, и не в пользу семантики.

Краткий обзор проблем, связанных с анализом поэтической речи, позволяет более конкретно подойти к предмету настоящего исследования. Таковым является слово, его значение в лингвистической системе стихотворного целого.

Определяя задачи, стоящие перед исследователем поэтической речи, В.В. Виноградов выделил две области - символику и композицию. Под символикой понималась семантика, под композицией - особенности построения, особенности организации художественного текста. Изучение художественной символики и приемов ее преобразования в индивидуальном поэтическом творчестве должно происходить, по мнению В.В. Виноградова, в двух направлениях, которые "то расходятся, то сплетаются в органическую спаянность" [43, с.371]. Первое - определение типа языкового поэтического сознания художника, типа семантических преобразований, выразившихся в его творчестве. Второе - "расчленение отдельных эстетических объектов ... с целью определить композиционную функцию символов как элементов данного органического целого" [43, с.371].

Под символом В.В. Виноградов понимал "эстетически оформленную и художественно локализованную единицу речи в составе поэтического произведения" [43, с.374]. Символы способны к расширению круга значений соответствующих лексем. Характерной особенностью символа является обусловленность его значения всей композицией данного эстетического объекта. При этом "символы в составе художественного произведения получают потенциальную силу ассоциироваться с рядами тех образов и эмоций, которые заложены в структуре целого" [43, с.374].

Выводя понятие символа через сопоставление с лексемой, В.В. Виноградов определяет единицу поэтической речи как развитие потенциально заложенных в звуковом комплексе (лексеме) значений. В семантическом отношении символ предстает как еще одна функция, эстетическая функция слова.

Аналогичным образом у современных исследователей определяется "экспрессема", хотя само толкование термина у разных авторов различно. Экспрессема понимается как средство выразительности текста (см. [98]), как элемент художественного текста - слово в художественном тексте [25], как абстрактная единица языка в ее эстетической функции [66, 70]. В последнем понимании реальной манифестацией экспрессемы в конкретном художественном тексте является экспрессоид [66].

В работах [81, 70] экспрессема начинает рассматриваться как семантическая структура (ср. содержание слова как смысловая структура у В.В. Виноградова [42, с.13-23]) экспрессоидов различных микроконтекстов. Структура экспрессемы, по мнению этих исследователей, способна отразить "не только особенности авторского стиля, но и общеязыковые семантические закономерности" [81, с.100].

Ставится вопрос о необходимости диахронического исследования экспрессемы с целью восстановления ее "незамутненных" истоков" поскольку "слово как типичная экспрессема ПЯ (поэтического языка) представляет собой культурно-историческую парадигму контекстов индивидуального (и прежде всего - литературно-художественного) употребления слова, значимых для общества в некоторый момент его развития" [70, с.148]. Делается вывод: история экспрессемы может оказаться более актуальной, чем ее синхрония. В работе приводится описание семантической структуры экспрессемы "ветер" в русской поэзии.

Говоря о слове в его эстетической функции нельзя обойти вопроса о специфике того объекта, той системы целого, в которой проявляется эта функция. Таким объектом и такой системой представляется поэтический текст.

Существо художественного (поэтического, стихотворного) текста составляет его репрезентативность, или несобственность номинации (свойство, определяемое А.М. Пешковским как "общая образность" [136], Б.А. Лариным - как семантическая двойственность, или многорядность [103]). При этом образным может быть как текст в целом, так и отдельные его элементы. Однако не все элементы образного текста образные. Определение образа в тексте - задача достаточно сложная, поскольку, сопрягаясь с текстом, будучи его органической частью, образ врастает в текст, становится КОНтекстным в полном смысле слова.

Образ, как, вероятно, любой семантический элемент текста, имеет (назовем их) м о т и в а ц и о н н ы е к о н ц ы - не принадлежащие образу элементы текста, но образ объясняющие, образ вписывающие. Без них смысл образа может быть либо неясен, либо неполон.

Мотивационные концы образа не обязательно эксплицитно выражаются в тексте. Мотивацией может служить ситуация-прототип текста (обращение к которой возможно вследствие того, что она существует как Образ в представлениях, сознании воспринимающего). Мотивацией может служить также общеизвестный, поэтому не требующий пояснений, социальный, культурный, исторический - экстралингвистический контекст.

По виду мотивирующего контекста образы, видимо, могут быть подразделены на общеконтекстные, ситуативно контекстные и индивидуально контекстные. Последний тип предполагает, очевидно, обязательную экспликацию мотивационных концов в тексте.

Осознаваемые интуитивно, мотивационные концы образа, как текстовые, так и нетекстовые, не всегда могут быть адекватно выявлены.

Сложность семантических проявлений в стихотворном тексте, по словам Б.А. Ларина, состоит в том, что "лирика в большинстве случаев дает не просто двойные, а многорядные (кратные) смысловые эффекты; эти ряды значений не равно отчетливы и не одинаково постоянны ... их трудно регистрировать, что необходимо, понятно, только для научного анализа" [103, с.66].

Сложность определения мотивационных концов обусловлена также тем, что их семантическую основу (как, впрочем, многого, имеющего отношение к образу) составляет ассоциативность. Будучи, как правило, индивидуальными, скрытыми мотивами образа, ассоциации не всегда поддаются однозначному определению. Доля субъективного в трактовке образа и мотивов образа достаточно велика и неизбежна, поскольку субъективность - свойство восприятия.

В образе проявляется диалектика объективно существующего и субъективно воспринимаемого (отражаемого). Субъективный в сознании автора образ в акте порождения (во внешней речи) объективируется - объективация субъективного. В сознании воспринимающего результируется как субъективное - субъективация объективного.

Мотивационные концы, привязывающие образ к тексту, делающие образ органическим элементом целого, учитывать при анализе и вычленении образа, при определении его семантики необходимо.

Понятие "образ" в лингвистическом, шире - филологическом понимании традиционно связывается с понятием "образность".

Проблема образности текста обычно рассматривается как проблема его способности вызывать в сознании воспринимающего художественные образы, т.е. образы особой природы. Образность, следовательно, существует как проблема восприятия.

Способность текста вызывать в сознании образы еще не свидетельство его образности: любой связный текст способен вызывать в сознании образ предмета, явления, ситуации, и это не характеризует его с образной стороны. Образным можно считать тот текст и ту единицу внешней речи - предложение, словосочетание, слово - которые высказывают несобственное представление о предмете. Опосредованность, несобственность номинации - специфика образной единицы.

По мнению многих исследователей [141, 175, 152], образность далеко не всегда создается переносными значениями слов. Текст может быть образным и без таковых.

То, какими средствами создается образность, думается, ее существова не определяет. Следует, видимо, говорить об образности единиц разных уровней - слова, словосочетания, предложения, сложного синтаксического целого, текста. При этом образность всех единиц, кроме текста,

с вероятностью может быть выведена через сопоставление их самостоятельного, внеконтекстного смысла с контекстным, с тем смыслом, которым они обладают в системе целого.

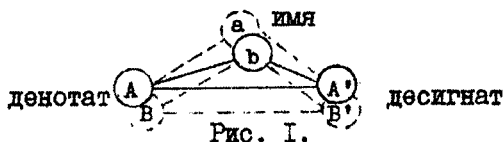
Сопоставление смыслов показывает, является ли данная единица образной сама по себе, либо становится таковой в тексте. Переносные значения, придающие внеконтекстную, закреплённую образность единице, равно как и переносные употребления, обуславливающие её образность в тексте, никак не определяют образности всего текста.

Образность текста как целого (а не образность отдельных его элементов) устанавливается не через соотношение образных и необразных единиц, входящих в него, а через соотношение его глобального смысла (смысла как целого) с тем, который выводится из совокупной последовательности составляющих его элементов.

Если оба выведенных смысла находятся в отношении несовпадения (несобственность номинации), то есть основания считать данный текст образным.

Опосредованность, несобственность номинации проявляется в её вторичности: предмет **A** называется не звуковым комплексом **a** (что характеризует прямую номинацию), а звуковым комплексом **b** (случай косвенной номинации), имеющим в качестве денотата предмет **B**.

Структура знака осложняется новыми связями: не только $b \rightarrow B$, $b \rightarrow B'$, $B \rightarrow B'$, но и $b \rightarrow A$, $b \rightarrow A'$, $A \rightarrow A'$, $A \rightarrow B$, $A' \rightarrow B'$, и если **A** обладает самостоятельным именем, то и $a \rightarrow b$, $a \rightarrow B$, $a \rightarrow B'$, - знак становится полиструктурным.

В сознании воспринимающего представление **A'** возникает через представление **B'**, вызванное звуковым комплексом **b**. Связь $b \rightarrow B'$ реализуется при восприятии как немотивированная связь "форма -> значение" (известная субъекту и существующая в знаке). Связь $B' \rightarrow A'$ реализуется через представление **A'**, ассоциативно связанное с представлением **B'**, - связь мотивированная, ассоциативная. Связь между двумя представлениями $B' \rightarrow A'$ может быть как известной субъекту (и только воспроизводимой по памяти), так и неизвестной (создаваемой в процессе восприятия).

Отличие образного текста от необразного состоит в том, что текст необразный непосредственно называет ситуацию **B**. При воспри-

ятии возникает представление о ней - **В'**. В то время как семантика образного текста не исчерпывается представлением **В'**: через представление **В'** образный текст вызывает другое представление, ассоциативно связанное с **В'**, некоторое неконкретное, несформулированное **А'**. **А'** находится в отношении подобия к **В'**, т.е. является образом **В'** и обладает обобщенным, неиндивидуальным, типологизированным смыслом.

Задача текста **в**, таким образом, может рассматриваться как задача художественного произведения, а вызываемое им представление **А'** - как художественный образ, возможный в поэтической речи.

Следовательно, в то время как образное слово - это единица с переносным значением (языковая, либо речевая метафора, метонимия, синекдоха), образное словосочетание, предложение - языковая статическая либо динамическая единица, - образный текст - явление художественного творчества, явление особого, творческого аспекта речи.

Образность текста, как следует из сказанного, создается не составляющими его образными единицами, а всей совокупностью средств, всем его строем.

Можно выделить две группы средств, создающих образность текста: языковую и конструктивную.

В первой группе можно выделить основные и дополнительные семантические средства. Основные - формируют образную семантику, создают смысловую основу несобственной номинации. К ним относятся семантические элементы текста, среди которых особую группу составляют ассоциативно-репрезентирующие (образные в себе).

Средства дополнительной образной характеристики не участвуют в формировании семантики, они уточняют, определяют образное представление в каком-либо отношении. Это лексические и грамматические средства, создающие эмоциональность, тон, стиль текста, окрашенные, коннотативные слова, стилистически маркированные грамматические формы и синтаксические конструкции.

К группе конструктивных средств относятся средства, упорядочивающие текст, организующие его, представляющие его динамическую схему, ритм. Особенность средств второй группы состоит в том, что они не семантически создают образность, а усиливают ее. Эмфатическая функция обусловлена тем, что конструктивные средства - ритмические средства: ритмики звуковой - ритмика отдельных звуков и ритмика групп звуков - звукопись, ассонанс, аллитерация, рифма, паронимия¹,

¹ Паронимию как средство ритмической организации стиха анализирует В.П. Григорьев [68].

анаграмматические свойства²; ритмики тактовой, или ударной - чередование (динамическая схема) акцентно отмеченных и неотмеченных промежутков (фраз, слогов); ритмики графической - расположение строк, абзацев; ритмики смысловой - особенности расположения смысловых сегментов, и - разновидность ритмики смысловой - ритмики сюжетной (фабульная последовательность смысловых компонентов).

В работе будут рассматриваться только семантические средства - элементы текста, обладающие самостоятельным, целостным значением (слова и группы слов), в частности элементы ассоциативно-репрезентирующего характера, сущность которых состоит в том, что они - следствие вторичной номинации, поэтому ассоциативны, двойственны, полиструктурны.

Художественный (стихотворный) текст - функциональная разновидность текста. Это текст целостной несобственной номинации, предполагающей в качестве называемого ситуацию, семантика которой постигается через ассоциативное соотношение с другими. При этом событие, появившееся ассоциативно, не есть реальное, в каком-то времени существовавшее событие, оно - образ обобщенного, типизированного события.

Специфические свойства семантики художественного текста - несобственность целостной номинации, обобщенность смысла ассоциируемого события, неединичность денотата, n-мерность семантики в целом, n-мерность отдельных семантических элементов - будут рассматриваться в последующих главах.

Специфика художественного текста в значительной мере определяется его принадлежностью поэтической речи. Поэтическая речь, как уже отмечалось, функционально отмеченная речь, творческий аспект речи.

Элементы языковой системы в поэтической речи подвержены преобразованиям, проявляющимся активнее и регулярнее, чем в речи общенародной. Поэтической речи, видимо, свойственны преобразованная семантика для элементов, преобразованный синтаксис - для конструкций. Слово поэтической речи, преобразуемое семантически, подчиненное структуре целого, - слово художественного текста.

Каждый элемент художественного произведения специфичен не столько вследствие того, что он элемент поэтической речи, сколько вследствие того, что он элемент художественного целого (В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, А.М. Пешковский). Принадлежность элементов поэтиче-

² Наблюдения над анаграмматическими свойствами стиха были впервые сделаны Ф. де Соссюром [160], однако достаточного развития отмеченные им особенности поэтического строя пока не получили.

ской речи художественному целому, подверженность их законам данного целого, видимо, и породили представление об их исключительности по сравнению с элементами обычной речи (формальная школа), а отсюда представление о поэтической речи как о вторичной моделирующей системе (Гартуская школа семиотики).

Тот факт, что элемент принадлежит поэтической речи, определяет только общие, функциональные рамки его специфики. Поэтическая речь - речь авторская, следовательно, в ней сильна субъектная сфера. Поэтическая речь - функциональная разновидность речи, и функциональность поэтической речи отлична от функциональности речи общенародной: в поэтической речи заметно преобладание эстетической функции над чисто информативной.

Подход к поэтической речи как к творческому аспекту речи общенародной предполагает постановку многих проблем, связанных с анализом эстетического, творческого аспекта слова: типы и способы словообразования в поэтической речи (проблема поэтической семантики); типология авторского варьирования языковых единиц - слова, значения слова, фразеологических единиц в поэтической речи; проблемы поэтического синтаксиса - функции порядка слов, субъективное словорасположение, проблема актуального членения в поэтической речи; проблема ритмической организации - ритмика в лирике, ритмика в художественной прозе; проблемы поэтического контекста - влияние семантики целого на семантику входящих элементов; проблемы номинации в поэтической речи (поэтический текст, также как и любой семантический элемент текста, может считаться актом авторской номинации); проблемы поэтической семантики, изучение которых, в отличие от перечисленных, ведется довольно интенсивно уже продолжительное время - фигуры, тропы, эмоционально-экспрессивные, образные средства и т.п.

Не менее важными в кругу проблем, связанных с изучением поэтической речи, представляются проблемы стихотворного текста: проблема его семантики как семантики художественного целого, проблема мерности его семантического пространства, проблема семантической многоплановости его компонентов, проблема структур, организующих стихотворный текст как целое, проблема художественной текстовой системы (системоорганизующий аспект анализа стихотворного текста). Названные особенности организации стихотворного целого в значительной степени влияют на семантику слова в системе данного целого, поэтому рассмотрение их представляется важным.

Специфическим свойством художественного текста, как было отмечено, является репрезентивность.

Репрезентивность, или несобственность названия, с одной стороны, предстает как свойство целого, с другой, как свойство отдельных его элементов - носителей репрезентивности. Репрезентивность целого и репрезентивность элементов (репрезентирующих элементов) - явления, сходные по существу, но независимые друг от друга.

Репрезентивность художественного текста - его специфическое свойство, репрезентивность элементов художественного текста - их свойство как элементов именно художественного текста, поэтому определение существа репрезентивности и характеристика элементов - обладателей репрезентивности (равно как и текста - обладателя репрезентивности) должны производиться с учетом их художественной специфики.

Способность к взаимопредставлению для элементов - носителей смысла, видимо, обусловлена особенностями мыслительного процесса, реализуемого во внутренней речи. Поэтому анализ репрезентивности требует определения особенностей внутренней речи.

Внутреннюю речь можно рассматривать как первичную, порождающую сферу образа, в которой он, не будучи еще объективирован, в то же время перестает быть просто статичным аналогом отражаемого, а кодифицируется, облекается знаками внутренней речи, становится элементом внутрнеречевого потока, поскольку внутренняя речь - такая же форма существования языка, как и внешняя речь. Однако, вместе с тем, внутренняя речь, или речевое мышление, представляет собой такое единство речи и мысли, при котором невозможно говорить отдельно о речи и мысли [49].

Особенности внутренней речи состоят, по мнению Л.С. Выготского, в преобладании смысла над значением - в преобладании субъективного, контекстного смысла над объективным, неконтекстным значением. Внутренняя речь, по его замечанию, будучи непонятной и сокращенной, представляет собой сгустки смыслов, порой не переводимые на язык внешней речи: "во внутренней речи мы всегда можем выразить все мысли, ощущения и даже целые глубокие рассуждения одним лишь названием" [49, с.374].

Какова сущность этой особенности внутренней речи? Почему одним названием можно выразить в сознании целый комплекс представлений и смыслов? Такие свойства внутренней речи, как предикативность, субъективность, субстантивность, идиоматичность, которые обеспечивают возможность синкретической номинации, сами по себе еще не приводят к ней, - они следствие, а не причина этой особенности. Причина, видимо, в самих номинативных свойствах, в знаковой организованности речемышлительной единицы.

Слова, звуковые комплексы (внутреннеречевые звуковые комплексы также) суть для в о с п р я т и я - только метки, возбудители представлений [154] - дифференцирующая функция звуковых оболочек. Способность языковой единицы вызывать представление обусловлено тем, что она для сознания выступает как заместитель, имя данного представления - репрезентативная функция.

Поскольку элементы внутренней речи реализуются в форме представлений, т.е. нематериальных отражений материальных (внешняя сторона, план выражения) и нематериальных (внутренняя сторона, план содержания) комплексов внешней речи, компоненты структуры рече-мыслительного знака - не обычные компоненты, а представления: представление об имени, представление о референте (денотате). Сигнификат, будучи сам по себе представлением о референте, в рече-мыслительном знаке может рассматриваться как представление о представлении.

Представления, возникающие у воспринимающего по поводу того или иного знака, как правило, индивидуальны и ситуативны, контекстны. При этом следует разграничивать индивидуально закрепленные (привычные, известные субъекту, характерные для его узуса) и незакрепленные, ситуативные, контекстные представления, вызываемые именем.

Индивидуально закрепленные представления характеризуют внутреннюю речь данного субъекта, они - достояние его личного опыта, его сознания, его узуса, для других они, как правило, коммуникативно не значимы.

Ситуативные представления могут стать понятными, если будет известна породившая их ситуация.

Индивидуальность и ситуативность смыслов-представлений, характерные для внутренней речи, видимо, и приводят к номинативной синкретичности рече-мыслительного знака, к сжатости внутренней речи в целом. Сжатость внутренней речи, следовательно, обусловлена тем, что все контексты, ситуации, индивидуальное знание - то, что делает коммуникативно направленную внешнюю речь пространной, ясны для сознания субъекта: ему ничего не надо объяснять себе.

Сжатость внутренней речи можно сопоставить с эллиптичностью разговорной речи, отличающей ее от пространности, развернутости речи письменной. Речь письменная, при отсутствии обратной связи и общей с собеседником ситуации, требует максимальной эксплицитности, максимальной проявленности всех контекстных, ситуативных, индивидуальных смыслов, в то время как разговорная речь, предполагающая живое общение, эллиптична, ситуативна.

Внутренняя речь, будучи сжатой, ассоциативна (экономия средств выражения ведет к емкости их содержания). Единицы внутренней речи

обладают практически безграничной ассоциативной энергией. Способность вызывать ассоциации для них не ограничена условиями общения, требованиями общезначимости, общедоступности, как для единиц речи внешней. Сокращенность и сжатость внутренней речи (это второе следствие) - результат содержательной емкости и безграничной ассоциативной способности ее единиц.

Репрезентивность и ассоциативность представляются сущностными, организующими свойствами всякого знака. Знак существует значимо не сам по себе, а как обозначение, репрезент чего-то другого. Связь между обозначаемым и обозначающим - связь ассоциативная, существующая только в сознании говорящих, реально не обусловленная, онтологически не подкрепляемая связь.

Под репрезентивностью, как отмечалось, следует понимать способность некоторого элемента (единицы) вызывать в сознании несобственное представление, представление не о себе самом. Репрезентивность - явление неоднородное. А.Н. Савченко выделяет три разновидности репрезентации (репрезентация - процесс, репрезентивность - свойство): безусловную, непосредственную репрезентацию (фотография), условную репрезентацию, опосредованную системой знаков, кодом, интуитивную репрезентацию - "обусловленную жизненным опытом и культурой человека и связанную эстетическим чувством" [152, с. 118].

Особенность интуитивной репрезентации, ее отличие от других состоит, следовательно, в неадекватности, неодинаковости порождаемых ею смыслов для разных воспринимающих субъектов, неадекватности, обусловленности опытом, культурой, индивидуальными особенностями каждого субъекта, даже его внутренним состоянием в момент восприятия.

Лингвистику должны интересовать две репрезентации: условная, опосредованная кодом, и интуитивная, эстетическая. Как представляется, это не две разные сущности, а две ступени одной - опосредованной. Различие - в характере опосредования. В первом случае это общеизвестная, конвенциональная опосредованность, и она входит в структуру, в содержание знака как элемента языковой системы. Во втором - опосредованность создается контекстом. При этом единица сама по себе, вне данного контекста может не быть репрезентивной, а если репрезентивна, то это не влияет на характер ее интуитивной репрезентивности.

Интуитивно репрезентивной единица становится не сама по себе, не как единица языковой системы, а как единица речевого потока. Она становится носителем несобственного содержания, будучи элементом функционального целого (высказывания), поставленная в условия, вынуждающие ее быть репрезентивной.

Условия эти могут быть как макроконтекстными (существование самого целого предопределяется, например, эстетической функцией художественного текста), так и микроконтекстными, т.е. условиями, созданными речевым, либо ситуативным окружением единицы.

Эти два типа условий различны. Первые, макроконтекстные, являются общими для всех входящих в данное целое единиц и для самого целого. Вторые, микроконтекстные, действительны только для конкретной единицы и ее окружения. Сфера действия микроконтекстных условий ограничена фрагментом текста, фрагментом, который в этом отношении может рассматриваться как некоторое условно замкнутое единство.

Контекст, создающий условия репрезентивности для данной единицы (единиц), может быть не только речевым, но и социальным, культурным, историческим - экстралингвистическим. Экстралингвистический контекст, влияющий на репрезентивность, может быть также как микро (смысл некоторого фрагмента текста воспринимается при условии знания определенной обстановки), так и макро (все произведение в целом требует такого знания).

В этой связи представляется существенным понятие предварительной эстетической ориентации, или предварительной эстетической эмоции³, сущность которой, по замечанию Р. Ингардена, состоит в "изменении в нас направленности - перехода от точки зрения естественной, практической жизни к специфически "эстетической" точке зрения" [89, с.124].

Р. Ингарден определяет предварительную эмоцию как стремление перейти от наблюдения действительных фактов к "направленности на наглядно-данное общение с качественными образами" [89, с.124]. При этом, благодаря предварительной эстетической эмоции воспринимающий начинает ориентироваться не на факты существования тех или иных качеств, а на самые эти качества (на "содержание этих качеств").

Предварительная эмоция, предварительная ориентация, как можно заметить, окрашивает собой тот массив макроусловий, которые действуют при восприятии художественного, стихотворного текста и определяют во многом особенности семантики всего художественного целого, его репрезентивность, а также особенности всех входящих в него единиц и их репрезентивность..

Предварительная эстетическая ориентация вырабатывает у воспринимающего отношение к произведению искусства как к тому, что должно обладать несобственным (или не только собственным) смыс-

³ Эстетическая категория, нашедшая отражение еще у Платона ("Федр") и Г.Э. Лессинга ("Лаокоон"). Подробно рассматривается в работе Р. Ингардена [89].

лом, как к тому, чья сущность состоит в представлении чего-то иного, как к тому, что обладает обобщенным смыслом, выраженным через конкретное и заключенное в этом конкретном. Предварительная установка на репрезентивность, имеющаяся первоначально у воспринимающего, может подсказываться самим текстом, - в тексте есть соответствующие ей и поддерживающие ее элементы.

Репрезентивность, обуславливая способность единицы вызывать в сознании ассоциативные представления, сопровождается еще одним семантическим качеством единицы: единица обладает способностью к обобщению. Она не просто носитель единичного индивидуального факта, - через индивидуальное, конкретное она несет обобщенный смысл, актуальный не только для данного. Всякий репрезентирующий элемент, следовательно, способен вызывать в сознании цепочку сходных отображаемому событиям, явлений, качеств, сходных по любым параметрам-признакам (критериям подобия) [31]. Сходство при этом определяется не как сущностное, а как параметральное, призначное.

Репрезентивная способность единицы обуславливается особенностями организации ее содержания. Содержание всякой статической, виртуальной единицы предстает как дифференцированное, упорядоченное множество значений, как система. Все множество входящих в содержание единицы значений (лексемы у В.В. Виноградова в [43]) можно подразделить на два класса - массив и диапазон.

Массив - это набор общепринятых, закрепленных значений единицы. Диапазон - некоторое число, поле допустимых, возможных для нее значений. Содержание виртуальной единицы и содержание соответствующей ей актуализированной соотносятся как множество свободных, неотмеченных элементов (значений) и один отмеченный элемент того же множества, выбранный из потенциальных (массив), либо появившийся в поле допустимых (диапазон).

Использование единицы в общепринятом, словарном значении представляет собой процесс выбора одного из значений массива, - субъект выбирает одно значение из списка предложенных. Употребление единицы в незакрепленном, необщеизвестном смысле представляет собой процесс подбора значения по ассоциациям из других, не охватываемых единицей смысловых сфер. При этом новое значение не должно противоречить области допустимых значений для единицы диапазону. Субъект, таким образом, не выбирает из списка предложенных, а создает, приписывает единице новое значение по выбранной им модели перехода от значения к значению, известной ему на основании языкового опыта.

Новое значение, находясь в диапазоне допустимых, не должно противоречить также некоторому общему для всех значений данной еди-

ницы *на д с м с л у*. Надсмысл формирует то, что сохраняет, к примеру, единство многозначной единицы при множестве значений, - это сигнал, порождаемый соединением компонентов ее содержания - наиболее устойчивых, наиболее постоянных, наименее подвижных. Определение надсмысла может оказаться актуальным при решении проблемы *единства / тождества, вариантности единиц*, проблемы разграничения омонимии и многозначности, проблемы образных значений и т.п. Надсмысл единицы выводим, как представляется, последовательным компонентным анализом ее содержания.

При многократном использовании той или иной модели в речи новое значение может стать потенциальным для единицы и перейти в массив. Особенностью речемыслительных виртуальных единиц (в этой связи есть смысл разграничивать речемыслительные - виртуальные и внутреннеречевые - актуализированные единицы), в отличие от виртуальных языковых единиц, является наличие у них в массиве, помимо общепринятых, словарных значений, множества индивидуально закрепленных значений, характерных для узуса данного субъекта. Содержание общезыковой виртуальной единицы, таким образом, можно рассматривать как инвариант по отношению к содержаниям единиц речевого мышления у различных субъектов.

Массив организован системно, это семантическая структура языковой единицы⁴. При этом связи между значениями внутри структуры не обязательно могут осознаваться говорящими, значения единицы привычны для говорящего, и ему нет смысла всякий раз восстанавливать в сознании связь между ними.

Диапазон допустимых значений также можно рассматривать как семантическую структуру, но структуру пустых значений, структуру незанятых мест. Заполнение значением свободного, незанятого места в структуре диапазона должно быть мотивированным.

Таким образом, если массив можно представить как структуру проявленных значений с не проявленными, упрятыми отношениями (связями), то диапазон - это структура проявленных отношений (связей) с не проявленными значениями. Проявление любого значения (как закрепленного - из массива, так и незакрепленного - в диапазоне) составляет смысл акта номинации (переход от языка к речи, от системы к функционированию системы). Проявление нового, незакрепленного значения (в диапазоне) можно назвать *присваиванием*, которое составляет смысл акта не прямой, вторичной номинации.

Процессы, связанные с означиванием, присваиванием, во внутренней (и поэтической) речи очень активны и регулярны.

⁴ Смысловая структура слова, по определению В.В. Виноградова [48, с.13-23].

Структура проявленных связей между незанятыми местами значений диапазона, сущность которых (связей) составляют различного рода ассоциации, может быть названа ассоциативной структурой. Структура диапазона данной единицы, как очевидно, представляет собой часть общей ассоциативной структуры субъекта, элементами которой должны быть представления-образы отраженной сознанием действительности, т.е. элементы картины мира субъекта.

Как следует из сказанного, способностью к репрезентации обладают в той или иной мере все языковые единицы. Способностью к условной знаковой репрезентации - вследствие того, что они являются единицами знаковой системы (языка). Способностью к условной интуитивной репрезентации - вследствие того, что обладают, помимо массива основных значений, диапазоном допустимых, с проявленными структурными связями, оцениваемыми как модели словоупотреблений (и словопреобразований - в художественном тексте).

Репрезентивность единиц становится возможной вследствие ассоциативности значений - свойства вызывать в сознании на основании некоторых подобных признаков (объективно существующих как подобные или субъективно представляемых таковыми) представления о другом предмете.

Ассоциативность и репрезентивность - свойства, обеспечивающие акт вторичной, несобственной номинации (присваивание), могут проявиться только в условиях репрезентивного контекста, лингвистического и экстралингвистического, предопределяющего конкретные формы несобственной номинации. Репрезентивный контекст следует рассматривать как условия, при которых единица становится носителем незакрепленного несобственного представления.

Репрезентивность, свойственная, присущая единице в языковой системе как нереализованная способность к ассоциациям и вторичной номинации, становится проявленной в поэтической речи при образном употреблении, при употреблении с живой, осязаемой образностью.

Понимание существа образности (и существа репрезентивности) требует дифференциации понятия "образ".

Образ в речевом мышлении не един. Прежде всего, следует выделять образ - статичный аналог, отраженное в сознаний субъекта, картинку фрагмента действительности (образ мышления). Образ-аналог - гносеологическая, философская категория, оперативный элемент человеческого мышления.

Для сознания образ-аналог выступает заместителем, представителем объекта - как образ-р е п р е з е н т (репрезентация в данном слу-

чае - безусловная, непосредственная, не обусловленная кодовой системой, образ - дискретный, видовой элемент сознания).

Образ-аналог и образ-репрезент совпадают, следовательно, как одна сущность – Образ1. Образ1 - действителен для всякого отражения как первичный, чувственный образ, слепок предмета.

В качестве отражаемого не обязательно должен выступать сам объект. Отражаемым может быть его представитель - объект-репрезент, в частности, словесный знак (в этом случае репрезентация условная, опосредованная кодовой системой, образ-аналог появляется через образ-знаковый репрезент). Существо от этого не изменяется - при восприятии возникает чувственный, видовой (не знаковый) образ-аналог реального объекта - все тот же Образ1.

В случае двойной репрезентации (несобственной, вторичной номинации) знак вызывает в сознании образ не собственного референта, а образ объекта, ассоциируемого с ним - образ-ассоциатив, Образ2, который по отношению к ассоциированному объекту, Объекту2, проявляет себя как аналог.

Объект2, соответственно, может рассматриваться как объект-аналог Объекта1. Представленный механизм последовательного отражения можно показать схемой:

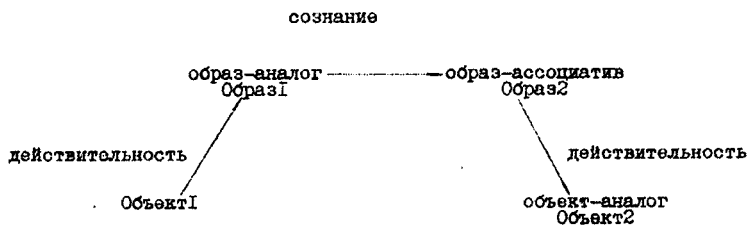

Рис. 2.

Образ1, следовательно, аналог и репрезент Объекта 1; Образ2 - ассоциатив Образа1, дублетный, двойной образ и одновременно репрезент Объекта2; Объект2 - аналог Объекта1; Объект1 - исходный.

Речемыслительный механизм появления интересующего нас Образа2 (образа ассоциативно-репрезентирующей природы) складывается из последовательных операций: I - отображение (Объект1 → Образ1) с одновременной репрезентацией, с замещением в сознании объекта его образом (образ-аналог → образ-репрезент); II - ассоциирование (Образ1 → Образ2); III - репрезентация (образ-ассоциатив → образ-репрезент Объекта2). Объект2 существует в сознании как субъективное представление о реальном объекте, поэтому IV - операция, конечная репрезентации (Образ2 → Объект2).

Объект2 не обязательно появляется при непосредственном восприятии Объекта1, его появление может быть вызвано и представлением об Объекте1, восприятие и ассоциирование могут быть разобщены во времени. Появление Образа2 в таком случае осуществляться сразу со II шага.

В случае узуального известного II шага (языковая системная многозначная единица) ассоциирования не происходит: Образ2 появляется автоматически, поскольку в сознании он уже ассоциирован, связан с Образом1.

Единицы субъективного узуса с индивидуально закрепленной ассоциативной связью (Образ1 —> Образ2) для данного сознания ведут себя аналогично языковым системным - Образ1 автоматически вызывает Образ2. Будучи достоянием сознания субъекта, при объективации связь Образ1 —> Образ2 должна быть мотивирована.

Образ2 - образование ассоциативно-репрезентирующего характера (ассоциативный по отношению к образу1 и репрезентирующий - по отношению к Объекту2). Образ2 - элемент ассоциативно-образной структуры сознания.

Мир отраженный, мир-представление субъекта о реальной действительности организован ассоциативно и образует структуру. Ассоциативные связи между элементами структуры могут быть проявленными, непроявленными, слабыми, сильными, сосредоточенными, рассредоточенными, однонаправленными, разнонаправленными, - картина мира у каждого субъекта индивидуальна, и, следовательно, индивидуальна ассоциативная структура.

Язык, существующий в голове субъекта как речевой запас и языковая способность, соотносимый с картиной мира субъекта, также имеет структуру, и эта структура ассоциативна (мысль об ассоциативности языка субъекта впервые была высказана Ф. де Соссюром - см. [160, с. 53]).

Вопрос о соотношении языка и действительности в сознании субъекта не менее важен, чем вопрос о соотношении языка и реальной действительности, который в последнее время стал привлекать внимание ученых в связи с разработкой проблем языковой номинации, в связи с проблемами лингвистики текста⁵.

По мнению многих исследователей [200, 48, 95, 54, 133], структура текста, структура высказывания соотносима со структурой факта, события и анализ логической структуры высказывания должен находиться в параллельной зависимости от онтологической структуры дейст-

⁵ Текст в этом отношении анализируется как форма опосредованной номинации событий - дискурс (см. [189]).

вительности. Зависимость между структурой высказывания и структурой соответствующего события, события, о котором высказывание, подтверждается исследованиями в области семантики синтаксиса [120, 118, 124], в области семантики текста [94, 110, 111]. Постановка такой проблемы, как проблема событийной номинации [133, 189], была бы невозможна без подобной гипотезы.

Текст, будучи отражением фрагмента действительности (события), имея собственную по сравнению с фактом, языковую природу, должен обладать структурной общностью с ним. Структура текста и структура события, им отраженного, находятся в отношении подобия (как отражаемое и отраженное), и в этом противоречия нет.

Помимо соотнесенности с фактом действительности, текст (и в этом тоже нет противоречия) соотносим структурно с отражением, представлением этого факта, события в сознании говорящего. При этом факт в сознании, событие, отраженное сознанием, обладает речемыслительной природой, т.е. (по словам Л.С. Выготского) существует так, что мысль и слово, выражающие его для сознания, оказываются нерасчлененны.

Соотнесенность структуры высказывания со структурой события, как представляется, есть следствие гносеологической, диалектической соотнесенности структуры языка со структурой действительности и, конечно же, следствие соотнесенности структуры картины мира и структуры языка, существующих субъективно в сознании индивида.

Проблеме соотнесенности слова и означаемого в системе поэтического текста, номинативному аспекту текста и слова в тексте посвящена следующая глава работы.

Глава 2. СЛОВО И НОМИНАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

1. Номинативные категории текста. Референция

Анализ номинативного аспекта текста предполагает различение двух форм текстового состояния, форм, связанных отношениями взаимоперехода. Это внутреннеречевая и внешнеречевая формы.

В первой, с точки зрения плана выражения, текст можно рассматривать как фрагментарно проявленную субстанцию (фрагментарно - вследствие сжатости, предикативности внутренней речи), однако уже системе знаковой, репрезентативной природы. С точки зрения плана содержания, текст во внутренней речи - относительно законченное речемыслительное целое.

Вторая, внешнеречевая форма предполагает для текста большую степень проявленности плана выражения и, возможно, меньшую степень - плана содержания, по сравнению с предшествующим речемыслительным целым. В совокупности двух планов (плана выражения и плана содержания) текст во внешней речи предстает как текстовая система, законченное речевое целое. При этом элементы текста - языковые единицы внешней речи, также как и единицы внутренней речи, обладают предикативностью, емкостью (однако, не в такой степени и по-другому), - вследствие чего имплицитный, скрытый план содержания текста может оказаться не менее, если не более, актуальным, чем эксплицитный.

Элементы внешнеречевого текста, являясь, с одной стороны, представителями элементов действительности, с другой, выступают как носители некоторой речемыслительной информации, носители смысла единиц сознания субъекта⁶. Применительно к элементам реальной действительности следует говорить о референтивности (способности к референции) элементов внешнеречевого текста. Применительно к информативным элементам сознания - об их проективности (способности к проекции речемыслительных, внутреннеречевых элементов во внешнюю речь).

Под референцией в этой связи будет пониматься такое отношение знака к обозначаемому предмету, которое утверждает их соотношенность для сознания субъекта - причем не только конвенциональную, либо коммуникативную соотношенность, но и единичную, индивидуальную.

В лингвистике референция, с одной стороны, предстает как частное и производное номинации, с другой - как отношение, от номина-

⁶ О соотношенности единиц языка и единиц мышления см. [177].

ции не зависящее, либо пересекающееся с ней. Как частное номинации, референция есть проявление, следствие номинативной, называющей способности знака. Референция в этом случае рассматривается с точки зрения знака. Соотнесенность предмета и имени становится возможной вследствие номинативной способности имени. Во втором смысле референцию можно рассматривать вне отношения называния, как бы с точки зрения предмета и с точки зрения самого отношения: утверждается, что данному предмету (референту) есть соответствие, он соотнесен с некоторым элементом другой субстанции (референтивом).

Референция в языке (лингвистическая референция), при втором понимании, выступает как частное референции общей, логической. И при этом референция (как понятие) пересекается с номинацией и, возможно, шире ее. Взаимоотношение между текстом (элементами текста) и событием-прототипом (элементами события), как следует из сказанного, можно считать номинацией. Референция, соответственно, - соотнесенность элементов события с элементами текста. Взаимоотношение между текстом и соответствующим ему фрагментарно проявленным внутреннеречевым целым может быть названо **п о р о ж д е н и е м**. Таким образом, выделяются номинативный и порождающий (генеративный) аспекты анализа текста.

Референция текста - процесс обусловленный. При порождении элементы события-прототипа отражаются в тексте не во всей совокупности, а некоторым числом, законченным и сравнительно небольшим. Элементы, отраженные в тексте, выполняют функцию представителей события, представителей его признаков и элементов. Элементы-представители события неоднородны по степени актуальности, актуальности объективной - с точки зрения события, либо субъективной - с точки зрения автора. Обусловливаемое степенью актуальности свойство текста притягивать элементы события можно назвать **аттрактивностью**, сам процесс и соответствующую категорию - **а т т р а к ц и е й** текста.

Аттракция - еще одна номинативная категория, особенность которой для текста состоит в совокупно целостном действии. Если референция проявляется как свойство отдельных элементов - составных частей текста-целого и референцию целого можно рассматривать как слагаемое референции составляющих элементов, - то аттракция не выводима из действия элемента, аттракция - свойство текста как единой сущности. Аттракция целого - не слагаемое элементов. Аттракция как бы пронизывает материю текста, будучи присуща ему органически в речевом (речемыслительном) состоянии. Аттракция, видимо, свой-

ство порождающего текст сознания, свойство, обуславливающее выбор и акценты элементов реальной действительности, последовательно отражаемых - сначала в речевом мышлении (речемыслительном целом), затем в речи (тексте).

Референция и аттракция, таким образом, предстают как два взаимообусловленных процесса, проявления экспликативной (выражающей) способности текста по отношению к элементам реальной действительности. Проекция - как проявление, экспликация элементов речевого мышления.. Отбор элементов-представителей в текст, сам набор их - характеризующие признаки (аттрактивные признаки) данного текста, признаки, определяющие отношение "действительность - текст".

Референция и аттракция составляют сущность актуализации I степени. Актуализация I степени заключается в экспликации элемента (для одного элемента) и всех элементов (для текста в целом). Элемент, выраженный в тексте, - это элемент, актуализированный в I степени.

Сущность актуализации II степени состоит в акцептации - выделении некоторых элементов из отобранных как наиболее актуальных для смысла текста. Проблема акцентации - в значительной степени проблема субъективного восприятия текста. Определение акцентивов (акцентных элементов) - следующий после определения референтивов этап анализа - служит выявлению актуализированной акцентивной структуры текста.

Актуализация III степени состоит в центрации - в выделении одного элемента (или группы связанных элементов) как самого актуального, как выразителя основного, для содержания текста, смысла. Актуализированный центр может представлять как идею события-прототипа, так и идею - мысль автора. В первом случае центр текста - предмет высказывания (ТО, о чем текст). Во втором - предмет мысли автора (ТО, что он хочет сказать).

Проблема центрации тесно связана с проблемой озаглавливания. Поиск заголовка предполагает осознание центра текста. При этом семантический элемент, выраженный в заглавии, не всегда совпадает с актуализированным центром. Озаглавливание можно рассматривать как пример авторского варьирования (авторского ассоциативного переосмысления) актуализированного центра, вследствие чего заголовок может приобретать дополнительный - обобщающий, ассоциативно-отсылающий, либо апеллятивный внетекстовый смысл.

Последовательная актуализация элементов текста, важная при определении его акцентивной (приоритетной) структуры, требует специального анализа. Категории, участвующие в ее формировании (актуализация, акцентация, центрация), понятия акцентива (элемента, отме-

ченного в отношении актуальности), актуализированного центра (элемента, отмеченного как наиболее актуальный) - позволяют представить перспективу другой структуры - референтивной.

Референтивная структура соответствует актуализации I степени. Анализ референтивной структуры позволяет выявить элементы семантического каркаса текста. Элементы, которые, по-разному организуясь, участвуют в формировании последующих семантических структур. Основу структуры составляет референция. Ее элементами являются референтивы - имена соответствующих элементов действительности. В качестве критерия, организующего референтивную структуру, выступает последовательность, порядок элементов в тексте.

Анализ референтивной структуры требует уточнения понятия "семантический элемент текста". Семантический элемент - минимальный для некоторого уровня, функционально самостоятельный, относительно свободный (как носитель смысла) сегмент семантического пространства текстовой действительности. Выразителями семантического элемента могут быть как отдельное слово, так и группа слов, целостная в смысловом отношении.

С точки зрения категориальной, все элементы референтивной структуры можно подразделить на два типа: субстантивы (N) и предикативы (P). Подразделение элементов на субстантивы: и предикативы, с одной стороны, опирается на посылки глубинной семантики, с другой - на представления о внутреннеречевом, речемыслительном потоке как о последовательности субстантивно-предикативных⁷ ассоциативных цепочек, составленных из пар: N__>P, P__>P, N__>N, P__>N.

Субстантивы и предикативы внутренней речи соотносимы с категориями актуального членения: предмет речи (то, о чем говорится) и предикат (то, что говорится). Однако если предмет речи и предикат при актуальном членении могут быть выделены только в контексте всего высказывания, при этом один и тот же элемент в зависимости от задания и функции может быть то предметом, то предикатом, - субстантивность / предикативность элемента проявляется как независимая от речевого контекста, от высказывания категория. Поскольку это категория его реального мира, мира вещей, категория текстовой действительности, определяющая функцию элемента в ней.

Текстовая действительность, будучи созданной (и воспринятой), проявляет себя независимо от семантических категорий синтаксиса -

⁷ О предикативности как о свойстве внутренней речи писали Л.С. Выготский [49], Б.Г. Ананьев [7], П.П. Блонский [23], А.И. Соколов [158], И.И. Серкова [155]. О субстантивности как о свойстве внутренней речи см. указ. работы Б.Г. Ананьева и А.Н. Соколова.

поверхностных категорий текста. Изменения только поверхностные не влияют на организацию текстовой действительности, для ее изменения необходимы глубинные трансформации. Тем более одни только поверхностные сдвиги не в состоянии изменить категориальной принадлежности (субстантив / предикатив) ее элементов.

Итак, субстантивы - это предметы, объекты текстовой действительности, а также действительности, существующей в сознании порождающего субъекта; предикативы - функционально самостоятельные распространители, характеристики данных объектов. Действительность текста - соотносимая с реальностью и созданная автором, конкретная в проявлении и обобщенная по семантике - эта действительность, представляемая элементами референтивной структуры (референтивами), обладает относительной независимостью от внешнеречевой, поверхностной материи текста, хотя и создается, объективируется именно ею.

Свойство "быть независимой от материи текста" характеризует текстовую действительность как действительность - как нечто, существующее объективно, вне субъекта, независимо от его представлений, мнений и высказываний. Иначе говоря, изображаемая в тексте автором действительность есть действительность его представлений, действительность - образ некоторого реального прототипа либо обобщенный образ, не имеющий единого прототипа.

Семантические элементы текста, будучи элементами целого, находятся в отношениях, семантику которых составляет ассоциативность. Совокупностью элементов и ассоциативных отношений формируется ассоциативно-образная структура текста.

Те же элементы, будучи на ассоциированы, не проявлены в отношениях, а данные в наборе, обладающие исключительно номинативной, референтивной (соотносящей) функцией, суть элементы референтивной структуры текста.

2. Слово в референтивной структуре текста

Семантические преобразования слова в системе стихотворного целого лучше всего проследить в последовательности модификаций его значения в семантических структурах текста, в ряду которых референтивная - структура первого уровня.

Как показывает анализ, референтивная структура не дает достаточных оснований для типологических наблюдений. Отношение референции и последовательность элементов в тексте, составляющие ее основу, слишком общие свойства для проявления специфического. Поэтому сопоставления с целью выявить особенности идиостиля, либо особенно-

сти отдельного произведения, становятся возможными лишь при анализе структур более высоких уровней. Референтивная структура только намечает картину будущих семантических отношений между элементами текста, не представляя их существа.

В качестве текста, демонстрирующего механизм референтивного анализа, выбрана "Осень" Д. Кедрина. Выбор обусловлен картинностью стихотворения - свойство, позволяющее ярко представить референтивность текста. Будучи пейзажным, стихотворение зрительно. Почти каждый его элемент предметно номинативен.

В то же время номинативность "Осени" - номинативность особого рода. Это двуплановая, двурядная, двукратная (ряды и кратность - термины Б.А. Ларина) номинативность, существо которой состоит в том, что элемент (слово), будучи обозначающим предмета либо явления во внешнем мире одновременно называет нечто в мире внутреннем. Таким образом, номинативность вторым своим планом становится эмотивной.

В рассматриваемом тексте (и это тоже одна из его особенностей) нет ни одного элемента, который формально относился бы ко второму плану: каждый номинативен для мира внешнего (действительности изображаемого). Появляющийся второй план - следствие семантики целого, которая и создает эстетическую установку на восприятие внутреннего, эмотивного плана. Эмотивный план целого одновременно становится планом каждого элемента. Подобная двуплановость способна стать чрезвычайно сильным ассоциативным импульсом. Возможно, в этом одна из особенностей воздействия стихотворных произведений подобного рода. Д. Кедрин "Осень":

Эх ты осень, рожью золотая,
Ржавь травы у синих глаз озер.
Скоро, скоро листьями отгает
Мой зеленый, мой дремучий бор.
Заклубит на ежженных дорогах
Стон возов серебряную пыль.
Ты придешь и ляжешь у порога
И тоской позолотишь ковыль.
Встанут вновь седых твоих туманов
Над рекою серые гряды,
Будто дым над чьим-то дальним станом.
Над кочевьем Золотой Орды.
Будешь ты шуметь у мутных окон,
У озер, где грусть плакучих ив.
Твой последний золотистый локон
Расцветет над ширью тихих нив.
Эх ты осень, рожью золотая,

Ржавь травы у синих глаз озер!..
Скоро, скоро листьями отгаст
Мой дремучий, мой угрюмый бор.

Референтивный анализ - анализ первого плана, плана собственно, а не ассоциативно называющего. Поэтому все элементы выступают в референтивной структуре как имена соответствующих предметов действительности изображаемого.

Последовательность элементов референтивной структуры (референтивов) можно представить следующим образом:

осень... рожь... трава... озера... листья... бор... дороги...
возы... пыль... порог... ковыль... туманы... река... окна...
[озера]... ивы... нивы... [осень... рожь... трава... озера... листья...
бор]

Семантические элементы, как средства субъективной характеристики, не принадлежащие изображаемой действительности, однако актуализирующие в каком-либо отношении некоторые ее признаки, передаваемые через подобие их элементам другой (не изображаемой) действительности, могут отражаться референтивной структурой только опосредованно.

Такими элементами-характеристиками (апеллятивами) в анализируемом тексте предстают следующие:

дым... стан... кочевье... Золотая Орда... локон

Эти элементы так же, как и референтивы, суть названия предметов и явлений внешнего мира (действительности изображаемого). Однако их функция и смысл в семантике целого отличны от функции и смысла референтивов.

В референтивной структуре они семантически несамостоятельны и предикатно подчинены референтивам. Их функция состоит в детерминации, в уточнении признаков референтива через обозначение реальных признаков и элементов действительности изображаемого элементами других (апеллятивных) действительностей.

Апеллятивы, вводимые по критериям подобия через образы-ассоциативы, **Образы2**, предстают в действительности изображаемого семантически неполными предикативными характеристиками ее элементов.

Неполнота, проявляясь в семантической несамостоятельности, состоит в том, что смыслы, передаваемые апеллятивами, вполне законченные, объемные и полные в *n*-мерном пространстве нескольких действительностей (действительности изображаемого; действительности, которой они принадлежат и к которой апеллирует порождающее сознание; действительности сознания, действительности-образа), будучи переведенными в плоскость одной действительности изображаемого,

теряют свою полноту, объемность, становясь носителями одного только признака. Перевод заключенного в них смысла в план одной действительности фактически уничтожает их смысл, восстанавливая лишь то, что было (или могло быть) в этой действительности мотивом репрезентации, толчком ассоциации, импульсом к появлению **Образа**.

В анализируемом тексте апеллятивы можно подразделить на предикативно самостоятельные и предикативно несамостоятельные. Предикативно самостоятельные были выписаны (дым, стан, кочевье, Золотая Орда, локон). Предикативно самостоятельные апеллятивы соотносимы по функции с референтивами. Предикативно несамостоятельные - с их признаками.

Предикативно самостоятельные апеллятивы могут прямо соотноситься в тексте с референтивами (например, "дым" - "туман"), могут соотноситься с подразумеваемыми, но невыраженными и потому с трудом восстанавливаемыми референтивами (например, референтив к апеллятиву "локон"), могут также совсем не обладать либо обладать едва определяемыми референтивами (апеллятивы "стан", "кочевье", "Золотая Орда"). Апеллятивы, не обладающие референтивной мотивировкой в тексте, появляются ассоциативно, по ассоциациям к апеллятиву, референтивно мотивированному ("дым" --> "стан", "кочевье", "Золотая Орда").

Предикативно несамостоятельные апеллятивы, соотносимые не с референтивами, а с их признаками, можно выделить следующие (в запятых - название признака):

'золото' ржи.. 'ржавь' травы... 'синие глаза' озер... 'таяние' бора... 'стон' возов... 'серебро' (точнее - 'серебряность') пыли... 'прийти' осени... 'седина' туманов... 'серые гряды' туманов... 'шуметь' осени... 'грусть' ив...

Предикативно несамостоятельные апеллятивы в семантическом плане действительности изображаемого выступают как предикативы референтивов. Смысл их в референтивной структуре можно передать описательно: ТО, что названо "золотом ржи"; ТО, что названо "ржавью травы"; ТО, что названо "синими глазами озер" и т.п.

Список предикативов можно дополнить предикативами собственно референтивной природы, предикативами действительности изображаемого (в кавычках - слова вторичной номинации):

зелень бора... дремучесть бора... езженность дорог... "клубиться" пыли...

"вставать над рекой" туманов... муть окон... плакучесть ив... ширь нив... тихость нив... угрюмость бора

Некоторые предикативы относятся к апеллятивам:

'быть чьим-то' стана'... 'быть дальним' стана'...

'быть последним' локона'... 'золотистость' локона'... 'расцвести' локона'

Референтивная структура текста с апеллятивами, переведенными в семантический план действительности изображаемого, выглядит следующим образом:

Осень...

Первый признак осени по цвету, проявляемый в цвете колосьев ржи, - яркая желтизна осени ("рожью золотая"). Рожь - характеризующий элемент, смысл которого не в самостоятельном существовании, а в характеристике проявляемого признака осени - яркая желтизна ('золото').

Второй признак осени по цвету, проявляемый в цвете травы, - бу-роватость ('ржавость') осени. Однако смысл сочетания "ржавь травы" не исчерпывается только обозначением признака по цвету, признак по цвету подается так, что в нем отражаются и такие признаки, как "старение", "отцветшесть", "жухлость", выводимые из всего сочетания "ржавь травы", а не только из собственного обозначения цвета - "ржавь". Вследствие этого второй признак осени можно передать описательно: ТО для действительности изображаемого, что названо через признак апеллятивной действительности 'ржавь травы'. Налицо присваивание, т.е. акт косвенной номинации, существо которого можно показать формулой $A(x) = B(y)$ [A из множества (x) уподобляется B из множества (y)].

Третий признак осени, передаваемый через цвет озер, - прозрачность, глубина, чистота воздуха, его холодность и др. климатические и атмосферные свойства, проявляемые оптически в яркости красок, в их контрастности. Третий признак может быть обозначен так: ТО, что передано через "синие глаза озер" (передано, а не названо, т.к. "синие глаза озер" - только одно из проявлений признака).

Четвертый признак осени проявляется в опадании листвы бора, - признак этот подается расчлененно, в динамике события-проявления, как относительно самостоятельный предикативный компонент с внутренними подчинениями: листья - бор, бор - 'оттает' листьями, 'оттает' - скоро, бор - зеленый, бор - дремучий.

Уже в референтивной структуре проявляется распределенность, неравноправность семантических элементов текста. Неактуализованная, неотмеченная связями последовательность потенциально содержит субстантивно-предикативную соположенность, соподчиненность элементов, актуализируемую, проявляемую в тексте. Референтивная структура не может быть полно представлена без начального, в первом приближении, определения взаимозависимостей входящих в нее элементов.

В связи с этим стоит ввести две разновидности, два типа представления референтивной структуры - непредидцированного, сущность которого состоит в назывании, свободном от распределения элементов с учетом их подчинений, вхождения, роли, уровня (*референтивная структура I*), и ориентированного, с проявленными подчинениями (*референтивная структура II*).

Референтивная структура II является переходной, в том смысле, что она подготавливает распределенное, проявленное в некоторых подчинительных отношениях, представление элементов для других, последующих структур. Однако референтивная структура II - еще номинативна, поскольку, распределяя элементы по иерархии, с учетом их подчиненностей, она не вскрывает семантики отношений. Это так же, как и структура I, относительно независимая от текста номинативная структура действительности изображаемого.

Существо двух референтивных структур разбираемого текста можно показать следующим образом (в запятых даны элементы, имеющие отношение к косвенной номинации, т.е. элементы апеллятивной действительности, используемые для называния элементов действительности изображаемого; **N** - субстантивы, **P** - предикативы структуры):

Референтивная структура I:

Последний элемент дан в свернутом виде, полное представление:

^Nосень... ^Nрожь... 'золото'^P ржи... ^Nтрава... 'ржавь'^P травы...
^Nозера... 'синие'^P глаза' озер... ^Nлистья... бор... 'таянье'^P листья-
 ми бора... ^Pзелень бора... дремучесть^P бора... ^Nдороги... ^Pезженность
 дорог... ^Nвозы... 'стон'^P воев... ^Nпыль... 'серебряность'^P пыли...
 "клубиться"^P пыли...

"клубиться" пыли, 'серебряной', каузированное 'стоном' воев на дорогах, еженных.

^P'прийти' осени... ^P'лечь' осени... ^Nпорог...

Элемент "порог" обладает обобщенным, метонимическим для действительности изображаемым смыслом, существо которого можно передать описательно: некий дом, порог, крыльцо, основание которого имеет актуализированный смысл для высказывания.

'тоска^Р' осени... ковыль^Н... 'позолотить тоской ковыль' осе-
ни... туманы^Н... 'седина'^Р туманов... река^Н... "встать над рекой"^Р
туманов... признак 'серые гряды'^Р туманов...

Последний признак обладает последовательно соотносимым по компонентам смыслом: туманы - 'гряды', 'седые' - серые.

'дым над чьим-то дальним станом, над кочевьем Золотой Орды'^Р
туманов (расчлененный, сложный, ассоциативный признак)... 'шуметь'^Р осени...

"Шуметь" можно рассматривать и как элемент действительности изображаемого - предикатив реально существующего и отражаемого (шум дождя, ветра) и как элемент аппеллятивной действительности - олицетворение осени (шум, производимый человеком, буйство). Использование многозначности слова (двойственность смысла) выступает здесь как художественный прием, поэтому более последовательным представляется выделение двух предикативов: "шуметь" осени (предикатив действительности изображаемого - шум за окном) и ТО осени, что названо 'шуметь' (предикатив аппеллятивной действительности - переполох, буйство).

окна... муть^Р окон... /озера/^Н (в косых скобках дан повторяю-
щийся элемент, хотя неисключено, что это другие "озера", не те,
которые с признаком "синие глаза")... ива... плакучесть^Р ив...
'грусть'^Р ив... ТО, что названо 'твой последний золотистый локон'^Р
... ТО действие ТОГО, что названо 'твой последний золотистый ло-
кон', которое названо 'расцвести'... нивы... ширь^Р нив... тихость^Р
нив... /осень/^Н... /рожь/^Н... /'золото' ржи/^Р... /трава/^Н... /'ржавь'^Р
травы/... /озера/^Н... /синие глаза озер/^Р... /листья/^Н... /бор/^Н...
'таянье'^Р листьями бора/... /дремучесть бора/^Р... 'утримость'^Р бора

Референтивная структура II (ориентированная, с иерархией элементов):

осень... рожь... 'золото' ржи
 осень... трава... 'ржавь' травы
 осень... озера... 'синие глаза' озер
 осень... бор... листья... 'таянье' бора листьями
 бор... зелень бора
 бор... дремучесть бора
 осень... дороги... езженность дорог... возы... 'стон' воев
 дороги... пыль... 'серебряность' пыли
 пыль... "клубиться" пыли, 'серебряной',
 'стоном' воев на дорогах, езде-
 ных
 осень... "прийти" осени
 осень... 'лечь' осени
 порог
 осень... ковыль... 'позолотить тоской ковыль' осени
 осень... 'тоска' осени... 'позолотить тоской ковыль' осени
 осень... туманы... река... "встать над рекой" туманов
 туманы, 'седне'... 'серне гряды'... 'дым над чьим-
 то дальним станом, над кочевь-
 ем Золотой Орды'
 осень... 'шуметь', "шуметь" осени
 осень... окна... муть окон... "шуметь у мутных окон" осени
 осень... озера... кив... плакучесть ив... 'грусть' ив
 осень... 'докон'... 'золотистость' докона... 'последний' до-
 кона
 'докон'... 'расцвести' докона
 осень... нивы... ширь нив... тихость нив
 осень... рожь... 'золото' ржи

 бор... дремучесть бора
 бор... 'угримость' бора

Референтивная структура II отражает распределение элементов вокруг центров, по отношению к которым они выступают как характеризующие, представляющие.

Можно выделить несколько уровней представления, соответственно месту элемента в строке. Например, в первой строке: осень - первый уровень представления, рожь - второй уровень, 'золото' ржи - третий уровень.

Каждый последующий элемент в строке находится в подчинении к предыдущему и одновременно выступает как его характеристика, конкретно проявляющаяся в семантике последующего элемента.

Не все распространяемые элементы обладают единым уровнем представления. Первым уровнем обладают элементы "осень", "порог". Элементы "бор", "дороги", "туманы", "локон" обладают вторым уровнем. Элемент "пыль" - третьим. Некоторые элементы с их характеристиками даны в свернутом виде: "пыль" - "клубиться", "туманы" - "дым". Их развертывание требует последующих уровней - четвертого, пятого и т.д.

Иерархия элементов в референтивной структуре II, очевидно, отражает некий объективный смысл представления, актуализируемый текстом.

Семантический элемент, по отношению к которому большинство (или вся совокупность) элементов выступает как характеризующие, представляющие, - этот элемент, обладающий наибольшей значимостью, наибольшим представительством, может считаться эксплицируемым центром текста. Экплицируемый центр, видимо, связан с актуализированным центром текста. При этом в зависимости от конкретного случая они могут либо совпадать, либо не совпадать.

Экплицируемый центр рассматриваемого текста один (их может быть несколько) - ОСЕНЬ. По отношению к нему все остальные элементы выступают как экспликанты, предидирующие какой-либо признак центрального.

Нацеленное, централизованное представление элементов текста составляет существо другой структуры, структуры, связанной со свойством элементов текста, которое можно назвать "модусностью".

Модус - термин, заимствованный из логики. Трактуются он как проявляемый признак предмета, присущий ему не постоянно, а лишь в некоторых состояниях (такими состояниями можно рассматривать тексты). Модус следует отличать от атрибута - постоянного признака [202].

Под модусностью будет пониматься свойство элементов текста быть носителями признака для другого элемента, по отношению к которому данный выступает как последующий в иерархии представления. Модусными элементами, или модусами, следует считать все семантические элементы текста, не являющиеся центрами (элементами первого уровня представления), поскольку элементы проявляются как носители признака прежде всего по отношению к эксплицируемому центру.

По отношению к эксплицируемому центру модусы проявляют себя как модусы 1 степени, модусы 2 степени, модусы 3 степени и т.п. Каждый элемент-модус степени n может обладать модусом степени $(n + 1)$, $(n + 2)$ и т.д. При этом модус степени $(n + 2)$ выступает как последующий для модуса степени n и как непосредственный для модуса степени $(n + 1)$.

Строку референтивной структуры, следовательно, могут формировать только те элементы, которые находятся в последовательном модусном подчинении. Абсолютное начало строки (элемент первого уровня) - место эксплицируемого центра, или Темы представления.

Семантические элементы, не имеющие модусов в тексте, можно назвать свободными семантическими элементами текста. Свободными от проявленных связей с другими элементами текста, ассоциирование, от которого данный элемент не свободен, происходит за пределами текста - при порождении и восприятии. Таким свободным семантическим элементом в разбираемом тексте представляется элемент "порог".

Существо модусных отношений текста следует рассматривать в пределах новой структуры, которую можно назвать модусной.

3. Темы и модусы. Анализ модусной структуры текста

Тема (их в тексте может быть несколько), будучи семантическим элементом текста, может трактоваться, с одной стороны, как обозначающее события, события изображаемого, соотносимого с событием-прототипом, с другой - как некая область представлений, ассоциаций, связанных с данным событием в сознании, область, предсказуемая текстом по признакам (элементам).

Теме не всегда и не обязательно соответствует элемент в тексте, но Тема обязательно присутствует в сознании порождающего субъекта как сенсорно активная, осязаемая в проявлениях, чувствуемая область представлений о действительности.

Не всегда обладая определенным, объективно значимым именем в тексте, Тема всегда имеет условное имя (обозначение) во внутренней речи автора - эксплицируемый центр внутреннеречевого целого. Отсутствие в тексте проявленного имени Темы не приводит к семантической не-

достаточности: будучи представлена модусами, Тема становится доступной для восприятия.

Тема, следовательно, может быть охарактеризована как речемыслительный сенсетив, область ощущений и представлений субъектной сферы, модусами которой (области) являются все семантические элементы текста.

Отношения между модусами, их отнесенность к Теме, проявившиеся в референтивной структуре и иерархией представления, есть смысл показать на примере того же стихотворения Д. Кедрина, с тем чтобы проследить связи, зависимости между референтивной и модусной структурами одного текста.

Как следует из референтивной структуры II, Тема текста (ОСЕНЬ) последовательно раскрывается всеми семантическими элементами. При этом элементы образуют группы представления, группы по отношениям.

Представление Темы можно показать в структуре (с элементами и отношениями подчинения между ними). Эта структура, отражающая распределенность элементов соответственно представлению того или иного признака Темы, и есть модусная структура.

Модусная структура, таким образом, не просто называемая, какой была референтивная. Модусная структура - представляющая, это структура элементов представления Темы.

Модусы одной семантической группы характеризуют Тему с разных сторон, но в одном отношении, по одному параметру. Модусы одного параметра образуют семантический компонент представления Темы.

Модусы компонента выступают как единый предикативный центр. Компонент - совокупный предикат Темы и в то же время дискретный самостоятельный, составной смысл, семантика которого категориальна. Это не предметный смысл элемента-модуса, входящего в компонент как составная часть.

Компонент семантического представления Темы, формируемый входящими модусами, можно рассматривать как относительно самостоятельную семантическую единицу речемыслительного класса, большего уровня, нежели единицы, соответствующие модусам.

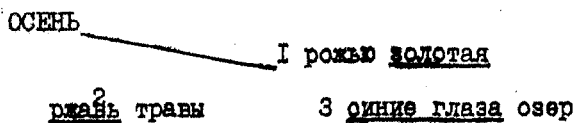
Особенность компонента представления Темы состоит также в том, что обобщенный смысл, передаваемый им, формулируемый в категориях речевого мышления, выступает в тексте как одно из проявленных отношений-характеристик Темы.

Совокупностью всех компонентов составляется набор отношений, по которым данная Тема была представлена, актуализирована в тексте. Компоненты, будучи каждый выражением одной стороны содержания Темы,

между собой связаны через Тему-центр как стороны, аспекты одного явления. Если можно связать компонент с компонентом, то второй компонент должен рассматриваться не как самостоятельный, а как входящий в первый.

Компонент, таким образом, структурен. Модусы внутри компонента находятся в отношениях подчинения. Элементы одного компонента с элементами других компонентов, как правило, не связываются, они соотносятся друг с другом как модусы одной Темы.

Первый компонент модусной структуры анализируемого текста можно представить следующим образом:

Порядок представления следующий: в левой части большими буквами дана Тема, посередине - группа модусов одного компонента, цифрой показано место элемента в тексте, справа или снизу от цифры - сам модус, в котором подчеркнута та его часть, которая семантически актуализирует модус для Темы. Части модусов, проявляющие признак Темы, можно назвать актантами представления. Тема последовательно раскрывается совокупностью актантов. Римской цифрой справа дается номер компонента.

Семантика первого компонента (цветовая характеристика Темы) последовательно раскрывается тремя модусами, компонент актуализирован признаками 'золото', 'ржавь', 'синие глаза' - признаками апеллятивной действительности.

В действительности изображаемого они лишь называют соответствующие признаки, однако этим не исчерпывается их семантика, 'Золото' ржи - к примеру, "яркая желтизна ржи": исчезают оттенки как денотативного, предметного значения, так и коннотативного - носители субъективного, авторского отношения. Перевод смысла, заключенного в элементе апеллятивной действительности изображаемого (кстати сказать, не всегда возможный), предполагает существование аппарата адекватного семантического представления⁸. В противном случае неизбежны потери смысла.

⁸ Создание аппарата адекватного семантического описания, видимо, возможно при помощи семантического языка, предполагающего выделение элементарных смыслов и порождение смыслов комбинациями элементарных. Значения при этом описываются не при помощи слов (слова часто обладают размытыми, множественными значениями, и описание семантики при помощи слов для

Второй элемент - 'ржавь' травы - передает не только "буроватость" окраски травы, но и ее "жухлость", "отцветшесть". Однако эти денотативные признаки не исчерпывают смысла, заключенного в слове 'ржавь': ср. ржавь - ржа - ржа ест (железо), ржавый - ржавость - ржавь ('ржавь' - индивидуально-авторский неологизм). Возможны другие ассоциации к этому слову.

Вследствие сложности перевода смысла в семантический план действительности изображаемого в дальнейшем, как и ранее, соответствующие признаки и явления действительности изображаемого будут обозначаться именами-апеллятивами, в запятых.

Модусы, входя в один компонент, связываясь одним отношением (для 1 компонента таким отношением является характеристика Темы по цвету), передают не одно это отношение. Модус, как правило, многосложен. В формировании совокупной семантики компонента он участвует только частью семантики, содержащейся в нем (актант представления Темы). Модусная структура подает отношения между элементами как ориентирование, поляризацию их семантики в сторону представления Темы, не пренебрегая на отражение их семантической множественности в тексте.

Если семантика первого элемента ('золото') сводима в целом к представлению ориентированного на Тему смысла (обозначение признака по цвету - "ярко-желтый"), если семантика второго элемента ('ржавь') может рассматриваться как ориентированный смысл плюс наращения смысла ("буроватость" + "жухлость", "отцветшесть"), - то семантика третьего элемента только ориентированным смыслом или смыслом с наращением не исчерпывается.

Элемент 'синие глаза озер' в тексте семантически автономен. Это не просто еще один образ (образ в смысле картинки), подтверждающий совокупный смысл компонента, это скорее вторжение, промельк образа, в некотором смысле чуждого общему семантическому ходу внутри компонента. Это семантический всплеск, вызывающий при восприятии ассоциативный вихрь - движение ассоциаций в поисках семантического оправдания, в поисках мотиваций его появления. Результаты ассоциативных движений у разных перцептов могут быть разными, но это не меняет существа явления: третий элемент относительно самостоятелен внутри компонента.

Отношение, передаваемое *компонентом 1*, было охарактеризовано как предикация Темы по цвету. Совокупный смысл компонента, складываемый из смыслов входящих в него модусов, не столь односложен.

задач определенного рода может оказаться недостаточным), а средствами единого словаря элементарных смыслов. О семантическом языке см. [79, 9].

Смысл компонента - категориальный смысл. Семантически компонент предстает как обозначенное поле, область раскрываемых модусами характеристик. При этом основным условием, предъявляемым семантикой компонента для входящих в него модусов, является условие непротиворечивости их смысла смыслу всего компонента.

Изначальный общий смысл компонента (отличный от его совокупного смысла), таким образом, неопределен, категориален, он есть как бы импульс вхождения в семантическую область, в семантическое поле значений, - самими вхождениями являются смыслы модусов.

Семантическую область компонента I можно описать так: ощущения красок осени - яркость и одновременно приглушенность, отцветшесть и одновременно чистота, холодноватость...

Составляющие семантической области компонента - неконкретизованные, незакрепленные, открытые смыслы. Общее в их семантике - ощущения красок осени. Характеристики "яркость", "приглушенность", "отцветшесть", "чистота", "холодноватость" приведены вследствие знания элементов совокупного смысла, но ряд этих характеристик незакончен, а модусы являются представителями только отдельных сторон общего смысла, представителями некоторых составляющих, возможных для семантической области компонента.

Таким образом, роль компонента в отношении модусов сводится к определению направления их смыслов, в отношении всего текста - к определению его семантической области, совокупность которых (семантических областей текста) складывается совокупностью компонентов.

Компонент II модусной структуры анализируемого текста представлен только одним элементом:

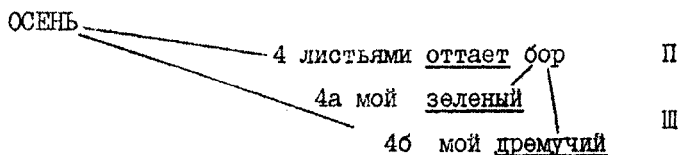
ОСЕНЬ ————— 4 листьями оттаёт зелёный,
дремучий бор

II

Для модусной структуры характерно округление смысла модуса. Модусы не соотносимы по единицам выражения с референтивами. Модус как правило, образуется сочетанием нескольких элементов - носителей смысла, в то время как референтив обладает одним или двумя. Образую сочетание, модус в совокупном смысле входящих элементов выбирает центр - актанта представления, которому подчиняются, на который направлены все остальные смыслы. Таким образом, модус предстает как ориентированная на Тему семантическая пирамида с вершиной-центром.

Будучи сложным, составным, пирамидальным смыслом, модус сам может обладать модусами, быть Темой представления для элементов последующих уровней. Уровень представления модуса в то же время высту-

пает вторым уровнем представления Темы, поскольку раскрытие модуса в некотором отношении ведет к раскрытию Темы в том же отношении. В случае, когда Тема модусом второго уровня (или последующего) раскрывается в ином отношении, нежели модус первого (или предыдущего), модус второго уровня может сформировать новый компонент, компонент второго уровня. Таким компонентом второго уровня следует считать *компонент III*:

Выделение второго, третьего и последующих уровней представления должно быть семантически оправданным для Темы: выводятся актанты, представления, смысл новых модусов должен дополнительно раскрывать Тему (если при этом раскрывает в новом отношении, то выделяется отдельный компонент).

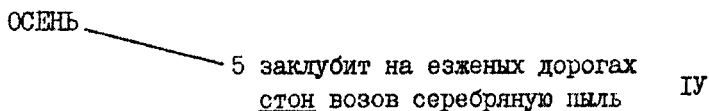
Семантическое отношение-характеристика Темы для компонента II представляется следующим образом: увядание - опадание листьев, замирание всех жизненных сил природы, не только природы...

Выраженным ("листьями оттаает бор") оказался первый признак. Второй и третий (замирание жизненных сил, уход) представлены ассоциативно, поскольку элемент 4 обладает обобщенным смыслом.

Отношение-характеристика компонента III - другого рода: контраст, противопоставление таким признакам "осени", как "желтость", "жухлость", "прозрачная и призрачная острота" (компонент I), - противопоставление этим признакам "сочности" зеленого цвета, "темноты", "крепости", "дремучести" бора...

Подобная контрастность позволяет оттенить, выделить признаки осени: и "темнота-еще" и "зелень-еще" бора - тоже признаки осени, но они уходящи, они развивающиеся, переходящие в противоположность - "скоро, скоро оттаает...", - и это тоже признак осени.

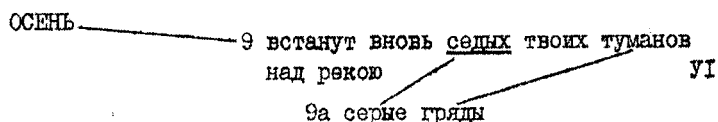
Элементы 4а и 4б, следовательно, вполне самостоятельные представители Темы и могут быть выделены в отдельный компонент, каковым и является компонент III, компонент второго уровня.

Следующий *компонент - IV*:

зов), в какой-то части - с компонентом I (86 тоской позолотишь - рожью золотая), но соотносимы не по совпадению слов и значений слов как синонимов, а по соответствию совокупного смысла компонента ориентированным непротиворечащим смыслам модусов (ориентированность непротиворечащего смысла, как уже отмечалось, - основное условие, предъявляемое семантикой компонента семантике входящий в него модусов).

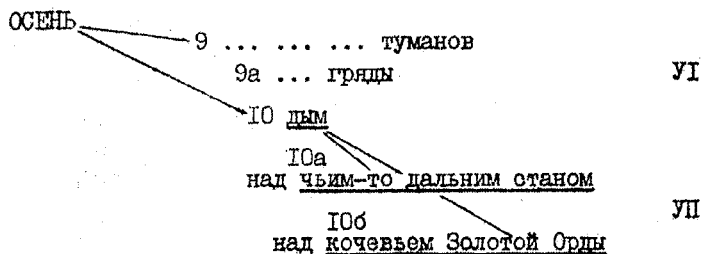
Компонент VI:

Помимо того, что "туманы" - атмосферный, климатический признак осени, из модуса 9 для характеристики осени (кроме ориентированного смысла 'серые', подчеркнутого как актант представления) больше ничего нельзя вывести, поэтому в структуре он представлен нерасчлененно.

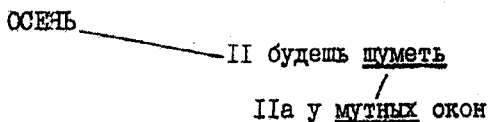
Отношение-характеристика и семантическая область компонента VI могут быть описаны примерно следующим образом: угрюмая, надвигающаяся старость, таящая в себе нечто пугающее, таинственное, глухота, серость, обрюзгшесть и суровость поздней осени... -это уже не та осень, которая была "золотая рожью".

Тревога и таинственность, обреченность, обеспокоенность неизвестным, смутные предчувствия... - ощущения, усиливаемые семантикой следующего, VII компонента, компонента второго уровня:

Особенностью компонента VII является то, что он целиком состоит из актантов. Смыслы, входящие в его модусы, настолько существенны для характеристики Темы, что все они являются ориентированными, актуализирующими.

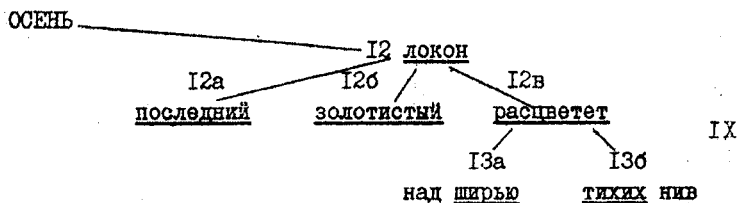
Компонент VIII::

УШ

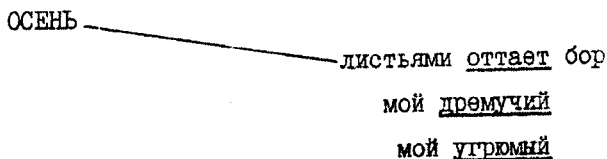
Ощущение пугающей неизвестности, предстоящего в осени, напряжение, переданные предшествующим компонентом, снимаются выходом сил - шумом дождя... - примерно так можно передать функцию компонента VIII в раскрытии Темы, а, следовательно, его семантику и отношение-характеристику.

Компонент IX, как компонент VIII, характеризуется тем, что его модусы целиком актантны:

Компонент IX - очень напряженный в семантическом отношении. В общей семантики текста его функция аналогична функции катарсиса, функции разрешения, релаксации, ослабления. При этом семантически функция осуществляется при помощи двух модусов: I2 - "последнее, яркое воспоминание, надежда, промельк былого и смутная надежда на возвращение - бабье лето..." и I3 - "покой, тишина, умиротворенность". Семантическую область компонента IX можно описать словами: "Все будет хорошо..." и "Тишина!.."

Особенность анализируемого стихотворения состоит в цикличности построения: первое четверостишие (компоненты I, II, III) повторяется в конце почти без изменения. При таком повторе новый семантический элемент (угрюмый) приобретает актуализирующую значимость. Семантика последнего компонента (соотносимого с компонентом III) приобретает новое направление: уход, недолговечность сущего и угрюмость.

Существо семантических характеристик Темы, существо семантических областей у компонентов модусной структуры разбираемого текста свидетельствуют о двунаправленности, двуплановости всей его семантики.

Двунаправленность сводится к отображению автором мира своих представлений, с одной стороны, и мира своих переживаний, с другой. В тексте оба мира сосуществуют, переплетаются, взаимовыражают и передают друг друга. Одни и те же семантические элементы являются одновременно носителями того и другого: элемент, соотносимый с элементом действительным, содержит мотив соответствующего переживания, и наоборот, элемент, называющий переживание, становится знаком элемента действительности.

Двунаправленность в представлении Темы можно отразить следующими смыслами (соответственно компонентам Темы):

ОСЕНЬ	цвет, краски, рожь, трава, озера	пронзительность и отцветшость; чувство острой радости, смешанной с щемящей болью
	падение листьев, замирание природы	ощущение уходящего, контрастность уходящего тому, что приходит ему на смену
	дороги, возы	перемещения, неустроенность, тоска, одиночество
	туманы, серость	неизвестность, ожидание, смутные предчувствия, тревога
	дождь, шум дождя	облегчение, ослабление напряженности, катарсис
	бабье лето, паутина, нивы	острота последнего, надежда и покой
	один дремучий бор	угрюмость

Последовательное расположение компонентов представления Темы для семантики второй части (мир переживаний) реализуется таким образом, что самое расположение становится семантическим (нараста-

ние, нагнетение чувств-ощущений, доходящее до кульминации и ослабления в последних трех компонентах).

Представление модусной структуры разбираемого текста можно завершить схемой (семантическим элементам в схеме соответствуют цифры - их номера в структуре):

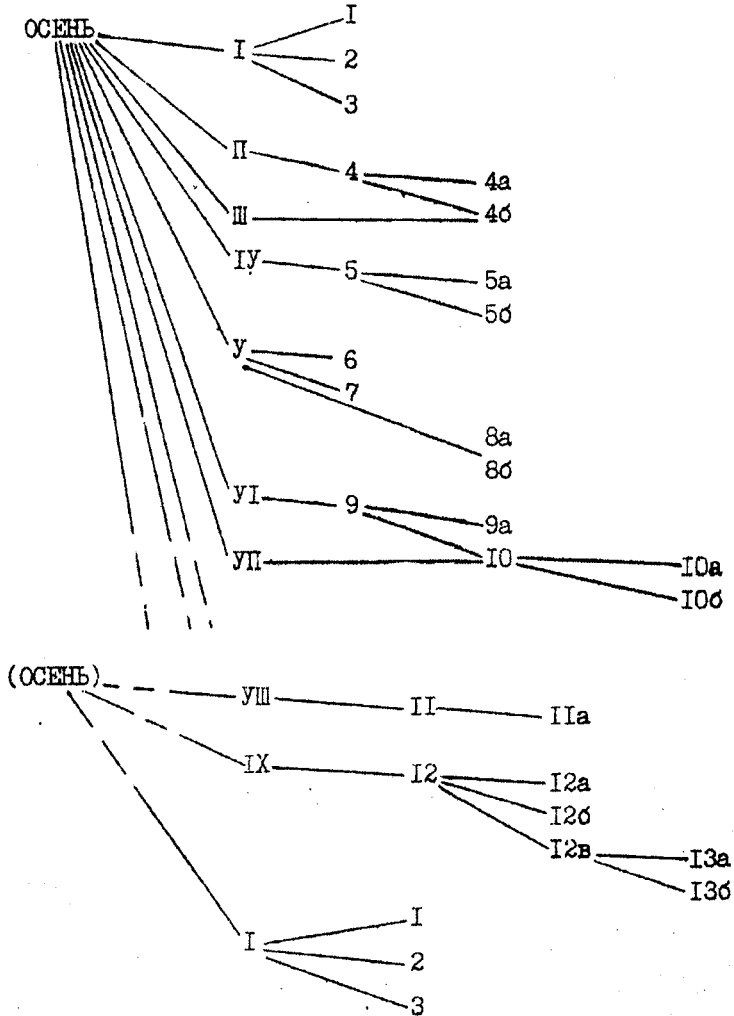

Рис. 3.

Анализ модусной структуры, т.е. структуры представления Темы - основного семантического элемента текста, последовательно раскрываемого остальными элементами, - позволяет сделать следующие выводы:

1. Семантические элементы, обладающие в тексте самостоятельным множественным смыслом, при анализе с точки зрения отношения к Теме проявляют себя как ориентированные, иерархизованные, пирамидально нацеленные, направленные на Тему смыслы ее представления - модусы. Направленность смысла проявляется только в некоторой части его содержания, в части, названной актантом представления *Темы*.

2. Тема последовательно раскрывается совокупностью всех актантов данного текста, которые в составе модусов участвуют в формировании семантических отношений-характеристик Темы. Выразителями отношений выступают *семантические компоненты представления Темы*.

Будучи выразителем отношения, по которому характеризуется Тема, компонент одновременно предстает как носитель самостоятельно-го смысла, понимаемого двояко: а) как совокупный смысл, складывающийся из сочетания, соединения смыслов входящих в компонент модусов и б) как некий надсмысл, смысл целого, возникающий обобщенно, в отвлечении от конкретных смыслов входящих модусов.

Эта особенность семантики компонента, как представляется, аналогична семантике составных, неэлементарных единиц. Семантика предложения, к примеру, - смысл целого и смысл, складываемый совокупностью входящих слов. Смысл свободного словосочетания можно интерпретировать подобным образом.

Эта же особенность лежит в основе классификации фразеологических единиц по степени спаянности их компонентов. Степень определяется через сопоставление смысла всей фразеологической единицы, смысла целого со смыслом, образующимся соединением входящих в нее компонентов. Особенность ФЕ, правда, состоит в том, что она обладает таким общим смыслом, который значительно отличается от смысла, образуемого соединением входящих слов, и представляет собой нечто качественно совершенно иное. В то время как семантика свободного словосочетания как целого и предложения как целого прямо соотносимы с семантикой их состава, образования меньших единиц.

3. *Отношение-характеристика Темы*, выражаемое компонентом Темы, представляет собой смысл, соотносимый с Темой и проявляемый модусами в тексте. Текст при этом выступает как организованное

семантическое целое, с центром, иерархией, отношениями между элементами.

Семантика компонента проявляется как семантическая область - единица речевого мышления порождающего субъекта. Тема в речевом мышлении предстает в виде сенсорного комплекс-смысла, проявлениями которого выступают семантические области-компоненты.

4. Отношение между Темой и модусами близко пониманию предикативности. *Модусы*, будучи выразителями Темы, суть ее предикаты, соотносящие, связывающие Тему с элементами реальной действительности, проявляющие ее в действительности.

Выступая постоянным предметом высказывания при предикатах-модусах, Тема есть ТО, о чем говорится, постоянное исходное, постоянная основа высказывания. Соответственно компоненты представления Темы - ее постоянные новые, постоянные ремы, постоянные предцируемые части⁹ (модусы могут выступать как темы, основы высказывания, для модусов последующего уровня).

Следовательно, помимо собственно семантической интерпретации (отношение к семантике текста как к семантике целого), модусная структура и ее слагаемые могут служить основанием для актуального членения текста, что вполне закономерно, поскольку актуальное членение - прежде всего членение смысловое. Компоненты актуального членения, по определению И.П. Распопова, "являются одновременно компонентами предикатного отношения" [142, с.56], что согласуется с отношениями между Темой и ее модусами.

5. Некоторые *элементы модусной структуры* (имена), охарактеризованные предварительно как те, которые не принадлежат действительности изображаемого и, лишь обозначая в ней нечто, заимствуются из апеллятивной действительности, вследствие чего обладают обобщенным, множественным, неоднородным смыслом, - эти элементы в модусной структуре могут выступать (правда, нерегулярно) как отмеченные. Отмеченность проявляется в двух отношениях: а) они могут оказываться модусами последующего, не первого уровня, б) они могут характеризоваться как модусы большой актуализирующей активности, в этом случае весь модус становится актантом представления Темы..

Названные особенности в модусной структуре отражаются непосредственно. Поэтому сущность элементов ассоциативно-репрезентирующего характера (**Образов2**, ибо о них шла речь) следует определять при анализе других структур.

⁹ "Основа высказывания" и "предцируемая часть" - термины И.П. Распопова [142].

Итогом первых двух глав могут служить следующие выводы:

- Для определения существа семантических элементов текста (слов и групп слов), а также существа элементов, являющихся результатом вторичной номинации, необходим анализ номинативной способности и номинативных категорий текста.

В первой главе слово рассматривалось как семантический элемент системы стихотворного целого, определялась сущность ассоциативно-репрезентирующего (образного) элемента как специфического для стихотворного текста. Номинативный аспект слова в тексте, номинативные категории и структуры были предметом анализа во второй главе.

- В плане первого круга вопросов было определено, что текст обладает репрезентирующими элементами двух типов: 1) являющимися именами существующих в голове образов-аналогов реальных предметов - **Образы1** и 2) использующими имена первичных образов-аналогов для называния вторичных образов, образов-ассоциативов – **Образов2**.

- Для текста **Образы2**, образы-ассоциативы, образы ассоциативно-репрезентирующие, могут быть интерпретированы как элементы апеллятивной, не изображаемой в тексте действительности, к которой обращается сознание порождающего субъекта в поисках подобия, соответствия, аналогии, в поисках обобщенного, не конкретно данного смысла.

- Проблематика номинативного аспекта текста была связана с анализом двух семантических структур: *референтивной* (соотносящей элементы текста с элементами действительности), выступающей в двух разновидностях - референтивной I (со свободными, не проявленными отношениями, отношениями обычной последовательности) и референтивной II (ориентированной, направленной, с проявленными отношениями подчинения между элементами), - и *модусной* (располагающей элементы соответственно Теме, изображаемому).

Элементами обеих структур выступают одни и те же сущности (слова в их семантике). Однако они по-разному группируются в структурах.

Данное свойство - единство элементов для различных структур - позволяет определить их как класс элементов текста, как элементы его семантики, иначе говоря, как семантические элементы. Переоформляясь, семантические элементы будут участвовать в образовании других структур текста, существо которых рассматривается в следующих главах.

Глава 3. СЛОВО В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА

1. Семантические структуры текста. Текстовая система

Текст представляет собой систему элементов и связей. Целостный, совокупный смысл текста постигается не суммарно, набором элементов смысла, а их единством, которое преобразует семантику отдельных в семантику целого.

Элементы функционального целого, в отличие от элементов неактуализированного набора, - элементы ориентированные, подчиненные, функционально несамостоятельные. Ориентированность семантики элемента, обусловленная не отдельным его существованием, а существованием в связях, создает предцированную единичность его смысла.

Семантика текста, следовательно, не только и не столько семантика элементов, сколько семантика связей. Связи, предикации, будучи семантическими, с одной стороны, создают совокупный текстовый смысл, с другой, переоформляясь, ориентируют смысл входящих элементов, делая их тем самым элементами замкнутой единоорганизованной семантической системы.

Идеи синтаксической семантики [14, 125, 133, 134] относительно событийной (для высказывания), в отличие от элементной (для слова), номинации позволяют говорить о семантике (и номинации) качественно иного уровня. Событийная (в частности препозитивная - для предложения) номинация динамичная, в отличие от статичной лексической номинации.

Динамичность препозитивной номинации, видимо, связана с предикативностью предложения, как его характеризующим свойством. Денотат предложения модально обусловлен, во времени связан, реально обозначен, - иначе говоря, предикативно определен. Денотат слова (виртуальной единицы) не предцирован.

Предикативность, динамичность свойственны текстовой (дискурсной) номинации в равной мере. Текстовая номинация так же, как препозитивная, номинация событийная. Так же, как и у предложения, денотат текста предикативно определен. Так же, как и у предложения, денотатом текста является событие. В отличие от предложения, денотат текста структурен, распределен, элементарно множествен. Структурность (показатель системности), будучи образующим, сущностным признаком текста, проявляется как свойство его семантики.

В предыдущей главе были рассмотрены два типа номинативных структур текста - референтивные и модусные. В зависимости от сложности, от степени семантической насыщенности вводимого критерия

отношения, структуры могут быть более или менее осложненными, более или менее семантическими.

Так, референтивные структуры - структуры элементарные, с десемантизированными предикациями (связями), отражающие поэлементно последовательность события. Структуры модусные обладают подчинительными отношениями, семантически, однако, еще не проявленными. В этом специфика номинативных структур: это структуры элементов и их соположенностей, но не структуры связей.

Следующий после номинативного этап семантического анализа текста требует проявления семантики связей. Анализу связей в системе целого, их влиянию на семантику элементов будут посвящены третья и четвертая главы.

Семантика связей в совокупности с семантикой элементов составляет структуры последующих уровней - универсальную и ассоциативно-образную. Дальнейший анализ требует уточнения понятий "структура", "семантическая структура", "структурность".

Понятие "структура", близко связанное и иногда отождествляемое с понятием "система", не получило еще единообразного толкования в науке. Наиболее общепризнанным определением структуры можно считать следующее: структура - это строение, внутренняя организация системы [202, 204, 133].

Есть взгляд, интерпретирующий соотношение системы и структуры как соотношение целого и его части [133, с.23]. При этом система рассматривается как целостная данность, а структура - как "частное звено в данной организации", "как звено, образуемое сеткой отношений между элементами изучаемой системы" [133, с.23]. На этом основании выделяются три последовательных аспекта языковых элементов: элементный (соответствующий объекту на уровне элементов), структурный (на уровне отношений), системный (рассматривающий объект как целое). Все три аспекта оказываются связанными, и постижение системы становится невозможным без анализа отношений между ее элементами, отношений, являющихся структурными.

Второе понимание структуры, думается, не должно противоречить первому, напротив, оно способно уточнить и углубить его. Под структурой можно понимать не только строение, каркас системы, но и строение всех ее частей, при этом элементами структуры в первом смысле становятся структуры во втором,

Отличительным признаком структуры в этом понимании выступают однородность входящих элементов и единый тип формирующего отношения.

Такое понимание уточняет представление о структурности - признаке системного объекта. Структурностью обуславливается множественность структур объекта и их единая организация для системы. Определение организации системы (структуры в первом смысле) предполагает дополнительный, системообразующий, или системоорганизующий, аспект анализа объекта.

Понятия структурности, системы приложимы к тексту. Текст предстает как достаточно сложная система, структурная организованность которой не может быть исчерпана представлением одной структуры. Текст - структурно множествен. Элементы его, вступая в различные типы отношений, по-разному связываясь между собой, способны образовывать разные типы структур, в зависимости от типа отношений. Тип отношений в данном случае может рассматриваться как критерий структуры, типология структур обусловлена типологией отношений. Только всей совокупностью структур, составляющей структурность, можно представить текстовую систему полностью.

Семантические структуры в этой связи следует понимать как класс структур системы-объекта. Это структуры предметно-смыслового каркаса текста. Элементы структур данного класса - семантические элементы. Отношения между элементами - семантические отношения. То, что формируют структуры семантического класса, следует считать семантикой всего целого, или семантикой текста.

Следовательно, семантические структуры текста выступают формантами его семантики. Номинативные структуры в ряду семантических предстают как структуры элементарные, структуры первого уровня.

Признаками текстовой номинации (соответственно и семантики) являются ю н к т и в н о с т ь (актуализированная единичность, свойственная высказыванию), п р е д и к а т и в н о с т ь (определенность модальная, временная, обстоятельственная), с т р у к т у р н о с т ь (элементная распределенность и структурная множественность). Признаком, характерным для собственно текстового уровня, следует считать структурность, ибо первые два - свойства пропозитивной семантики.

Как признак, определяющий целостность, независимость текста от больших образований, была выделена с е м а н т и ч е с к а я с а м о д о с т а т о ч н о с т ь (см. первую главу). Текст в семантическом отношении "вещь в себе" в том смысле, что определение его семантики не сопряжено с обращением к семантике большей единицы, ибо таковой нет, - контекст текста экстралингвистический.

Характерными признаками художественного текста являются его объемность и пространственность (ср. у Б.А. Ларина - многорядность, кратность [103]). Объемность смысла текста обусловлена его пространственностью.

Текст семантически неодноплановое образование (пространственность). Неодноплановость проявляется в семантической объемности. Пространственность, таким образом, свойство текста, объемность - категория его семантики.

Множественность временных и пространственных планов в тексте создает множественность его семантики. В каждом из планов тот или иной элемент приобретает определенное значение, которое в свою очередь может быть спроецировано в другой план, в другую семантическую плоскость. Семантика плоскости (плана) задается выбранным критерием и обуславливается структурой. Совокупностью семантических проекций элемента создается его объемный, конкретно данный, текстовый смысл.

Пространственность проявляет себя во многих, если не во всех, семантических структурах текста. Однако есть структуры, для которых определение пространственности составляет существо.

К структурам такого типа относится универсальная структура, специфическая для художественного (и стихотворного) текста. Вследствие чего анализ универсальной структуры есть смысл предварить рассмотрением некоторых особенностей художественной семантики, а также анализом самого понятия универсальности как свойства текстов определенного типа.

В художественном тексте реализуется не один семантический план. Это свойство, однако, еще не составляет его специфики. Одним из существенных признаков художественного текста, отличающих его от нехудожественных, является то, что художественный текст, по определению Ю.А. Шрейдера [184], является текстом порождающей семантики (ТПС).

Особенность текстов порождающей семантики, в отличие от текстов традиционной семантики (ТТС), заключается в специфически художественном отражении: текст, будучи ТПС, не воспроизводит событие в том виде, в каком оно имело место в действительности, а создает новое, являющееся ассоциативным, обобщенным образом событий некоторого типа. Текст порождающей семантики имеет автора-создателя, художника, в то время как автор текста традиционной семантики - транслятор, переводчик, задача которого состоит в наиболее адекватном отражении события реальной действительности средствами языка.

Два типа текстового отражения создают два типа денотатов: денотат ТТС и денотат ТПС. Денотат текста традиционной семантики, видимо, менее распределен, чем денотат текста порождающей семантики.

Отраженное в нехудожественном тексте есть образ существующего в сознании образа отражаемого события. Отражение в данном случае двукратно: реальная действительность —> субъект —> текст.

Отраженное в художественном тексте - следствие более расчлененного процесса.

Прежде всего, неединичен отражаемый фрагмент действительности (событие-прототип). Даже в том случае, когда толчком к созданию текста было одно событие (событие-импульс), не оно, как правило, составляет отраженное текста.

В качестве прототипа для художественного текста выступает, видимо, некоторое число, некоторое множество событий, совпадающих с точки зрения автора в каком-либо отношении. Появляющийся в сознании автора образ этих событий воплощается в с о б ы т и е - о б о б щ е н и е, составляющими которого могут стать не только элементы действительных событий, но и элементы сознания - элементы собственно субъективной сферы, либо элементы предполагаемых реальностей. При этом то, что мыслится как реальное, онтологически может быть отнесено разным образом и к окружающей действительности в ее прошлом, настоящем и будущем, и к действительности фантастической.

Событие-обобщение представляет собой результат сложного, многократного ассоциативного отражения действительности в ее актуальном для автора протекании.

Это первый этап процессов, предшествующих созданию художественного текста. Существо следующего состоит в функциональном определении события.

Событие должно стать не единичным, единственно возможным, а контекстуально оправданным, возможным для некоторого мира с определенными предикативными характеристиками - пространство, время, модальная рамка. Событие становится фактом в цели других допустимых событий, объединяемых некоторой координатной системой с общим (или пересекающимся) набором признаков, характеристик, участников, с общими правилами.

Событие-обобщение начинает соотноситься с некоторой порождающей стихией, условной реальностью, внутри которой оно предстает как возможное. Реальность эта становится порождающей для других событий, которые могут быть отражены в тексте: могут появиться но-

вые персонажи, может что-то произойти, - реальность динамична, функциональна. Формирование порождающей реальности составляет второй этап, предшествующий появлению текста.

В цепи возможных, допустимых для порождающей реальности событий осуществляется выбор тех, которые впоследствии будут отражены в тексте. В порождающей реальности намечается область, пространство, непосредственно предшествующее тексту, - семантическое пространство будущего текста.

Выбор из порождающей реальности событий, отражаемых текстом, составляет существо третьего, последнего этапа его создания. Область, отражаемую текстом, можно интерпретировать как прообраз его семантики, как единицу сознания, соотносимую, сопряженную с семантикой текста.

Таким образом, отражение, предшествующее художественному тексту, более сложный, более расчлененный процесс, чем отражение, предшествующее тексту традиционной семантики, тексту, воспроизводящему события реальной действительности.

Расчлененность, многоэтапность художественного отражения обуславливает особенности художественной семантики, ее объемность.

Проявлениями семантической объемности выступают такие признаки стихотворного текста, как *n*-мерность семантического пространства и универсность.

Универсность и *n*-мерность - два взаимообусловленных признака. Семантическое пространство художественного (и стихотворного) текста онтологически неоднородно. В нем, отражаясь, сосуществуют, взаимодействуют элементы разных плоскостей, разных сфер и миров (универсов). Универсность при этом определяет существование и взаимодействие предметных миров, - *n*-мерность проявляется в наличии измерений, отвлеченно от наполняющих их миров и элементов.

Измерение понимается как система оценок, система координат, - *n*-мерность своего рода интерпретация теории относительности для семантического пространства текста. Измерения - категориальны. Существование их, независимое от конкретного текста, не всегда имеет значение для его семантики.

Понятие измерения шире понятия универса. Универс - мир, обладающий пространством, временем, модальной рамкой, в нем есть субъекты-участники, в нем происходят (либо способны происходить) события, он динамичен. Измерение - организующее мира, либо нескольких миров, смыслы его более обобщены. Между собой измерения могут быть соотносимы и не соотносимы. Соотносимость измерений - свидетельство их связи, свидетельство их принадлежности одно-

му образующему. Это образующее может быть названо семантическим универсумом.

2. Семантический универсум

Вводимое понятие семантического универсума текста (группы текстов) требует соотнесения с понятиями реальности, действительности, семантической области, семантического поля и семантического пространства.

Определение универсума потребует обращения к категориям предикативности: модальность, время, пространство, лицо и т.п. Оставаясь неизменными в своем категориально-сущностном, грамматико-обобщенном значении, названные категории в функционально-смысловом отношении различны для уровня предложения (грамматика слова) и для уровня текста (грамматика текста).

Семантический универсум - термин, соотносимый с понятиями реальности, объективной реальности и действительности. Не вдаваясь в терминологические подробности, опираясь на данные философского словаря [204], названные понятия можно описать следующим образом.

Реальность понимается в трех отношениях: 1) бытие вещей в отличие от их небытия, либо других форм бытия (возможные, вероятные и т.п.), реальность трактуется также 2) либо как понятие, тождественное объективной реальности (весь материальный мир в целом), 3) либо как совокупность всего существующего.

Действительность объясняется в двух противопоставлениях: 1) действительность / видимость - противопоставление объективно существующего субъективно представляемому, действительность - как объективная реальность во всей ее конкретности, 2) действительность / возможность - в этом смысле действительность предстает как результирующее возможности, отражающей тенденцию развития для явлений, потенциальное их способности.

В любом отношении представленные понимания реальности, объективной реальности и действительности суть категории, прямо соотносимые с материальным, объективно существующим миром в его данностях, доступном человеческому восприятию.

Процесс отражения объективного мира может воплощаться в художественном творчестве в различных субстанциях. В целях адекватного описания семантики художественного текста необходимо дифференцировать онтологические формы бытия вещей, предметов изображаемого (в конечном счете отраженного) мира. Речь идет о бытийном, реальностном определении той субстанции, которая выше была назва-

на порождающей стихией событий текста, или порождающей реальностью.

Порождающая реальность не всегда объективная реальность, она может быть условной реальностью, квази-реальностью. Недостаточность такого понимания реальности потребовала введения термина "семантический универсум". Предлагаемый термин свободен от ассоциаций, более строг и не многозначен. Семантический универсум следует интерпретировать в единственном отношении: как формант семантики текста.

Семантический универсум, с одной стороны, это реальность, внутри которой возможна и осуществима цепь событий, отраженных текстом, с другой, это действительность (реальность в ее конкретных проявлениях) изображаемых событий. В этом втором понимании берется часть семантического универсума - данность, отраженная текстом, или семантическое пространство текста.

В своей бытийной, онтологической форме семантический универсум может совпадать с объективной реальностью в ее временном течении - прошлое, настоящее, будущее. Происходящее текста может соотноситься с некоторой представляемой условной реальностью, которая не является реальностью действительного факта.

Смысл этой воображаемой реальности можно свести к явлениям двоякого рода: 1) семантический универсум - реальность видимости, существует вера в некоторый порядок вещей, это реальность мифа, 2) семантический универсум - реальность, созданная автором, реальность вымысла.

Для современного сознания два этих типа семантического универсума, видимо, должны быть интерпретированы функционально, поскольку и тот и другой для него суть реальности вымысла. Функциональность предполагает, аналогично значениям слов, оппозицию: закрепленное / незакрепленное, общеизвестное / индивидуально-авторское. Мифологические тексты в этой связи, видимо, следует рассматривать как тексты закрепленного универсума.

Каждый из трех типов семантического универсума (соотносимый с объективной реальностью, с реальностью условной - мифа и вымысла) модально неоднороден.

Универсумы первого типа могут подразделяться на модальные реального факта (события, о которых заявляется, что они имели место в действительности); на модальные, возможные с различной степенью вероятности ("это могло быть", "это скорее всего было", "этого не было и быть не могло, но это не противоречит реальной действительности" и т.п.); на модальные условные (необходимость, желательность,

нежелательность). Видимо, в каждом отдельном случае, в зависимости от степени модальной значимости и актуальности самого параметра для семантики текста, возможны различные типы текстов. К примеру, многие исторические произведения, научно-фантастические, произведения-прогнозы, утопии, антиутопии, сатирические, философские могут быть типологически интерпретированы соответственно различным модальным смыслам.

Универсумы второго типа характерны для фольклорных текстов. Описание универсума греческих мифов, русских волшебных сказок, русских бытовых сказок, сказок "1001 ночи", эпосов разных народов поможет выявить возможные типы текстов, установить закономерности жанров, объяснить семантику того или иного текста.

Особенность универсумов второго типа состоит в том, что они, будучи объективно нереальными, в отличие от первого типа, функционально подобны первому и отличны от третьего - они способны (были способны) к производству серии текстов, в то время как универсум индивидуально-авторский, как правило, единичен в текстовом представлении. Это свойство - следствие того, что универсумы мифологические - универсумы видимости, с субъективно-модальным значением реальности.

Универсумы третьего типа (авторские) и в объективно- и в субъективно-модальном плане характеризуются как нереальные. По значениям субъективной модальности они так же типологически различны, как и универсумы первых двух типов - возможность / невозможность, желательность / нежелательность и т.п.

В жанровом отношении тексты данного типа могут пересекаться и даже совпадать с текстами первого типа: исторические произведения, научно-фантастические, утопии, антиутопии и т.д. (текстами собственно третьего типа могут считаться чисто фантастические). Расклассифицировать эти разные в семантическом отношении тексты позволит анализ бытийного, онтологического содержания их универсума. Примерами текстов данного типа могут служить "Алиса в Стране Чудес" Л. Кэрролла, "Путешествия Гулливера" Дж. Свифта, "Государства и империи Луны" С. де Бержерака, "Мастер и Маргарита" М. Булгакова и др. Особенность перечисленных произведений, за исключением последнего, заключается в перемещении, в переходе от обычной действительности, от реального мира в иной мир, в другую действительность со своими законами, правилами, иногда обратными, противоположными земным, иногда просто другими.

Резюмируя сказанное, следует выделить свойство семантического универсума, которое будет необходимо при дальнейшем анализе: се-

мантический универсум, будучи формантом семантики текста, задает критерий и параметры входящих смыслов, определяет специфику семантического пространства текста, его существо и его составляющие.

3. Семантическое пространство текста.

Семантические миры и сечения

Семантическое пространство текста - отраженный текстом фрагмент семантического универсума, понимаемого в двух отношениях: либо как совпадающее с объективной реальностью (объективно-модальное значение реальности), либо как соотносимое с понятием "возможного мира" в модальной логике (мир, "который может быть описан без противоречия" [92, с.49-50], "список объектов, свойств и отношений" [159, с.134]).

Составляющие семантического пространства, распределяя между собой семантические элементы текста, в значительной мере влияют на его семантику, формируя ее объемность, n-мерность и универсность.

Многомерность семантического пространства художественного текста, - будучи следствием его репрезентивной способности и одновременно результатом неодномоментного, многоэтапного процесса художественного отражения, проявляется в характере направленности, акцентной актуальности его семантики.

Семантика художественного текста многонаправлена. Создаваемая ею реальность-конструкт может быть актуальна и для действительности момента восприятия (перцепт-реальности), и для воспринимающего лица (субъекта), и для действительности времени после восприятия (постперцепт-реальности), и для некоторого аналогичного факта (аналог-реальности), и даже для другой художественной системы. Способность художественного текста к ассоциативным вторжениям в другие системы составляет его смысл, его назначение. Это его функциональное свойство как произведения искусства.

Для того чтобы подобные обращения стали возможны, текст должен обладать внутренними, организующими свойствами, оправдывающими ассоциативные переходы. Мотивы ассоциаций должны существовать в самом тексте.

Носителями мотивов представляются семантические элементы, организуемые внутри текста неоднородно с точки зрения их бытийной, реальностной принадлежности. Их определение входит в задачу универсного анализа, одним из составляющих которого выступает понятие универса.

У н и в е р с, или мир, - это условно ограниченная, автономная область мышления субъекта, предметный массив, обладающий свойст-

вами целого. Универс - категория, независимая от семантического универсума, поскольку она независима от текста. Это категория мышления, которая лишь незначительным числом своих элементов бывает представлена в структурах текста.

Универс - образование промежуточное между возможным миром (в логике) и семантическим полем (в лингвистике). С одной стороны, универс - более узок, более замкнут по сравнению с возможным миром (смысл которого скорее приближается к пониманию семантического универсума), с другой, универс - функциональное целое, мир динамичный, способный к порождению ситуаций – что отличает его от семантического поля в различных пониманиях (изложение теории семантического поля, см., например, в [91, 161, 188]).

Будучи, как правило, представлен в тексте малым числом элементов, универс - основной носитель ассоциативного импульса. Его элементы, достаточно определенно связываемые между собой, легко притягивают друг друга, между ними легко устанавливается ассоциативная связь.

Представители универсов распределяются в тексте между несколькими семантическими планами (плоскостями). Универс может принадлежать только одной семантической плоскости. Если элемент универса попадает более чем в одну плоскость, то в этой другой (и последующих) он входит в другой универс.

Не менее важным, чем универс, представляется понятие семантического сечения текста. Сечение задает одномерный, однозначный смысл элементам. Это как бы плоскостный аспект семантического пространства текста. Объемность семантики текста создается совокупностью семантики плоскостей. В сечении одной плоскости элемент семантически необъемен.

Универсы в своих элементах для стихотворного текста распределяются между сечениями четырех типов. Сечения соотносимы для сознания со стихиями, аналогичными условным реальностям. Такими реальностями предстают следующие: реальность онтологическая - **R(O)**; реальность-конструкт - **R(K)**; реальность-аттракция - совокупность реальностей, к которым обращается порождающее сознание в поисках аналогий, сопоставлений, заимствований - **R(A)**; реальность представлений, внутреннего мира субъекта, его мотивационной сферы - **R(M)**.

Последний тип реальности встречается не в любом тексте: символика переживаний, состояний, идей - все то, что формирует внутренний мир субъекта, не всегда оказывается проявленным.

Таким образом, элементы универсной структуры, анализу которой посвящен раздел 4 настоящей главы, с одной стороны, выступают как представители универсов, с другой, вместе с последними, они входят в сечения текста, соотносимые со стихиями (условными реальностями) сознания, - **R(O)**, **R(K)**, **R(A)**, **R(M)**.

Сечения - реальности текста и одновременно системы универсов - **U(O)_i**, **U(K)_i**, **U(A)_i**, **U(M)_i**. Сечения и универсы, хотя и связанные, но различные аспекты художественной семантики, поэтому универсная структура может быть двух видов: R-универсная и U-универсная, - условие, которое следует учитывать при анализе.

4. Анализ универсной структуры стихотворного текста

В задачу анализа не входит полное представление объемности текста, многомерность будет только аргументирована. Цель состоит в том, чтобы показать распределение семантических элементов текста соответственно сечениям и универсам, не останавливаясь на соотношениях между ними в общей системе текста. Это задача последующих этапов анализа.

Наблюдения над стихотворными текстами показывают, что универсная структура каждого индивидуальна, особенна. Анализ некоторого числа текстов позволил установить, что универсность (в наборе сечений) может служить типологической характеристикой текста и использоваться как художественный прием: семантические смещения, пересечения семантических плоскостей способны создавать необычные эффекты при восприятии.

Как свидетельствует материал (стихотворения Д. Кедрина и С. Есенина), универсность может стать основным конституирующим приемом. В этом отношении интерес представляют случаи художественного использования взаимодействий двух или нескольких сечений. При этом смысл, становясь для восприятия двойственным, неоднородным (смысл одного элемента, либо всего текста), создает эффект особого рода - семантическую множественность и семантическую объемность. Названная особенность служит подтверждением известного диалектического свойства художественного произведения: общее через конкретное и конкретное через общее.

Реальность восприятия создаваемой автором действительности становится возможной вследствие двух условий: "если бы было так" и "я вижу"! Эти два условия своего рода рамка, пресуппозиция, конвенциональное правило восприятия художественного текста. Воспринимающему не требуется доказательство реального существования описанного, он знает условие - "если бы было так", но он в состоянии со-

переживать, как при восприятии действительного события, поскольку есть второе условие - "я вижу". В этих двух условиях еще одно проявление диалектики восприятия произведения искусства.

Создаваемая художественная действительность, таким образом, существует для того, чтобы вызвать у воспринимающего те же эмоции, то же состояние, те же мысли и переживания, которые были у автора, когда он "видел", точнее, "если бы он увидел" то, что отражено в произведении.

Эффектом сопереживания "я вижу - следовательно, видите вы" объясняется социальная значимость произведения искусства.

Помимо обусловленного (художественного) смысла - "если бы было так" – произведение обладает и онтологическим, нехудожественным смыслом - "было так", поскольку должно было как-то быть до "если" (событие-прототип), что в объективной действительности стало толчком к созданию новой, художественной действительности.

Помимо онтологического и конструктивного (объективных) смыслов, для произведения важным представляется его субъективный смысл - план настроений, переживаний, идей. Внутренний мир автора может открыто вторгаться в произведение (автор высказывает мнение, передает отношение). Но даже в том, случае, если отношение не высказано, оно есть. Любой элемент художественной действительности может стать эмотивно значимым.

Одновременность в трех планах (онтологическом, конструктивном, субъективном) - отличительная особенность художественной семантики: каждый элемент художественной действительности и действительность в целом могут трактоваться в любом из трех названных отношений. Выразителями этих семантических планов в тексте являются сечения $R(O)$, $R(K)$, $R(M)$. Сечение $R(A)$ обладает иной функцией. Это реальность ассоциативных аналогов изображаемого. $R(A)$ создает ассоциативную перспективу текста. Элементы ее как бы дважды образы, - образы образов, или образы текста.

Стихотворные тексты в универсальном отношении разнотипны. Есть тексты с преобладанием элементов онтологического сечения (описательные). Есть тексты преимущественно конструктивные. Таких довольно много. Реже встречаются тексты аттрактивного и эмотивного планов.

В ходе работы были проанализированы в универсальном отношении некоторые произведения других авторов. По наблюдениям, в поэзии Александра Блока, Марины Цветаевой довольно регулярны сочетания конструктивного и эмотивного сечений; у Павла Васильева преобладают сочетания конструктивного и аттрактивного; у Анны Ахматовой - онто-

логического и эмотивного; Цыприан Камил Норвид использовал трехмерные сочетания - конструктивного, аттрактивного и эмотивного. Мерность - набор сечений, характер их использования и сочетания в тексте - как представляется, вполне может служить одним из существенных признаков идиостиля. Однако вопрос об идиостилях в этой связи требует специального исследования.

Большинство проанализированных текстов двумерны. Особенностью их построения является универсальный параллелизм. Такие тексты обладают очень незначительным числом элементов двух других сечений. Редко встречаются тексты с трехмерной организацией. И не встретилось, хотя такое возможно, четырехмерного построения.

Многие стихотворения Д. Кедрина построены на параллелизме конструктивного и аттрактивного сечений - $R(K)$ и $R(A)$. $R(K)$ в системе целого отражает динамику настроений, динамику внутреннего мира автора, не переходя, однако, в эксплицитно выраженный план $R(M)$ (это можно проследить на примере проанализированного стихотворения "Осень").

Исторические поэмы позднего Д. Кедрина строятся на иной параллели - параллели $R(O)$ и $R(K)$. При этом описательны (сильная доля $R(O)$) они только внешне. Мир внутренний, вводимый так же, как и в лирических произведениях, через семантику целого эмотивно значимыми элементами действительности изображаемого ($R(K)$) предстает в поэмах иначе. В $R(K)$ отражается не динамика настроений, как в ранних стихах, а отношение автора к изображаемому в самом изображаемом - действительность осмысленного исторического события. Изображаемое ($R(K)$) становится мерой самого себя, будучи направлено полюсами - в действительность $R(O)$ и в эмотивный план $R(M)$. Внимание к деталям, загроможденность реалиями в поэмах Д. Кедрина не случайны, поскольку изображение функционально двойственно: в изображаемом - его оценка, его смысл и его оправдание.

Подобным образом представленное авторское осмысление событий прошлого - закономерное развитие основной тенденции раннего Д. Кедрина: двукратный, двухплановый параллелизм сечений $R(O) / R(K)$, "Я ушел", "Казнь", "Двойник", "Строитель", "Поединок", "Афродита" и др. Однако довольно часто встречается параллелизм $R(K) / R(M)$ - "Разговор", "Исповедь", "Бродяга", "Сердце", "Две песни про пана", "Кофейня".

Наиболее регулярное универсальное сочетание, наиболее характерный для автора параллелизм сечений, таким образом, способны меняться, варьироваться как в зависимости от периода творчества, так и между отдельными произведениями.

Характерная для раннего С. Есенина параллель **R(O) / R(A)**, на совмещении которых возникает несколько своеобразное **R(K)** с незначительными, но эмоционально сильными элементами **R(M)**, в более поздних стихах (стихи кабацкого цикла) уступает место параллели **R(O) / R(K)**. Это обусловлено мировосприятием поэта в тот и другой периоды.

В первом - юношески непосредственное удивление жизнью, поиски аналогий, смелые, яркие ассоциации к увиденному. Во втором - воспоминания, грусть по ушедшему, стихи-письма, стихи-обращения, в которых переплетаются впечатления поэта от реально случившегося с представлениями, стремлениями, настроением. Сильным оказывается противостояние **R(O) - R(M)**. **R(K)**, отступая на второй план, служит лишь выражению **R(O)**. Одновременно почти все элементы **R(O)**, воспринимаемой через **R(K)**, оказываются пропущенными через **R(M)** и едва ли не порожденными ею. Элементы **R(A)** в стихах этого цикла начинают выполнять побочную, вспомогательную роль, при этом доля их участия оказывается примерно такой же, как доля участия элементов **R(M)** в стихах раннего периода.

Стихи персидского цикла построены на той же параллели **R(O) / R(K)** со смещенным в сторону **R(K)** акцентом. При этом **R(K)** возникает как полуреальная, полуфантастическая действительность представлений **R(M)** с незначительными элементами **R(O)**.

Одна из характерных черт поздних поэм С. Есенина - наличие второго измерения (перцептивного, эмоционального, оценочного), помимо авторского. Неоднородность, с разными, иногда противоположными, иногда пересекающимися эмотивными системами (два субъекта - два мира, два взгляда), делает семантику текста еще более неоднородной, еще более объемной. Каждый элемент и текст в целом способны приобретать в условиях неоднородности несовпадающие значения. Значение истинности при этом становится либо неопределенным, либо относительным.

Вторые и *i*-тые точки измерения, смещение, перевод всей системы сечений в другую плоскость, в плоскость другого субъекта - все это отражение раздвоенности, разобщенности внутреннего мира поэта позднего периода творчества. Болезненное осмысление себя, своего внутреннего состояния воплотилось в мотив двойника, в "Черном человеке".

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,

То ль, как рощу в сентябрь.
Осыпает мозги алкоголь.
Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.
Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусая надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек,
Черный, черный!
"Слушай, слушай, -
Бормочет он мне, -
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлаганов.
В декабре в той стране
Снег до дьявола чист,
И метели заводят
Веселые прялки.
Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.
Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою.
Счастье, - говорил он, -
Есть ловкость ума и рук.

Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.
В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым –
Самое высшее в мире "искусство".
"Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай."
Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза, покрываются
Голубой блевотой, -
Словно хочет оказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.
Друг мой, друг мой.
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.
Ночь морозная.
Тих покой перекрестка.
Я один у окошка.
Ни гостя, ни друга не жду.
Вся равнина покрыта
Сыпучей и мягкой известкой,
И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду.
Где-то плачет
Ночная зловещая птица.
Деревянные всадники

Сеют копытливый стук.
 Вот опять этот черный
 На кресло мое садится.
 Приподняв свой цилиндр
 И откинув небрежно стуртук...
 ... "Черный человек!
 Ты прескверный гость.
 Эта слава давно
 Про тебя разносится."
 Я взбешен, разъярен,
 И летит моя трость
 Прямо к морде его,
 В переносицу...
 ...Месяц умер,
 Синет в окошко рассвет.
 Ах, ты, ночь!
 Что ты, ночь, наковеркала?
 Я в цилиндре стою.
 Никого со мной нет.
 Я один...
 И разбитое зеркало...

Анализ целесообразно начинать с вычленения элементов. Выборка элементов из текста осуществляется следующим образом: элементу присваивается порядковый номер, в скобках приводятся его предикатные характеристики. Универсному анализу могут предшествовать референтивный и модусный.

Семантическое измерение повествования:

1. друг /мой/

2. я /очень и очень болен; сам не знаю, откуда взялась эта боль; ' как рожу в сентябрь, осыпает мозги алкоголь; голова моя машет ушами, как крыльями птица; черный человек на кровать ко мне садится, опять не дает мне всю ночь; гнусавя надо мной, как над усопшим монах; читает.../

3. ветер /свистит над пустым и безлюдным полем/

4. поле /пустое; безлюдное; ветер свистит/

5. роца /в сентябрь; как ... осыпает мозги алкоголь/
6. голова /моя; машет ушами, как крыльями птица; на шее ноги ма-
лчить больше невмочь/
7. птица /как крыльями, голова машет ушами/
8. черный человек / на кровать ко мне садится; спать не дает мне
всю ночь; водит пальцем по мерзкой книге;
гнусявая надо мной, как над усопшим монах, чи-
тает.../
9. книга /мерзкая/
10. некто /прохвост; забуддыга; какой-то/

Внутри повествовательного формируется новое семантическое из-
мерение - черного человека:

12. (II) некто /в книге, в которой много прекраснейших мыслей и
планов; человек; прожил в стране самых отврати-
тельных громил и шарлатанов; был авантюрист, но
самой высокой марки; был изящен; к тому ж поэт...;
женщину сорока с лишним лет называл скверной де-
вочкой и своею милую; говорил: счастье есть лов-
кость ума и рук.../
13. страна /в которой прожил некто; самых отвратительных гро-
мил и шарлатанов; в декабре снег до дьявола чист и
метели заводят веселые прыжки/
14. снег /в той стране; в декабре до дьявола чист/
15. метели /в той стране; в декабре; заводят веселые 'прыжки'/
16. прыжки /веселые; заводят метели в декабре в той стране/
17. женщина /сорока с лишним лет; некто называл скверной девочкой
и своею милую/

Семантическое измерение человека из книги:

18.(II) Он /счастье есть ловкость ума и рук/
 /неловкие души за несчастных известны/
 /ничего, что много мук приносят изломанные и лживые
 жесты/
 / в грозы, в бури, в житейскую стынь, при тяжелых ут-
 ратах, когда грустно, казаться улыбочивым и простым –
 самое высшее в мире искусство/

Особенность измерения в том, что его элемент - обобщенное лицо, предикативные характеристики - его моральные правила.

Появляется еще одно измерение - автора, соотносящееся с измерением повествования:

19.(8) черный человек /не смеешь этого; не на службе живешь водо-
 лазовой; другим читай и рассказывай/

20.(12) поэт /скандальный; что мне до жизни его/

21.(2) я /что мне до жизни скандального поэта/

После чего опять возвращается общий повествовательный план, измерение i_1 :

22.(8) черный человек /глядит на меня в упор; глаза покрываются
 голубой блевотой, словно хочет сказать
 мне, что я жулик и вор.../

23.(2) я /черный человек глядит на меня; хочет сказать мне, что
 я.../

Одной из особенностей семантики разбираемого стихотворения является столкновение, пересечение семантических измерений - повествовательного, черного человека, человека из книги, автора. При этом значимым оказывается как их текстовая структура, так и динамика взаимодействий. Многомерность становится не только свойством, но и активным художественным приемом.

Общим, наиболее нейтральным (однако и нейтральность оценочно значима) выступает повествовательное измерение - i_1 . От него отходят все остальные - черного человека (i_2), человека из книги (i_3), автора (i_4), противостояние наблюдается между измерениями $i_2 - i_4$, неприятие оценок (в предикативных характеристиках), конфликт. Измерение i_3 , принадлежа i_2 , несамостоятельно и отчасти может рассматриваться как дополнительная характеристика элемента 8 (черного человека).

Построенное на диалоге, на возвращениях, стихотворение обладает еще одной особенностью. Читатель вынужден постоянно идентифи-

цировать элементы в их разворачивающихся предикатных характеристиках, в их новых облициях, планах, измерениях. В каждом измерении одному и тому же элементу дается иная оценочная характеристика. На несходстве (или более глубинном, нетекстовом сходстве) оценок строится все повествование, его основной конфликт. От начала к концу увеличивается расхождение: автор, черный человек, человек из книги, каждый в своем измерении и каждый в измерении другого, предстают и оцениваются по-разному.

Вторая часть стихотворной поэмы, начинающаяся повтором начальной строфы, усиливает несходства, подводя к неизбежности столкновения, - и общий повествовательный план (последняя строфа), возвращая к реальности **R(O) / R(K)**, неожиданно утверждает единство в трех лицах.

Не менее напряженным для текста оказывается взаимодействие семантических сечений.

Принадлежность элемента сечению определяется в двух отношениях - по происхождению и семантически. При этом учитывается

1) атрибутом какого сечения - онтологического, конструктивного, атрактивного, либо эмотивного - может быть элемент (происхождение),

2) какова семантика элемента, в каком сечении он приобретает данный текстовый смысл (семантика).

Происхождение и семантика не обязательно совпадают для элемента в одном сечении. Генетически элемент может тяготеть к одному сечению, получать смысл - в другом. Не всегда семантика элемента способна раскрыться в одном **R**, элемент может быть **R**-полисемантическим. Эта особенность представляется существенной для текстового определения семантики образов-ассоциативов, **образов2**.

Формально распределение элементов по **R** осуществляется при помощи предикатов. Предикаты способны притягивать в **R** элементы, генетически ей не принадлежащие. В этом случае элемент может выступать лишь названием соответствующего элемента для данной **R**.

Подробно будет рассмотрена лишь первая часть текста (23 элемента). Анализ сечений второй части принципиально аналогичен.

Характерной чертой разбираемого текста в отношении **R** является то, что действительность изображаемого в нем (**R(K)**) двухуровневая. I уровень - уровень всего текста, начинающийся с обращения "друг мой, друг мой". II уровень - уровень описываемого события, уровень повествования о черном человеке - со слов "черный человек, черный, черный".

Переход от первого уровня ко второму осуществляется незаметно, путем усиления ассоциативно-фантастического в действительности

$R(K)_1$: "ветер свистит над пустым и безлюдным полем ... как рошу в сентябрь, осыпает мозги алкоголь ... голова моя машет ушами, как крыльями птица, ей на шее ноги маячить больше невмочь".

Интересен переход к $R(K)_2$ во второй части: "вся равнина покрыта сыпучей и мягкой известкой, и деревья, как всадники, съехались в нашем саду", после чего - "где-то плачет ночная зловещая птица, деревянные всадники сеют копытливый стук". Чисто формально: от сравнения - к метафоре, от сопоставления, аналогии - к уподоблению, со-вмещению, тождеству. Постепенный переход, перемещение в $R(K)_2$ с приглушением элементов $R(K)_1$, перевоплощение их в элементы $R(K)_2$ - проступает действительность второго уровня с приходом черного человека. Возвращение к $R(K)_1$ в конце поэмы - резкое, неожиданное: "месяц умер, синее в окошке рассвет".

Взаимодействие между двумя уровнями изображаемого ($R(K)_1$ и $R(K)_2$) осуществляется таким образом, что по отношению ко второму первый уровень выступает как действительность онтологическая - $R(O)$, - элементы $R(K)_1$ становятся двойственными по природе, они как бы привязывают действительность изображаемого $R(K)$ к реальной действительности $R(O)$, позволяя тем самым определить меру *реальности / нереальности* совершившегося, установить его модальное значение.

Первый элемент текста (друг) двойствен в модально-реальностном отношении:

$R(O)$	$R(K)_1$
	I. друг /мой/
I. друг /мой/	

Так же двойственны последующие элементы 2, 3, 4:

$R(O)$	$R(K)_1$
	2. я /очень и очень болен; сам не знаю, откуда
2. я / ... /	взялась эта боль; как рошу в сентябрь, осы-
	пает мозги алкоголь; голова машет ушами,
3. ветер / ... /	как крыльями птица/
4. поле / ... /	3. ветер / ... /
	4. поле / ... /

Элементы 3, 4, кроме того, принадлежат еще одному сечению - $R(A)$, к которому относится элемент 5 (роша). Элемент 6 (голова) можно рассматривать аналогично 1 и 2:

$R(O)$	$R(K)_I$	$R(A)$
	3. ветер / ... /	
3. ветер / ... /	4. поле / ... /	3. ветер / ... /
4. поле / ... /		4. поле / ... /
	6. голова / ... /	5. роща / ... /
6. голова / ... /		

Элемент 7 (птица), как и 5 (роща), принадлежит $R(A)$, при этом между 5 и 7 явно ассоциативная связь.

$R(A)$
7. птица / ... /

Элементы различных сечений оказываются связанными общими предикатными характеристиками: голова [машет ушами, как крыльями птица] - птица [как крыльями птица, машет ушами голова]; я [как рощу в сентябрь, осыпает мозги алкоголь] - роща [как сентябрь осыпает мне мозги алкоголь]. Элементы, таким образом, обладают способностью в составе предиката участвовать в характеристике другого элемента - свойство, обусловливаемое модусностью. При этом сечение задает акцент элемента: элемент в сечении может быть либо центральным [я, друг - в $R(K)_I$, роща, птица - в $R(A)$], либо дополнительным [я, друг, ветер, поле - в $R(O)$, ветер, поле - в $R(A)$], либо значение элемента проявляется только в составе предиката [роща - в $R(K)_I$ для элемента 2 (я), я - в $R(A)$ для элемента 5 (роща), голова - в $R(A)$ для элемента 7 (птица), птица - в $R(K)_I$ для элемента 6 (голова)].

Элемент 8 (черный человек) вводит сечение $R(K)_2$ - действительность изображаемого уровня II:

$R(K)_2$
8. черный человек / ... /

В $R(K)_2$ элемент 2 (я), принадлежащий $R(K)_I$, получает дополнительную характеристику через предикат "на кровать ко мне садится, спать не дает мне всю ночь". Связывая три сечения - $R(O)$, $R(K)_I$, $R(K)_2$ - элемент 2, с одной стороны, приобретает трансформы в сечениях, становится полисемантической множественностью сред, не теряя, однако, своей центральности (ни в одном сечении элемент 2 не проявляется как дополнительный); с другой - выступает как основа достоверной модальности происходящего. Элемент 2 (я) как бы пронизыва-

ет собой все измерения и сечения текста, объединяя их и расщепляясь в них.

$R(K)_2$

2. я /черный человек на кровать ко мне садит-
ся; спать не дает мне всю ночь; тнуса-
ви надо мной, как над усопшим монах,
читает мне жизнь прохвоста и забулдыги,
наводя на душу тоску и страх/

Отраженные в тексте предикатные характеристики элемента, актуализируя его признаки каждый раз в каком-то одном отношении, не единственно возможные. Существование элемента в сечении, так же как в измерении (в системе оценок), внутренне цельно и независимо от предикатов. Предикаты, напротив, суть отражения признаков, имманентно присущих предмету в сознании автора и в сознании воспринимающих.

Внутренняя цельность существования элемента и отражение в тексте лишь некоторых сторон этого существования позволяют говорить о двух сторонах текста - эксплицитной и имплицитной. Первая при этом делает доступной вторую и выступает носителем авторского отношения, авторской оценки к изображаемому. У автора, таким образом, две одновременных функции: автор - создатель новой действительности, предметов и связей в ней; автор - повествователь действительности, цель которого - отобрать в текст лишь некоторые стороны и детали событий, происходящих в созданной им действительности, отобрать, расположить, выбрав главное, передав свое отношение.

$R(K)_2$

9. книга / ... /

$R(A)$

10. монах / ... /

Элемент 11 (некто) вводит $R(K)_3$ - действительность изображаемого уровня III - изображаемое в изображаемом, действительность, близко связанная с $R(M)$ (действительностью представлений). С элемента 13 осуществляется выход в $R(M)$.

$R(K)_3$	$R(M)$
I2.(II) некто / ... /	
I3. страна /в которой про- живал некто/	I3. страна /самых от- вратительных гро- мил и шарлатанов; в декабре снег до дьявола чист/
I4. снег / ... /	I4. снег / ... /
I5. метели / ... /	I5. метели / ... /

$R(A)$

I6. прятки / ... /

$R(K)_3$	$R(M)$
I7. женщина / ... /	I7. женщина / ... /
I8.(II) он / ... /	I8.(II) он / ... /

Элемент 18, принадлежащий измерению человека из книги - i_3 , почти полностью относится к $R(M)$ - суждения о морали, однако, будучи изображаемым (в повествовании черного человека), дополнительно он может быть отнесен к $R(K)_3$.

Элементы 19 (черный человек), 20 (поэт), 21 (я) повторяют в измерении i_4 уже известное. Авторский план собственно изображаемого возвращает их $R(K)_2$:

$R(K)_2$
I9, 22 (8) черный человек / ... /
20 (2) поэт / ... /
21, 23 (2) я / ... /

Вторая часть поэмы вновь начинается с $R(K)_1 / R(O)$, затем - переход к $R(K)_2$ и $R(K)_3$ (повествование черного человека), связанные с $R(M)$ и $R(O)$ - "в одном селе, может, в Калуге, а может, в Рязани, жил мальчик" - и в конце опять $R(K)_1 / R(O)$.

Как отмечалось, для текста характерен прием идентификации - один и тот же элемент в измерениях получает разные характеристики: черный человек - элементы 8, 19, 22; я - 2, 21, 23; некто - 1, поэт, он - 11, 12, 18, 20. Для сечений текста тот же прием идентификации проявляется иначе: дробится элемент "некто, поэт, он" - 12 в $R(K)_3$, 18 в

$R(M)$, 20 в $R(K)_2$; элемент "я" - 2 в $R(K)_1 / R(O)$; и 2, 21, 23 в $R(K)_2$. "Черный человек" - относится только к сечению $R(K)_2$.

Таким образом, планы повествования (сечения) и планы оценок (измерения) в тексте не совпадают, в них по-разному могут быть интерпретированы одни и те же элементы.

Единство элемента (я) во множестве трансформаций (черный человек, поэт, некто) позволяет сделать вывод о семантическом центре текста, о Теме текста, особенность которой в том, что она распадается в сечениях и измерениях на ряд семантически обособленных (при единстве Темы) модусов.

В этой связи "Черный человек" С. Есенина может служить хорошим материалом для анализа соотношения лирического героя и автора, при изучении образа автора как того, что связывает, скрепляет текст в единое целое (вопрос, волновавший В.В. Виноградова в последние годы его жизни).

Универсальный анализ семантики "Черного человека" дает основания утверждать, что основным его художественным приемом является многомерность (множественность оценок и мнений). Объемность семантики текста достигается не столько параллелизмом различных сечений (характерный прием многих стихотворных текстов), сколько параллелизмом уровней одного сечения $R(K) - R(K)_1, R(K)_2, R(K)_3$. Доля участия других сечений не столь значительна, появление их нерегулярно.

Свойство это (параллелизм уровней одного сечения $R(K)$), видимо, обусловлено художественной задачей автора - разобраться в себе (в лирическом герое), в своих состояниях, в тревожных причинах внутренней разобщенности. Следствием всего этого выступает сложная концепция Темы: "я" теперь и "я" в прошлом, "я" - осуждающий себя и "я" - сопротивляющийся.

Многомерность построения "Черного человека" не свойственна стихотворным произведениям Д. Кедрина. Д. Кедрин - поэт преимущественно конструктивно-онтологического плана. Характерный для него параллелизм, сочетание $R(K) / R(A)$ представляет собой в конечном счете переосмысленную $R(O)$.

Не напряженность внутреннего мира и даже не столько созданная $R(K)$ являются объектом его творчества, сколько сама реальная действительность $R(O)$ в ее прошлом и настоящем. В то же время это свойство нельзя считать стремлением к описательности. Одна из особенностей его поэзии - эмотивная значимость изображаемого, отражение динамики внутреннего мира в образах мира внешнего.

Характерным для Д. Кедрина можно считать построение "Двойника".

Два месяца в небе, два сердца в груди,
Орел позади, и звезда впереди.
Я поровну слышу и клекот орлиный
И вижу звезду над родимой долиной:
Во мне перемешаны темень и свет.
Мне Недоросль - прадед, и Пушकिन - мой дед.
Со мной заодно с колченогой кровати
Утрами встает молодой обыватель,
Он бродит, раздет, и немывает, и небрит,
Дымит папиросой и плоско остриг.
На сад, что напротив, на дачу, что рядом,
Глядит мой двойник издевательским взглядом,
Равно неприязненный всем и всему, -
Он в жизнь в эту входит, как узник в тюрьму.
А я человек переходной эпохи...
Хоть в той же постели грызут меня блохи,
Хоть в те же очки я гляжу на зарю
И тех же сортов папиросы курю,
Но славлю жестокость, которая в мире
Клопов выжигает, как в затхлой квартире,
Которая за косы землю берет,
С которой сегодня и я в свой черед
Под знаменем гезов, суровых и босых,
Вперед заношу свой скитальческий посох...
Что ж, рядом плетется, смешок затая,
Двойник мой, проклятая косность моя?
Так, пробуя легкими воздух студеной,
Сперва задыхается новорожденный,
Он мерзнет, и свет ему режет глаза,
И тянет его воротиться назад,
В привычную ночь материнской утробы:
Так золото мучат кислотною пробой,
Так все мы в глаза двойника своего
Глядим и решаем вопрос: кто кого?
Мы вместе живем, мы неплохо знакомы,
И сильно не ладим с моим двойником мы:
То он меня ломит, то я его мну,
И, чуть отдохнув, продолжаем войну.
К эпохе моей, к человечества маю
Себя я за шиворот приподымаю.
Пусть больно от этого мне самому,
Пускай тяжело, - я себя подыму!
И если мой голос бывает печален,
Я знаю: в нем фальшь никогда не жила...

Огромная совесть стоит за плечами.

Огромная жизнь расправляет крыла!

Тематически близкий "Черному человеку", "Двойник" организован иначе. Его семантическое пространство одномерно: единый авторский план, общая расстановка акцентов, единая система оценок. Стихотворение строится на параллелизме сечений **R(K)** и **R(O)**. Значительно развито **R(M)**: мир общезначимых представлений, идей, символов): "два месяца в небе, два сердца в груди", "звезда", "Недоросль", "Пушкин", "в жизнь эту входит как узник в тюрьму", "гезы", "скитальческий посох".

Параллелизм **R(K)** и **R(O)** достигается общностью элементов. Элементы **R(K)** - переосмысленные, переориентированные, элемент **R(O)**:

R(O)	R(K)	R(M)
небо /месяц/	небо /два месяца/	два месяца /в небе/
сердце /в груди/	сердце /два; в груди/	два сердца /в груди/
	орел /позади/	орел
	звезда /впереди/	звезда
я /каков есть/	я /поровну слышу и клекот орлиный и вижу звезду над родимой долиной; 'мне Недоросль - прадед' и 'Пушкин - мой дед'/	Недоросль Пушкин

Для первых четырех элементов, (два месяца, два сердца, орел, звезда) характерно движение от **R(M)** в **R(K)**- заимствование в действительность изображаемого (и переосмысление в ней) общеизвестных, общезначимых символов (два месяца, два сердца - символы раздвоения, орел - символ благородного зла, звезда - символ надежды и будущего). Элемент "я", как можно определить из последующих строк (начиная со второй), представляет собой движение в **R(K)** от **R(O)**. Действительность реальная возобладает, **R(K)** - лишь средство осмыслить ее. Введение общезначимых символов, оживление их, возможное в **R(K)**, позволяет автору всесторонне и неоднозначно определить свое отношение к реальной действительности, к своему состоянию в ней. Тема двойника, сама по себе не новая и привлекаемая из **R(M)** в **R(K)** позволяет увидеть его, оживить, наделить поведением, что дает возможность автору выработать к своему двойнику обоснованное отношение.

Единство и цельность противоположных начал своего "я" и расщепление "я" на множество в измерениях и сечениях, четкая противопоставленность, борьба двойников и болезненное узнавание, осознание единства при сопротивлении ему, - эти различия между "Двойником" Д. Кедрина и "Черным человеком" С. Есенина являются следствием как различных авторских задач, так и времени разницей в десять лет. Лирический герой Д. Кедрина не ладит и борется с другим собой. У С.Есенина - мучительный период узнавания, второе "я" для него не двойник, а другой человек, черный человек. Сложность, множественность, неоднозначность оценок и переживаний поэта отразились в многомерной, многоуровневой универсной структуре стиха. Неоднозначность элементов внутреннего мира - в неоднозначности семантических элементов текста.

Распределение элементов в сечениях, представленное в настоящем разделе, - лишь первый этап универсного анализа текста. Второй этап - вычленение универсов и определение взаимоотношений между ними. Универсы текста позволяют увидеть его объемную перспективу, выявить сложную систему ассоциативных связей между различными представлениями субъекта, между действительностью, отношением к ней субъекта и самим субъектом. При этом ассоциативные связи могут быть как общепринятыми, общеизвестными, так и индивидуальными, как простыми, однонаправленными, так и сложными, сплетенными, множественными.

В задачу главы не входил анализ n-универсной структуры текста. В качестве иллюстрации можно предложить набор универсов проанализированной первой части "Черного человека".

I. друг / ... /	U_1 я - друг
2. я / ... /	U_2
3. ветер / ... /	ветер - поле
4. поле / ... /	U_3
5. роца / ... /	я - голова, уши, шея, нога
6. голова / ... /	U_4
7. птица / ... /	роца - птица
8. черный человек / ... /	U_5
9. книга / ... /	птица - крылья, нога
10. монах / ... /	U_6
11, 12. некто / ... /	черный человек - я
13. страна / ... /	U_7
14. снег / ... /	черный человек - книга
15. метели / ... /	U_8
16. прялки / ... /	монах - книга
17. женщина / ... /	U_9
18. (II) он / ... /	монах - усопший
	U_{10}
	некто - человек, поэт, авантюрист, забудыга, прохвост
	U_{11}
	некто - женщина
	U_{12}
	страна - снег, метели
	U_{13}
	снег, метели - прялки

Универсы одного текста могут находиться в различных отношениях: пересечения, включения, следования. Один и тот же элемент может входить в несколько универсов - я, черный человек. Универс может состоять из доминанты (я - U_3 ; некто - U_{10} ; страна - U_6 и т.д.) и элементов, связанных между собой одним типом отношения: род - вид; целое - части; предмет - атрибуты (отношения подчинения). Отноше-

ния между элементами универса могут быть и равноправными - как в U_1, U_6, U_{11} .

Тип соотношения между универсами (пересечение, включение, следование) зависит от семантической соположенности элементов, как правило, выражаемой через доминанту: универсы с общей и совпадающей доминантой - пересекающиеся; универсы, доминанта одного из которых выступает элементом другого, следует считать включенными; универсы, не обладающие общей частью, находятся в отношении следования.

В тексте, как уже было отмечено в начале анализа, универс отражается незначительным числом элементов, поэтому часто элементы - его представители - могут не иметь эксплицитно выраженной доминанты. Такие универсы можно определять как бездоминантные: U_2, U_4, U_7, U_{13} .

Элементы - представители универсов, создавая ассоциативное поле своего универса, способствуют тому, что обращение к данному универсу в дальнейшем по ходу текста (отражение других его элементов) становится мотивированным. Совокупностью ассоциативных полей-универсов создается ассоциативный фон текста, благодаря которому становятся возможными и легко возникают самые отдаленные ассоциации у воспринимающего субъекта. Универсы передают также многосложность отражаемой действительности, наличие и совмещение в ней самых разнообразных по природе явлений.

Проанализированную R-универсную структуру "Черного человека" можно представить следующей схемой (в скобках приводятся элементы, обладающие не центральными, а дополнительными значениями):

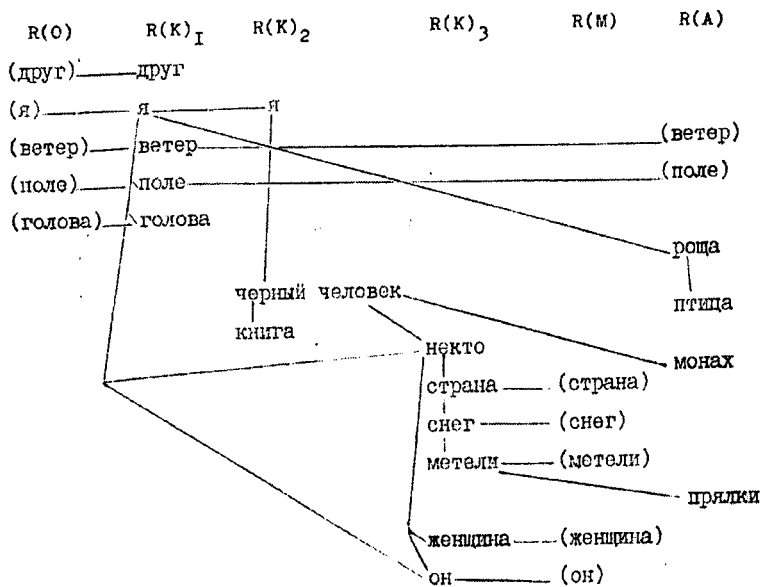

Рис. 4.

Схема отражает ассоциативные связи между элементами одного сечения, связи между элементами одного универса, поэлементные переходы между различными сечениями в семантическом пространстве текста, не раскрывая семантики связей и переходов.

Итогом проделанному анализу могут служить следующие замечания:

1. Семантическое пространство текста - фрагмент отраженного текстом семантического универсума - объемно. Объемность создается распределением элементов по четырем сечениям - **R(O)**, **R(K)**, **R(M)** и **R(A)**, смысл которых соотносим с условно выделенными реальностями, автономными областями сознания, участвующими в порождении текста.

2. Анализ универсальной структуры текста - этап, предшествующей анализу ассоциативно-образной структуры текста: **R**-универсальная структура - структура направленных семантических связей и переходов.

3. Универсальность следует рассматривать как свойство поэтического текста. Универсальность может стать художественным приемом. Распределенность элементов в сечениях, их позиции могут быть типологическим признаком семантики текста (семантического пространства тек-

ста): тексты могут быть преимущественно конструктивными, преимущественно онтологическими, преимущественно аттрактивными, преимущественно эмотивными. Возможен параллелизм: двузначный $R(O) / R(K)$; $R(K) / R(M)$; $R(K) / R(A)$, трехзначный $R(O) / R(K) / R(M)$; $R(K) / R(A) / R(M)$.

4. Возможны уровни одного сечения: $R(K)_1, R(K)_2, R(K)_3$.

5. Полисемантические в универсном отношении элементы (принадлежащие нескольким R) в дальнейшем могут быть типизированы: например; элементы, принадлежащие $R(O)$ и $R(K)$, видимо, отличны в смысловом отношении от элементов $R(K)$ и $R(M)$, элементов $R(K)$ и $R(A)$. Элементы последнего типа (принадлежащие $R(K)$ и $R(A)$) следует рассматривать как образы-ассоциативы.

6. Способность элементов принадлежать одновременно нескольким R - также их типологический признак, отличающий их от элементов, специфических для одной определенной R . Элементы только одной R могут выполнять иногда функцию своей R для элементов других сечений: прикрепляясь к такому элементу в качестве предиката, они перемещают, перетягивают его в свою R .

Элементы, незакрепленные в универсном отношении, не могут служить вводными предикатами, они свободны в семантических проявлениях. Проблема соотношения элементов по R , проблема элемента и его предикатной характеристики, семантическое функционирование предикатов как элементов - всё это требует специального анализа.

7. Анализ универсной структуры и следующий за ним анализ ассоциативно-образной структуры позволяют определить один из существенных организующих принципов художественного текста: n -ность существования художественной действительности и каждого из ее элементов - принцип, обуславливаемый эстетической функцией (несамоценностью, репрезентивностью, апеллятивностью к другим системам), - обуславливаемый всей художественной (и стихотворной) системой в целом.

Глава 4. СЛОВО КАК ЭЛЕМЕНТ АССОЦИАТИВНО-ОБРАЗНОЙ СТРУКТУРЫ ЦЕЛОГО

I. Семантические связи текста и операции над элементами

Семантику связей лучше проследить в ходе анализа. С. Есенин. Появление Пугачева в Яицком городке. Пугачев:

Ох, как устал и как болит нога!..
Ржет дорога в жуткое пространство,
Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?
Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.
Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается.
Наконец-то я здесь, здесь!
Рать врагов цепью волн распалась,
Не удалось им на осиновый шест
Водрузить головы моей парус.
Яик, Яик, ты меня звал
Стоном придавленной черни!
Пучились в сердце жабы глаза
Грустящей в закат деревни.
Только знаю я, что эти избы –
Деревянные колокола.
Голос их вестер хмарью съел.
О, помоги же, степная мгла,
Грозно свершить мой замысел!

Особенность данного текста в его драматизованности. Есть герой, следовательно, еще один говорящий субъект, помимо автора. Герой (персонаж), в совокупности с отображаемым, принадлежит сечению **R(K)** - художественной действительности. Персонаж, будучи субъектом, образует еще одно измерение - i_2 . Сфера субъекта-персонажа - дополнительная мотивирующая сфера, помимо автора.

По отношению к персонажу сечение **R(K)** - не отражаемая текстом действительность, а действительность онтологическая, та, которой принадлежит он сам. Для персонажа, внутри сечения **R(K)**, существенными оказываются $r(o)$ и $r(m)$ - сечения второй степени, степени **k**, поскольку они не авторские **R(O)** и **R(M)**, а персонажа.

Элементы **R(A)**, если они не специально приписаны персонажу, остаются авторскими. **R(K)** персонажа может проявиться в тексте только в том случае, если персонаж выступает как создатель художественной действительности.

Для анализируемого фрагмента, следовательно, оказываются актуальными, помимо авторских, два семантических сечения - $r(o)$ и $r(m)$: а) действительность, внешний мир, открывающийся Пугачеву, б) его мысли, его внутренний мир.

В монологе картины внешнего мира и фрагменты сознания, перемежаясь, находятся в ассоциативном сцеплении, они сменяются, вызывая одно другое, мысль, отраженная в слове, движется от предметов к ощущениям, от ощущений к виденному, к воспоминаниям, от воспоминаний к тому, что ждет, - все это сплетается в сложный ассоциативный процесс мышления.

Следует помнить, что герой С. Есенина - не реально существовавший Емельян Пугачев, а конструкт, следствие художественного отражения. Поэтому элементы $R(A)$, **Образы**², образы-ассоциативы текста могут быть дифференцированы в отношении *персонаж / автор*, хотя $R(A)$ при этом, как уже отмечалось, безразлична к степени к.

Процесс речевого мышления, отраженный текстом и лежащий за текстом, можно передать по элементам следующими фрагментами (обозначены римскими цифрами):

Пугачев: I ... устал ... болит нога ... идти далеко ... дорога
бесконечна ... 'ржет' ...

II ... вот и Чаган ... разбойный ... здесь всем приют
... и оборванцам ...

... степи ... хорошие ... сухие ... красные ... соленая
почва ...

III ... Луна ... желтая ... в траве 'ворочается' ...

IV ... Чаган ... наконец-то я здесь ... ушел от врагов
... а хотели мою голову на кол ...

V ... Яик ... меня давно тянуло сюда ... здесь стонут
рабы ... болело сердце за них ...

VI ... деревня ... закат ... 'грустит' ... эти избы
'молчат' ... как похожи на колокола ... только деревян-
ные колокола ... и 'молчат' ... 'голоса' нет у них ...

... ветер ... жмать ... 'голос их съели' ...

VII ... только бы удалось ... помочь мне, степная мгла

Оставаясь в пределах $R(K)$, с точки зрения персонажа, в представленном фрагменте можно выделить: то, что в действительности дано непосредственному восприятию, и то, что появляется в сознании ассоциативно. При этом действительный факт, его мотивировка и, следовательно, связь заимствуются из самой действительности: субъект видит и констатирует. Операцию, приводящую к появлению элементов подобного типа, можно назвать констатацией - для персонажа в $r(o)$, для автора - в $R(K)$. Констатация связана с действительностью момента, или с презенсной действительностью.

Появившемуся ассоциативно может предшествовать либо действительный презенсный факт и констатированный, либо прежний ассоциативный. По отношению к предыдущему всякий последующий элемент может рассматриваться как новое к исходному (с точки зрения актуального членения).

Возможно также ассоциативное появление презенсного элемента. Этот случай не выходит за рамки констатации: подобный элемент следует рассматривать как констатированный, но с дополнительной ассоциативной мотивацией. Очень часто это субъективная оценка объективного факта.

I	устал, болит нога исх.	идти далеко нов.	/дополнительная ассоциативная мотивировка, ассоциация по контрасту $a(contr)$
	идти далеко исх.	дорога бесконечна нов.	/ассоциация по следствию $a(c)/$
II	Чаган исх.	разбойный, приют всем, и оборванцам нов.	/ассоциация по атрибуту $a(at)/$
	Чаган	степи	$a(at)$
	степи Чагана	красные и сухие	$a(at)$
	степи Чагана	розовые почвы	$a(at)$

Разновидностью констатации можно считать операцию $предст$ $а в л е е$ (отражение элементов, не данных непосредственному восприятию, а существующих как знания субъекта). Следствием операции этого типа можно считать появление элементов "разбойный", "приют всем, и оборванцам", возможно - "степи" и то, что при них (в том случае, если они не даны непосредственному восприятию).

У Яик _____ меня давно тянуло сюда ИСХ. _____ нов.	/a(1) место, ассо- a(ps) циируемое с психическими пере- живаниями/ (обращение)
Яик _____ там стонут рабы ИСХ. _____ нов.	a(at) (представление)
стонут рабы _____ меня тянет ИСХ. _____ нов./изв.	a(c) a(ps)
/меня тянет _____ Яик/	a(1), a(ps)

В правой части третьего шага в качестве нового предстает известное (меня тянет). Такое движение можно назвать ц и к л о м. При помощи цикла некоторый элемент смысла, уже введенный ранее, получает дополнительное объяснение. В данном случае мотивируется "меня тянуло на Яик".

избы _____ молчат	ah(pro) (уподобление)
избы _____ колокола	/по сходству формы ah(f)/ (уподобление)
избы _____ молчат	ah(pro) (уподобление)
избы молчат _____ деревянные ко- локола	/по сходству функцио- нирования ah(func)/ (уподобление)

Пара "избы молчат - деревянные колокола" - следствие сложения нескольких ассоциаций, представленных здесь только одной смыслообразующей - ah(func).

Ср.: избы _____ деревянные	a(at)
избы _____ колокола	ah(f)
избы _____ деревянные колокола	a(V)

Механизм образования подобных пар будет рассматриваться ниже.

избы молчат → нет голоса

/ассоциация схем

$a(Sch)$ - следствие не-
которого коллективно-
го, либо индивидуаль-
ного опыта, разновид-
ность $a(c)/$

Данная пара - следствие операции развёртывания, существо которой аналогично констатации, но для $R(A)$. При развёртывании оба члена пары, как правило, принадлежат одному универсу (молчать - голос)

нет голоса → съели голос

/ассоциация речевых
схем $a(sch)$: нет - съели/
(уподобление)

съели голос → ветер, хмарь
съели

/следствие сложения ассоциаций $ah(pro)$ и $a(V)$:

ветер, хмарь → P

N → 'съели' /

ветер, туман (хмарь) → пропадает
голос

$a(Sch)$

УП Чаган (Лик) → мой замысел
(только он
все удалось)

/ $a(l)$ место, связан-
 $a(pv)$ ное с психичес-
кими переживаниями/
(констатация)

Чаган (Лик) → степная мгла

$a(at)$

(представление)

степная мгла → помоги

/ $a(Sch)$: "мгла укрывает"/

(представление)

Наблюдения над семантическими связками элементов текста приводят к следующим соображениям:

I. Существенным при определении мотивировки элемента, а следовательно, его связей с другими, представляется семантический план автор / персонаж. Персонаж (говорящий субъект) может обладать собственным измерением, при котором сечение $R(K)$ (художественная действительность) становится $r(o)$ (действительностью онтологиче-

ской). Персонаж может реализовать и другие сечения, - наиболее вероятно $R(M)$. Распределение элементов по R будет показано ниже.

2. Текст и его речемыслительный прототип, нечто передаваемое и понимаемое, различны (ср.: "Появление Пугачева в Яицком городке" - художественный текст и его прасемантика, переданная по фрагментам). Вследствие этого смысл некоторых элементов, обычно это элементы образные, неоднозначен, R -полисемантичен для текста и репрезентивен (несобствен в своей номинативности) для изображаемого - $R(K)$.

3. Операции ассоциативных переходов (констатация, представление, уподобление, обращение и развертывание), отражая соотношение между элементами одной R , либо между элементами различных R , определяют тип мотивирующей связи.

К о н с т а т а ц и я - операция внутри презенсной действительности: элемент последующий появляется, поскольку дан в ощущениях.

П р е д с т а в л е н и е - операция по ассоциированию признаков, существующих, но непосредственно не воспринимаемых (актуализация знаний субъекта).

У п о д о б л е н и е - соотнесение элементов действительности изображаемого с элементами $R(A)$, поиск аналогий, заимствование и обобщение смысла изображаемого для других R и других систем (апеллятивная функция художественного текста).

О б р а щ е н и е - операция внутри одной R , направленная в действительность до или после момента восприятия.

Р а з в е р т ы в а н и е - движение ассоциаций внутри одного универса.

Из названных только один тип операций (уподобление) устанавливает связь между разными R . Остальные - операции внутри одного сечения. Констатация - только для порождения предстает как операция ассоциативная, внутри создаваемой $R(K)$ она - отражение факта.

Взаимодействие элементов двух типов - презенсных и ассоциативных (пр., асс.) - может оказаться дополнительной типологической характеристикой для операций.

Так, пр. пр. – констатация, пр. асс. – уподобление, асс. асс. – развертывание. Операции представления и обращения требуют определителей (предикат, время): представление – пр. предикат пр., обращение – пр. до/после пр. Операция, обратная уподоблению (асс. пр.), видимо, частный случай констатации и маловероятна в абсолютном начале текста.

Интересен случай ассоциативного замыкания: пр. асс. асс. асс. пр. – движение от элемента презенсной действительности через ассоциации к элементу презенсной действительности. Видимо, это случай осмысления через фактн-подобия и разновидности операции цикла. Цикл – не самостоятельная операция, а комбинация (одна из возможных комбинаций) ассоциативных шагов внутри некоторого фрагмента.

4. Выделенные типы операций соотносимы с некоторыми логическими: так, констатация и развертывание подобны объявлению элемента, представление, обращение, уподобление – возможно, различные виды присваивания, – по атрибуту, по принадлежности множеству, по подобию.

5. Типы операций влияют на тип ассоциации: констатации обычно соответствуют $a(at)$, $a(c)$ и другие, представляющиеся основными и элементарными. Для уподобления характерны ассоциации класса $ah()$ – по подобию. Представление делает вероятным появление ассоциаций класса $a(at)$. Другие нерегулярные соответствия операций ассоциациям будут выводиться при дальнейшем анализе.

Как следует из наблюдений, существо семантических связей составляют различного типа ассоциации. Вследствие этого, анализ ассоциативно-образной структуры текста предполагает дополнительное, семантико-образующее, текстовое понимание их природы.

2. Ассоциации, ассоциативные отношения и ассоциативные структуры

Под ассоциацией понимается связь между элементами мыслительного процесса (ощущениями, восприятиями, представлениями, идеями), заключающаяся в том, что появление при определенных условиях одного элемента влечет за собой появление другого или нескольких элементов [202].

Возникнув в психологии, теория ассоциаций через представителей психологической школы пришла в лингвистику. Преувеличенно значительное отношение к ассоциациям в психологии и логике, связанное

с представителями так называемого ассоцианизма [Д. Гартли, Дж. Беркли, Д. Юм, Дж. Миль, Н.Я. Грот], рассматривавшее многие сложные процессы мышления как продукт соединения элементов, было преодолено. Механицизм, атомарность в понимании ассоциаций не свойственны современной науке. Принципы теории ассоциаций получили распространение не только в психологии (изучение памяти, образной, эмоциональной, мотивационной сфер), но и в других науках (биология, химия, математика, лингвистика).

Лингвистическая теория ассоциаций связана с именем Ф. де Соссюра. Ф. де Соссюр придавал ассоциациям исключительно важное значение: "Все, в чем выражено данное состояние языка, надо уметь свести к теории синтагм и к теории ассоциаций" [160, с.169]. Ассоциативные отношения, по мысли Ф. де Соссюра, являются той основой, которая связывает слова вне процесса речи, образуя группы, с помощью которых фиксируются в нашем сознании парадигмы, словообразовательные гнезда, морфологические элементы, корни, суффиксы, окончания и т.п. Ассоциативные отношения, формируя виртуальные ряды слов, хранят язык в сознании индивида, означающее и означаемое - две стороны языкового знака - связаны ассоциативной связью.

Теория ассоциаций Ф. де Соссюра в современной лингвистике оформилась в парадигматику. Ассоциации, в понимании Ф. де Соссюра, предстают как образующее парадигматических отношений, как векторы вертикальной оси языковых явлений.

В современной психолингвистике принято психологическое понимание термина "ассоциация" [203], понимание, не сводящее его лингвистическую применимость только к двум функциям: "быть связью между означающим и означаемым" и "быть вектором парадигматических отношений". В психолингвистике ассоциации рассматриваются как основы многих семантических процессов, как формы существования речевых смыслов для сознания индивида. Получила распространение также идея о принципиальном единстве психологической основы ассоциаций и семантических компонентов значений [194]. Ассоциации прямо связываются со структурой словесной памяти, намечаются пути изучения ассоциативных механизмов порождения текста. О разрушении сугубо парадигматического понимания ассоциаций свидетельствует и тот факт, что А.А. Леонтьевым [203] выделяются ассоциации синтагматические (небо - голубое) и парадигматические (стол - стул).

Следует отметить некоторую недостаточность такого подразделения: ассоциативное (= парадигматическое) отношение рассматривалось Ф. де Соссюром как отношение, которое "соединяет члены этого отношения в виртуальный мнемонический ряд; члены его всегда in

absentia" [160, с.113]. Ассоциативные отношения, по Ф. де Соссюру, не опираются на протяженность и локализуются в мозгу. Именно как "реальности, локализующиеся в мозгу", склонен был рассматривать Ф. де Соссюр ассоциации.

Ассоциации, выделяемые А.А. Леонтьевым как "синтагматические", если отождествлять ассоциативное отношение с парадигматикой, вполне "парадигматичны". Видимо, соссюровское понимание лингвистической ассоциации не соотносимо с пониманием ассоциации А.А. Леонтьевым.

Между тем, психолингвистическая трактовка ассоциаций представляется перспективной для лингвистики. Причина противоречия состоит, видимо, в терминологическом несоответствии соотношений "синтагматика / парадигматика", "парадигматика / ассоциации". Разработка проблем, связанных с психолингвистическим пониманием ассоциативных отношений, должна углубить представления о речевых механизмах, о полисемии, об образности, поможет разобраться в сущности и специфике внутренней речи, процесса порождения и восприятия, в системе текста и текстообразовании, в существовании самих парадигматических отношений.

Применение теории ассоциаций к семантике текста, выделение семантико-мотивирующей функции ассоциаций как связок между элементами текста предполагает дополнительное уточнение некоторых понятий.

Ассоциирование будет рассматриваться как отношение, определяющее связь для сознания двух предметов, представлений, понятий, слов, имеющих нечто общее. При этом ум схватывает не только то общее, что связывает их, но и характер этого общего, "характер связывающих их в каждом случае отношений и тем самым создает столько ассоциативных рядов, сколько есть различных отношений" [168: с.158].

Ассоциативность будет пониматься как речемыслительная категория, определяющая языковую способность индивида. Эта категория лежит в основе любого высказывания (от предложения до текста) как порождающая, поскольку сущностью ее является отношение связи.

Отношение связи, закрепленное или незакрепленное, осознанное или неосознанное, предполагает наличие двух элементов (А и В), членов данного отношения, и показателя отношения d. При этом, как А, так и В, поскольку ассоциативность - категория речевого мышления, суть представления.

Ассоциативная связь, соответственно, такое отношение между А и В, при котором, если существует А и некоторый семантический пока-

затель отношения **d**, то **A** вызывает представление о **B**, т.е. **A** сопряжено с **B**. Сущность ассоциативной связи можно отразить формулой $(A \& a) \rightarrow (A \sim B)$ [если **A** и **d**, то **A** связано с **B**].

Семантический показатель ассоциативной связи предстает как то общее, что связывает **A** и **B**. Иначе говоря, **d** существует как представление общего одновременно для **A** и **B**: $\exists (A \sim B) \rightarrow \exists (d) \exists (A \& B)$ /если существует **A**, связанное с **B**, т.е. существует связь **A** и **B**, то существует **d**, которое принадлежит одновременно **A** и **B** /. Следовательно, определить семантический показатель - значит установить мотивировку связи между **A** и **B**.

Ассоциативная связь - не обязательно только семантическая связь представлений. Это и грамматическая, и словообразовательная, и знаковая, и формально-звуковая, и любая другая связь. Термин "семантический показатель" не свидетельствует о несемантической ассоциативной связи в область семантики, а выражение осмысленности, значимости мотивировки. Связь между **A** и **B** - связь осознанная, мотивированная, могущая быть объясненной (независимо от того, сознается мотивированность каждый раз или нет).

Семантику текста, очевидно, должны интересовать семантические ассоциативные связи, некоторые типы которых были намечены в ходе предварительного анализа (см. предыдущий раздел) и типология которых будет предметом анализа в следующем разделе.

Ассоциативно-образная структура текста, представляемая как актуализация некоторого фрагмента ассоциативно-образной структуры субъекта, есть не что иное как семантическая структура текста, образуемая совокупностью нескольких структур - референтивной, модусной, универсальной. Ассоциативно-образная структура - это структура с проявленными семантическими связями между элементами. По отношению к ней названные структуры (референтивная, модусная, универсальная) выступают как предваряющие.

Понимание существа отношений, реализуемых в ассоциативной структуре текста, предполагает анализ понятий: ассоциативная парадигма семы и ассоциативно-образная структура субъекта.

Ассоциативная парадигма семы. В парадигматические отношения ассоциативности вступают не слова, а значения слов, единицы плана содержания, единицы речевого мышления - семы.

Сущность ассоциативной парадигмы заключается в том, что семы, будучи единицей речевого мышления индивида, способна вступать в связи, ассоциироваться с другими семыми в различных отноше-

ях, по различным семантическим показателям. Некоторое **A** по показателям d_1 имеет ассоциативный ряд **B, C, D...**, по показателям d_2 - ряд **E, F, G...**, по показателям d_3 - ряд **H, I, K...** и т.д. Все ассоциативные ряды с их показателями при данной семеме составляют ее ассоциативную парадигму. При этом набор элементов парадигмы практически бесконечен. Данная семема может ассоциироваться с любой семемой, с любым представлением в сознании человека по какому-либо показателю.

Ассоциативная парадигма, следовательно, может быть определена скорее как способность семемы к ассоциированию, а не как закрытый виртуальный массив элементов, ассоциируемых с ней¹⁰.

Ассоциативная парадигма, будучи достоянием говорящего субъекта (т.е. индивидуального сознания), имеет несколько сфер значимости: общезначимую (узуально закрепленную в языке, известную всем говорящим, - ср. массив), необщезначимую, индивидуально закрепленную (известную данному индивиду, являющуюся достоянием его личного опыта, достоянием его внутренней речи, ему одному известного, коммуникативно не значимого или значимого для узкого круга лиц, с которыми данный субъект находится в постоянном контакте) и незакрепленную (ср. диапазон).

Закрепленность состоит в том, что ассоциативная связь между **A** и **B** индивиду известна, в речи он не создает ее, а воспроизводит. Связь известна ему во всех элементах: **A, B**, семантический показатель **d**. Семантический показатель, мотивировка связи, говорящим может не осознаваться.

Третью сферу (незакрепленную) составляют новые, возникающие связи. Эти связи не воспроизводятся, а создаются. Однажды возникнув, они могут исчезнуть, не будучи актуально закреплены. Появление их обусловлено тем, что некоторые семантические показатели существуют при каждой семеме в качестве возможных - как векторы ее ассоциативной способности. Актуализируясь, вектор ассоциативной способности при **A** реализует в сознании говорящего представление о **B**, создавая тем самым новую ассоциативную пару.

Третья, незакрепленная сфера, безусловно может быть отнесена к ассоциативной парадигме семемы, но, поскольку природа и смысл ее те же, что и у узуально и индивидуально закрепленных сфер, нело-

¹⁰ Механизм парадигмообразования для семемы соотносим со структурой содержания языковой единицы. Семантическая (смысловая) структура обуславливает репрезентивную способность единицы (связь, подтверждающая диалектическую взаимозависимость ассоциативных и репрезентивных свойств единицы).

гично выносить ее в нечто отдельное (отличие - только в *закрепленности / незакрепленности*). Схематически существо ассоциативной парадигмы можно показать следующим образом:

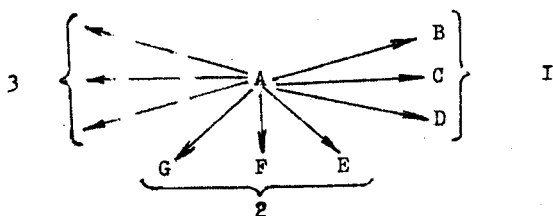

Рис. 5.

Пунктиром показаны векторы ассоциативной способности данной семемы.

Путь появления новой связи может быть двоякого рода. Первый путь: есть A и есть d \rightarrow актуализация \rightarrow появляется B, - $\exists(A \& d) \rightarrow \exists(B) \& (A \sim B)$. Второй путь: есть A и есть B, для их связи подбирается d, - $\exists(A \& B) \rightarrow (d) \& (A \sim B)$.

Примером ассоциативной парадигмы может служить фрагмент парадигмы семемы "рука".

Каждый ассоциативный ряд (даже если он представлен одним только элементом) связывается с изначальной семемой "рука" каким-либо показателем отношения (рис. 6): **a(V)** - ассоциация по валентности, грамматическая ассоциация; **a(contr)** - ассоциация по некоторому представляемому контрасту; **a(at)** - ассоциация свойству **ah(func)**; **ah(part)** - ассоциация по сходству функций, по сходству части; **a(sch)** - ассоциация схем, т.е. оборотов, в которых встречается данное слово, ассоциация языкового знания, речевого запаса.

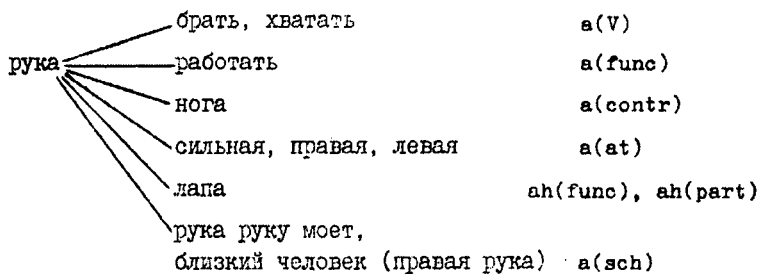

Рис. 6.

Существо ассоциативной парадигмы, таким образом, состоит в привлечении к некоторой семеме других семем по показателям связи. При этом ассоциативные связи достаточно сильны, подвижны, легко возникают, круг членов парадигмы практически неограничен. Весь языковой материал индивида (речевой запас) может быть связан в ассоциативную структуру.

Ассоциативно-образная структура субъекта а. Ассоциативно-образную структуру субъекта образует набор ассоциативных парадигм речевого мышления данного индивида. Ассоциативно-образная структура индивидуальна. Имея в некоторой части инвариантную область, основной массив ассоциативно-образной структуры составляет ее вариантная часть, наиболее активная, наиболее продуктивная. Именно вследствие вариантной части речь говорящего индивидуальна. Ассоциативно-образная структура составляет основу речевых механизмов мышления человека.

Ассоциативно-образная структура текста представляет собой актуализацию фрагмента структуры субъекта, в совокупности его узואльно, индивидуально закрепленных и новых связей. Ассоциативно-образная структура текста и ассоциативно-образная структура субъекта находятся в отношении парадигматико-синтагматической соотношенности: структура текста - реализация парадигматически существующих ассоциативных связей структуры субъекта.

Само название - ассоциативно-образная - свидетельство двух взаимосоположенных стихий, отражаемых структурой, - стихии связей, существо которых составляют ассоциативные связи, и стихии элементов - образов, причем образов, как в первом понимании, так и во втором, образов, воспринимаемых и создаваемых как образы I и 2 - образов-аналогов и образов-ассоциативов.

3. Типы семантических ассоциаций

В одной лингвистичной восточной сказке - "Отчего кошку назвали кошкой?" (стихотворный перевод С. Маршака) - затрагивается важная лингвистическая проблема: проблема мотива номинации. Решая, как назвать своего "черноухого", старик и старуха перебирают различные имена: "Назовем черноухого Тучей", "Не назвать ли нам Ветром котенка?", "Не назвать ли котенка Стеною?", "Не назвать ли нам кошку - Мышка?". В конце концов, движимые стремлением дать имя, которое способно было бы сделать котенка сильным, старики приходят к выводу: "Не назвать ли нам кошку кошкой?" Решение просто, но сколько вопросов, связанных с мотивировкой, с ассоциативным поиском, предостояло затронуть, прежде чем прийти к нему.

В сказке два типа номинации: мотивированно опосредованная и прямая [190]. Причем прямая дается как мотивированно опосредованная, в расщеплении денотата и имени. При этом внутри первого типа номинации (мотивированно опосредованного) чувствуются принципиально различные семантические обоснования каждому наименованию: Туча - по внешним признакам (большой и могучий, выше дерева, больше дома); Ветер - по функции (гонит ветер огромные тучи), при этом функциональная характеристика важна как характеристика свойства; Стена - одно из функциональных проявлений (состояние в некоторые актуальные для события моменты) - "ветер только деревья качает, а стена остается в покое" и т.д. Семантика ассоциации, следовательно, всякий раз иная. Определение ее позволяет типологизировать номинативные ситуации, дифференцировать мотивировку.

Наиболее общие номинативные ситуации, видимо, следующие:

(денотат)	(имя)	
печь	печь	/прямая номинация, идентификация, отсутствует ассоциативная мотивировка (случай, который может быть также опосредованно мотивированным - "через себя", как в рассмотренной сказке)/
печи	→ печь	/обычная ситуация: единичный предмет - имя класса, семантический показатель ассоциации d с нулевым значением/
дрова	→ печь	/семантический показатель со значением общности: дрова, горящие в <u>печи</u> - <u>печь</u> /
человек	→ печь	/в семантическом показателе - подобие признаков двух предметов (человек/печь), подобие служит мотивом переименования: 'горячий' человек → печь/

Последние два случая (обычно - последний) могут охватывать ситуации наименования предметов, признаков, состояний, процессов, не обладающих общезначимым, общеизвестным языковым именем.

При этом общность предметов, выступающая мотивом вторичной номинации для третьего случая (дрова - печь), лежит вне предметов (соположенность в пространстве, во времени, в ситуации). Общность предметов для случая "человек - печь" - в самих предметах, в их свойствах. Традиционно эти два случая трактуются как перенос по смежности (метонимия) и перенос по сходству (метафора).

Однако, как показывает анализ материала, не всегда можно наблюдать прямое соответствие типов переноса типам тропов. Метафора, как правило, является результатом нескольких ассоциаций, причем ассоциаций разнотипных в семантическом отношении. Метонимия также не всегда следствие простого одномерного ассоциативного, хода. Разграничение по *соположенности / подобию признаков* не ведет; еще к однозначно жесткой дифференциации тропов и их семантике, -

ассоциативная текстовая природа не всегда подтверждает традиционную типологию.

Разновидности вторичной номинации по соположенности могут дифференцироваться категориально: пространство, время, причина / следствие, ситуация, множество и т.п. Названные категории в каждом отдельном случае выступают как наполнители соответствующей ассоциации. Ассоциации в тексте (в разговоре) могут выполнять еще одну функцию: они служат мотивировкой перехода от одного предмета мысли к другому, мотивировкой движения текстовой семантики.

Таким образом, возможны два следствия ассоциативного хода - именован и е и переход к последующему. Они - результаты двух разных тенденций: вертикальной (совмещение представлений) и горизонтальной (движение от одного представления к другому). Обе эти тенденции могут совпадать в одном случае.

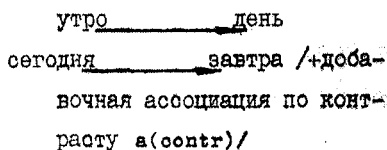
Переход - случай более широкий и легко возникающий по сравнению с именован и е м. Для перехода достаточна любая категориальная связь. Именован и е м, как правило, предполагает неравноправие представлений - включение (отношение рода и вида) либо дополнение (подчиненное пересечение). Легко происходит наименование собаки словом "животное", тигра - словом "кошка", но для того, чтобы назвать собаку "кошкой", требуется достаточно нестандартная ситуация.

а(). Ассоциации по соположенности.

а(1) - по соположенности предметов, представлений в пространстве [регулярный: активный класс]:

а(2) - по времени /нерегулярный: пассивный класс/

(именование)

(переход)

некоторое время t через год,
через десять,
через столетие

a(c) - причина/следствие /регулярный: активный класс/

спички → пожар

дождь → мокро, лужи

зима → простуда

a(n) - принадлежность общему множеству (группе людей, предметов)

/регулярный: активный класс/

трамвай → троллейбус

волк → шакал

корова → лошадь

a(d) - пара по какому-либо отношению /регулярный: очень активный класс/

рука → нога

муж → жена

брат → сестра

день → ночь /добавочные

a(t), a(contr)/

a(s) - по ситуации. (Некая ситуация или некий предмет, связанный с данной ситуацией, способны вызывать представление друг о друге. Ситуация и предмет при этом должны быть связаны достаточно активной связью. Ассоциации этого типа, как правило, индивидуальны, но возможны и общезначимые. При этом, как и в предыдущих примерах, кроме первого, именованная обычно не происходит, переход - довольно регулярен.)

свадьба → много белых
цветов

праздник → подарки

школьный звонок → уроки

a(at) - по атрибуту (характерному отличительному, либо актуальному отличенному признаку) [достаточно регулярный и активный класс]

Ленинград → Нева /ассо-
циация, лежащая в основе
парафразы "город на Неве"/
старик → седой
залц → быстрый, робкий

a(e) – по элементу (разновидность ассоциации по атрибуту, отличие элемента от атрибута в том, что элемент - составная часть целого, атрибут - его характеризующее свойство, однако, при ассоциировании как элемент, так и атрибут, могут стать для предмета характеризующими признаками), ассоциация по элементу довольно часто служит основой именования

человек в шляпе → шляпа^I
люди в тулупах → тулупы
человек → голова (руки, ноги)

a(ex) – по проявлению
лунный свет → Луна

солнечные лучи → солнце

I. Ассоциативные пары, возможные и как именование и как переход, располагаются далее по центру страницы.

след животного → само животное (особенно ре-
гулярно в речи охотников)

земля, вытолкнутая кротом → крот

a
(pro
d) -
по

результату деятельности, продукту

сочинения Чехова → Чехов (ср. "читать Чехо-
ва")

a(f) -
по со-

держанию / форме

содержимое стакана → стакан

суп → тарелка молоко → стакан

Разно-
видности

класса a(c) - a(Sch), a(sch), a(Sign), a(sign).

a(Sch) - ассоциация по закрепленной (коллективно, либо индивидуально) мыслительной (логической, онтологической), либо речемыслительной схеме

дети → шалости

дети → пожар

сырость → нездоровье

старость → болезни

молодость → веселье

a(sch) - ассоциация по речевой (чисто лингвистической) схеме - фразеологические единицы, готовые выражения

масло → огонь (подливать масло в огонь)

огонь, вода → медные трубы

a(Sign) - ассоциация знака

дым → огонь

пар → кипяток

a(sign) - ассоциация лингвистического знака (связь имени и денотата)

ТТ → стол

А → кресло

a(contr) - ассоциация по контрасту (может выступать в роли добавочной, несамостоятельной)

кошка → собака

вправо → влево

a(V) - ассоциация по валентности, ассоциация сочетаемости значений, либо сочетаемости слов, обычно в качестве добавочной при ней выступает

хлеб → черствый, свежий, белый

доска → плавает, плоская

ah(). Ассоциации по подобию.

Система ассоциаций по подобию сложнее и подробнее системы ассоциаций по соположенности, поскольку связь между предметами в данном случае устанавливается на основе признаков, оцениваемых как сходные, - семантический показатель связи категориален не сам по себе, а по признаку. Связь **ah()**, таким образом, опосредована по признаку, категории признака заполняют ячейку семантического показателя

теля связи: величина - **ah(mag)**; облик (очертания, цвет, внешние детали) - **ah(f)**; функции - **ah(func)**; состояние, психические переживания - **ah(ps)**; процессы - **ah(pro)**.

В тексте, как правило, элемент является результатом не одной ассоциации, а их комбинации, при этом одни ассоциации выступают как основные, другие - как дополнительные.

Каждый из типов ассоциаций представляет собой класс. Каждый отдельный случай реализует общий категориальный параметр по какому-то одному отношению: отец_мать (пара - родители), утро_день (время - сутки).

Возможно подразделение типов ассоциаций в отношениях *регулярный / нерегулярный, продуктивный / непродуктивный, активный / пассивный*. Последняя дихотомия (*активный / пассивный*) - признаки, способные проявляться в различной степени. *Активность / пассивность* подразумевает степень вероятности (обязательности) появления члена пары, - одновременно проявляемая как степень их спаянности, взаимообусловленности.

Дальнейшее рассмотрение ассоциаций различных типов будет продолжено при анализе ассоциативно-образной структуры текста.

4. Анализ ассоциативно-образной структуры стихотворного текста. Ассоциативные микроструктуры

Ассоциативно-образная структура, как уже отмечалось, представляет собой актуализацию некоторого фрагмента ассоциативно-образной структуры субъекта в совокупности обще-, индивидуально закрепленных и новых связей. Элементами структуры выступают образы - образы-аналоги и образы-ассоциативы, отношениями структуры - ассоциации.

Ассоциативно-образная структура - структура проявленных ассоциативных отношений между элементами (элементы ее, как и элементы предшествующих структур, суть семантические элементы).

Ассоциативно-образная структура включает референтивную (элементы вне отношений - *референтивная I*, либо с ориентированными отношениями подчинения - *референтивная II*), модусную (отношения направленные к теме) и универсную (отношения семантических сечений). Все предшествующие ассоциативно-образной - структуры несемантизированных отношений. Единство названных структур поддерживается единством составляющих их элементов. Каждая из структур - представитель уровня. Ассоциативно-образная - представитель высшего уровня. Уровневая последовательность создается степенью се-

мантичности отношений между элементами: порядок в тексте, следование —> ориентирование —> направленность к центру —> распределенность в сечениях (семантика крупных блоков - миров) —> собственно элементная ассоциативная семантика.

Появление того или иного элемента в тексте может быть мотивировано ассоциативно. Ассоциации, мотивирующие появление элементов, не являющихся образно ассоциативными, как правило, элементарны. Это либо констатация элемента презенсной действительности, и мотивировка - в самой действительности, либо привлечение, заимствование элемента-представления из другой действительности (но только не $R(A)$) в один ассоциативный ход.

Элементы образные (в смысле образов-ассоциативов) появляются при помощи комбинации ассоциативных ходов, вследствие нескольких операций, порой типологически различных. Комбинация ассоциаций, приводящих к появлению образа-ассоциатива, способна образовать микроструктуру – с входным и выходным элементами (в тексте обязательно эксплицируется выходной элемент), входной - не всегда) и с не проявленными, как правило, промежуточными элементами. Промежуточные, создавая ассоциативный фон фрагмента, могут появиться в другом месте текста.

Ассоциативная микроструктура, не эксплицированная, упрятанная в тексте, при восприятии, разворачиваясь, способна создавать ассоциативные вихри - относительно свободные, ненаправленные, блуждающие ассоциации у воспринимающего, результатом которых становится в той или иной мере обобщенный, либо в том или ином отношении субъективированный, эмотивный смысл текста.

Представляется существенным выделить два рода ассоциаций: ассоциации порождающие, генеративные (приводящие к созданию текста) и ассоциации перцептивные (появляющиеся при восприятии текста). Как очевидно, те и другие не обязательно совпадают. Изучение ассоциаций перцептивных предполагает первоначальный анализ порождающих.

Результатом ассоциативной микроструктуры может выступать в каждом отдельном случае тот или иной вид тропа, та или иная фигура, либо что-то еще. Классификация изобразительно-выразительных средств на основе ассоциативно-семантической, как представляется, способна привести к собственной типологии. В ходе анализа, базирующегося на порождающих ассоциациях (ибо ассоциативно-образная структура текста существует первоначально как генеративная), будут приведены лишь некоторые соображения относительно возможной типологии образных средств.

Объектом анализа в первом разделе настоящей главы был текст (речевое целое) с намеренно устраненными, либо нерасщепленными, данными как прямые имена, образно-ассоциативными элементами. Ассоциации мотивировали динамику текста, переход от одного элемента, к другому. Образы-ассоциативы требуют дополнительного семантического оправдания, что и составляет функцию ассоциативных микроструктур. Их анализу в основном и посвящен настоящий раздел.

Первым образным элементом по тексту (С. Есенин, Появление Пугачева в Яицком городке) представляется элемент "ржет":

Ох, как устал и как болит нога

Ржет дорога в жуткое пространство.

Его появление - следствие нескольких ассоциаций.

a(1): устал, а дорога бесконечна, тяжела дорога 'издевается'
('ржет')

a(1) выводит семантическую область будущего образа, один из компонентов его содержания, одну сему - 'издевка'. В результате первого ассоциативного хода слова еще нет, есть некоторый неоформленный смысл, равновозможный для глаголов "издеваться", "смеяться над", "насмехаться", "хохотать", "ржать"... Последовательное развитие смыслов (в тексте опущенных) можно реконструировать примерно таким образом: я устал → мне надо отдохнуть → я отдохну, когда приду туда, куда я иду → идти еще далеко → потому что дорога бесконечна → дорога не дает покоя → дорога раздражает меня → дорога дразнит меня, издевается надо мной, смеется...

Очевиден перенос по сходству психического воздействия - **ah(ps)**: человек смеется, издевается надо мной → я ощущаю раздражение, я ощущаю раздражение от бесконечной дороги → дорога смеется, издевается надо мной.

Таким образом, **a(1)** можно интерпретировать как **ah(ps)**.

a(2): уходящая бесконечность дороги ржание

/уходящая бесконечность дороги пугающая, тревожная и длительная, похожа на звук - пугающий, длительный, тревожный/

a(2) - свернутая ассоциация:

бесконечность (дороги) длительность (звука)

ah(mag)-по сходству величины

пугающая, тревожная бесконечность пугающий, тревожный

/Дорога в жуткое пространство/ звук

ah(ра) - по сходству психического воздействия

Следовательно, **a(2)** - слагаемое двух ассоциаций: **ah(mag)**, **ah(ps)**, **ah(ps)**.

a(3): дорога → лошади

лошади → ржут

Ассоциации **a(3)** - разновидности класса **a(c)**, ассоциации по следствию: дорога - значит лошади, лошади - значит ржут. Их можно рассматривать как **ac(at)** - ассоциация по следствию атрибута и **ac(pro)** - ассоциация по следствию проявления-процесса.

Как выяснилось, ассоциативная микроструктура разбираемого образа "ржет дорога" является слагаемым ассоциаций **ah(ps)₁; ah(mag); ah(ps)₂; ac(at); ac(pro)**.

Не все смыслы микроструктуры одинаково равноправны. Смысл, представляемый ассоциацией **ah(ps)₂**, видимо, превалирующий (пугающая, тревожная бесконечность, пугающий, тревожный звук). Две первых ассоциации - приводящие, уточняющие смысл. Две последние - подтверждающие, поддерживающие смысл превалирующей. Механизм образования микроструктуры можно показать схемой:

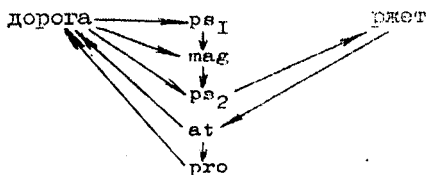
приводящие		ah(ps)₁ :	дорога раздражает, дорога <u>издевается</u>
		ah(mag) :	дорога бесконечна (<u>длительность</u>)
превалирующая		ah(ps)₂ :	дорога <u>пугающая</u> , бесконечна
подтверждающие			ac(at) :
			ac(pro) :

Таким образом, вследствие первых трех ассоциаций появляется смысл: 'издевается', 'длительный', 'пугающий' (звук) = 'ржет'. Подтверждающие ассоциации мотивируют, обосновывают выбор (почему именно 'ржет', а не другое слово).

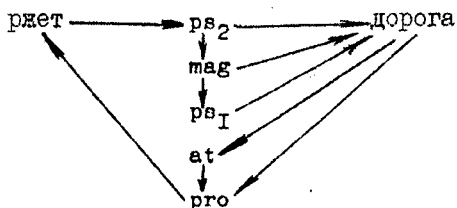
Микроструктуру образа-ассоциатива "ржет дорога" можно показать следующей схемой:

R(K)

R(A)

При восприятии микроструктура обращается (процесс восприятия начинается с элемента "ржет"):

При этом смысл превалирующей ассоциации ps_2 как наиболее актуальный, становится первым при восприятии.

Образы "жуткое пространство" и "приют дикарей и оборванцев" - обычное словоупотребление, следствие ассоциативной пропорции, механизм которой был рассмотрен в разделе 2 настоящей главы, ассоциации - $ah(ps)$, $ah(func)$.

Следующий образ-ассоциатив "степей медь" - результат ассоциаций "степи красные, тяжелые, гудящие степей медь" - наименование признака по носителю признака, несколько ассоциаций класса $ah(f)$ - сходство параметров облика: цвет, отроение, фактура, характеризующие детали и др.

...Луна, как желтый медведь,

В мокрой траве ворочается.

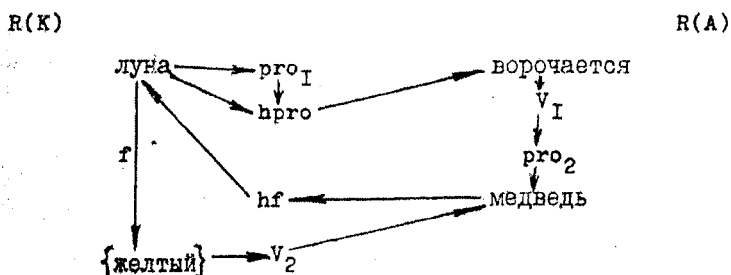
Образ состоит из трех ассоциативных пар: луна - ворочается, луна - медведь, луна - желтый медведь. Первая - результат двух ассоциаций: отражение луны → луна

луна отражается → луна 'ворочается'.

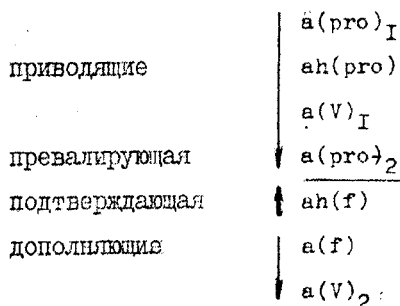
"Отражение луны - луна" - ассоциация по проявлению процесса $a(pro)$. "Луна отражается - луна ворочается" - по сходству процессов $ah(pro)$.

Пара "луна - медведь." представляет собой совмещение ассоциаций по валентности $a(V)$ и по проявлению-процессу $a(\text{pro})$: луна ворочается луна-медведь. Однако образ все еще семантически недостаточен, необходимо дополнительное обоснование, подтверждающая ассоциация $ah(f)$: луна медведь (массивность, крупность).

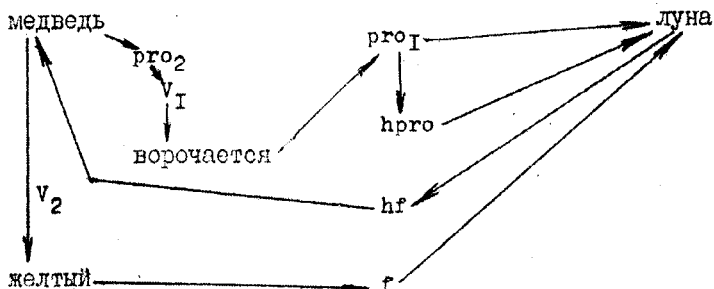
Пара "луна - желтый медведь"- следствие еще одной ассоциации $a(f)$ (по цвету) и грамматического совмещения "медведь - желтый", не поддерживаемого семантически, - ассоциация по валентности $a(V)$. Микроструктура рассматриваемого образа, видимо, такова:

Функционально ассоциации распределяются следующим образом (последние две, вызывая еще одно ассоциативное обращение, еще один цикл, выступают как дополняющие):

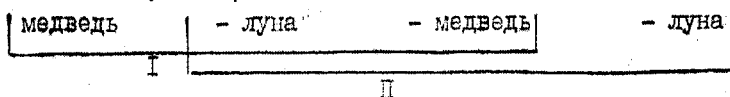
Обратимую микроструктуру, отмечающую основные узлы, опорные центры восприятия, можно построить так:

Движение ассоциаций при восприятии от элемента к элементу подобно движению маятника:

и в данном случае отражает два цикла:

Наконец-то я здесь, здесь;

Рать врагов цепью волн распалась.

Образ складывается последовательностью ассоциаций:

ah(f): рать врагов море

ah(mag): море много (врагов)

подтверж-
дающая

Ассоциацию "море много" можно интерпретировать как a(sch) - фразеологизованную связь языковых элементов.

Следующий ассоциативный ход связан с параллельным развертыванием; в косых скобках здесь и далее - реконструированные имплицитные члены:

ah(f) ₁	рать врагов <u>море</u>	рать	море
ah(f) ₂	цепи врагов <u>волны</u>	цепи	волны
	/цепь врагов <u>волна</u> /	цепь	волна

Ассоциативная пара "рать врагов распалась" - следствие пропорции
 рать врагов р
х распалась ассоциации - ah(pro), a(V).

Параллель:

ac(proto): рать (цепи) врагов распалась /враги успокоились,
либо разбиты/

ac(proto): /цепи волн распались /буря утихла/

ah(proto): рать врагов распалась /буря утихла/

Следующая ассоциация a(c):

"враги успокоились, либо разби-

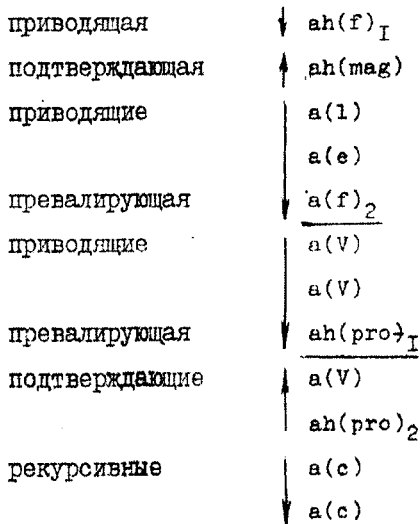
ты некто освобожден, свободен"

- рекурсивная, т.е. такая, которая не столько подтверждает предшествующую, сколько связывает данный смысл с каким-то прежним. В разбираемом случае смысл "свободен" порожден сочетанием:

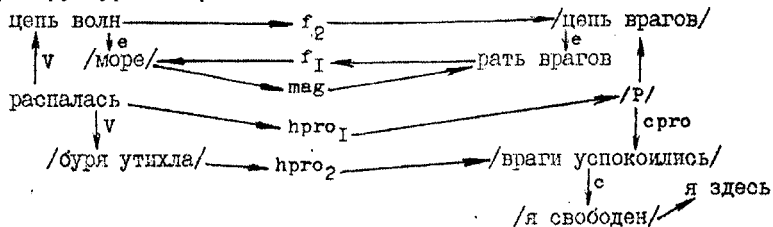
a(c): наконец-то я здесь —————> /я свободен/
цепь врагов распалась —————>

Особенность разбираемой микроструктуры в последовательном параллелизме всех элементов:

R(K)			R(A)
	рать врагов	f ₁	/more/
	e		
	/цепь врагов/	mag	цепь волн
	v		
	/P/	f ₂	распалась
	срго	hрго ₁	
	/враги успокоились/	hрго ₂	/буря утихла/
	c		
я здесь	c		/я свободен/

В представленной микроструктуре много не эксплицированных элементов - сильно ассоциативное поле, образ емкий. Обратная микроструктура восприятия такова:

Движение ассоциаций между сечениями $R(K)$ и $R(A)$ не маятниковое, а накатывающее:

Накатывающее движение не исключает цикличности, поддержанной в данном случае вертикальными, внутри одного сечения, ассоциациями. Ассоциирование происходит как бы несколькими включенными и пересеченными кругами:

Строение остальных ассоциативных микроструктур разбираемого текста аналогично рассмотренным, поэтому будут комментироваться случаи, содержащие принципиально новое.

Не удалось им на осинový шест

Водрузить головы моей парус.

Цепочка ассоциаций приводит к постепенному уточнению правого члена ассоциации

"голова на шесте → парус":

голова на шесте → A на шесте

водрузить (голова на шест) → водрузить (A на B)
/B = шест/

(водрузить голову на шест) на ветру → (водрузить A на
= шесте)
на ветру

Таким образом, уже вследствие трех ассоциаций происходит достаточное уточнение A: A = нечто, способное быть водруженным, на шесте, на ветру. Ассоциативное отношение к элементу предшествующей микроструктуры [морю] позволяет сделать окончательный выбор: A = парус. Элемент, к которому обращается подтверждающая ассоциация (в данном случае - "морю"), - мотивационный конец разбираемого образа:

R(K)

R(A)

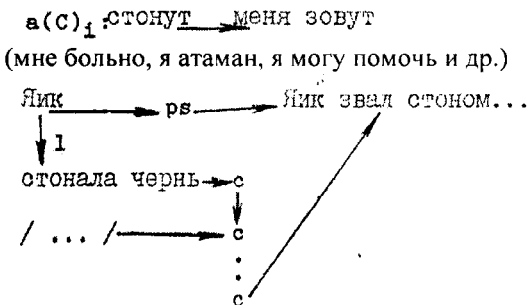
			/море/
голова на шесте	1		
водрузить	pro		cat
/на ветру/	s	парус	

Основные связи между различными микроструктурами - связи модусные. Выступая в своей совокупной семантике как модусы Темы, микроструктуры связываются между собой как представители Темы, как стороны, аспекты эксплицируемого центра. Возникающие спорадически необязательные ассоциативные связи между отдельными элементами различных микроструктур дополнительные. Они - следствие ассоциативного фона текста, элементы другой микроструктуры ассоциативно связанные с элементом (элементами) данной. Их можно рассматривать как мотивационные концы (поскольку они за пределами) образа, формируемого данной микроструктурой.

Яик, Яик, ты меня звал.

Стоном придавленной черни!

Существо данного образа составляет цепочка опущенных ассоциаций-следствий:

Пучились в сердце жабы глаза

Грустящей в закат деревни.

Микроструктура этого образа объединенная, составленная из двух:

I. пучились в сердце жабы глаза

II. глаза грустящей в закат деревни.

Первая - следствие таких ассоциаций:

ah(ps): в сердце боль за что-либо → в сердце растет, словно разрывая его, что-то

/растет - "пучится",
растет разрывая - становится большим/

ah(mag): в сердце растет большое → в сердце ... А (А - предмет, способный расти, "выпучиваться")

Окончательное уточнение элементы подструктуры I могут получить только в соединении с подструктурой II:

ah(ps): деревня в нищете, деревня бедствует → деревня грустная, грустит

ah(pro): деревня грустит → деревня /живое существо/

ac(at): деревня - существо → у деревни глаза

подтверждающая **ah(f)₁**: глаза → окна

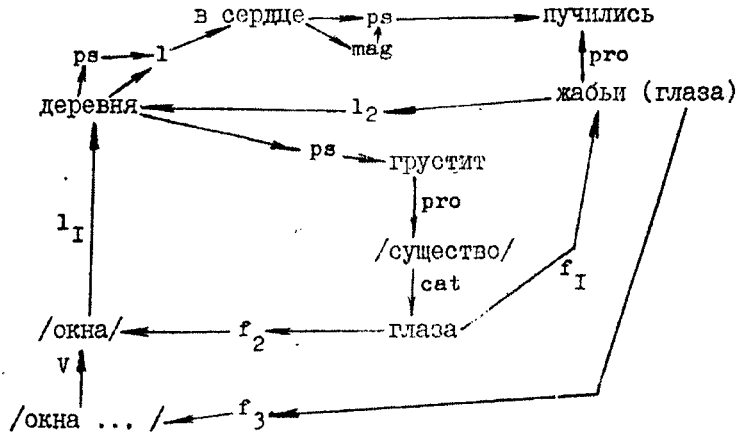
Далее происходит объединение подструктур:

a(pro): глаза → 'пучатся' (в сердце)

ah(f)₂: глаза 'пучатся' → глаза - 'жабы' (большие, круглые, пустые, тоскливые, грустные - объединение смыслов различных ассоциаций)

ah(f)₃: глаза (жабы) → окна- / ... /

Результатом названных и некоторых других ассоциаций становится такая микроструктура, характерным для которой, вследствие того, что она совмещенная, является нелинейность ассоциаций, объемность: начинающиеся как приводящие ассоциации **ah(ps)** и **ah(mag)** подструктуры I, сами по себе к образу привести не могут, они как бы погасают на каком-то смысле, еще не оформленном, который, только будучи перенесен в результат следующей приводящей цепочки **ah(ps)**, **a(pro)**, **ac(at)** может дать оформленный образ - жабы глаза, пучились:

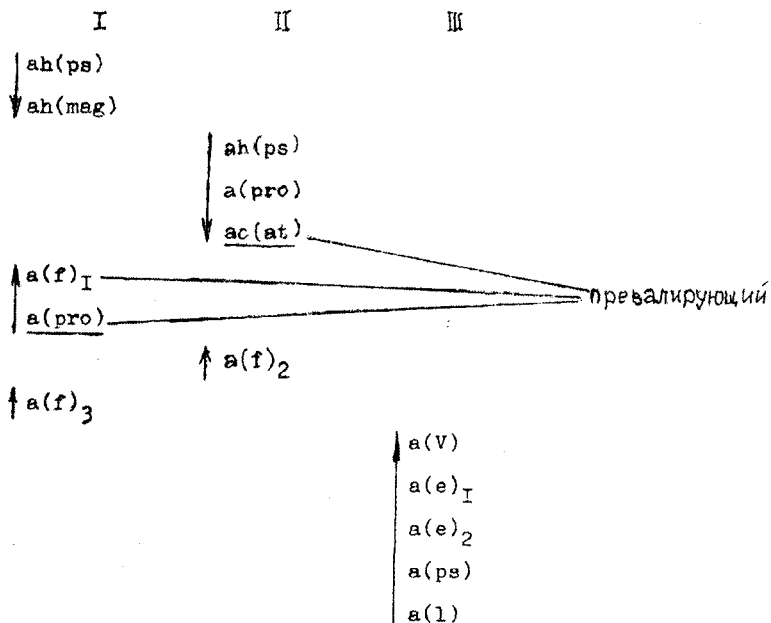
При этом ассоциация $a(\text{pro})$, связывающая смыслы "жабы" и "пучились", представляется двуобращенной, оба смысла возникают одновременно, занимая места неуточненных ассоциаций - $ah(\text{ps})$ и $ah(\text{mag})$ подструктуры I.

Позднее достраивается связь между "деревня" и "в сердце" с помощью ассоциаций $ah(\text{ps})$, $a(l)$ - подтверждающих совмещенный образ обеих подструктур.

Ассоциации $ah(f_2)$, $ah(f_3)$ - подтверждающие для подструктуры II.

Таким образом, выделяются как бы три функциональных плоскости для ассоциаций: плоскость подструктуры I, плоскость подструктуры II и плоскость совмещенной структуры III.

Отразить это можно следующей схемой:

Плоскость совмещенной структуры объединяет плоскости I и II, имеет ассоциации, не входящие ни в I, ни в II, последние пять – a(V), a(e)₁, a(e)₂, a(ps), a(l).

Актуальными центрами восприятия в данной микроструктуре представляются элементы (следствия превалирующих ассоциаций) – пучились, жабы глаза. Показывать обращенную микроструктуру восприятия не имеет смысла.

Только знаю я, что эти избы -
 Деревянные колокола.

ah(f): избы → деревянные (колокола)

a(at): бунт → колокола

a(contr): бунт → молчание, покорность, забитость

a(at): молчание → деревянные колокола

ah(ps): избы (...) → молчат

/a(l): избы /люди в избах/

ac(ps): молчащие избы → угрюмы

Элементы микроструктуры в большинстве не эксплицированы, в этом ее особенность.

Голос их ветер хмарью съел.

Образ - следствие предыдущего, близко связанный с ним:

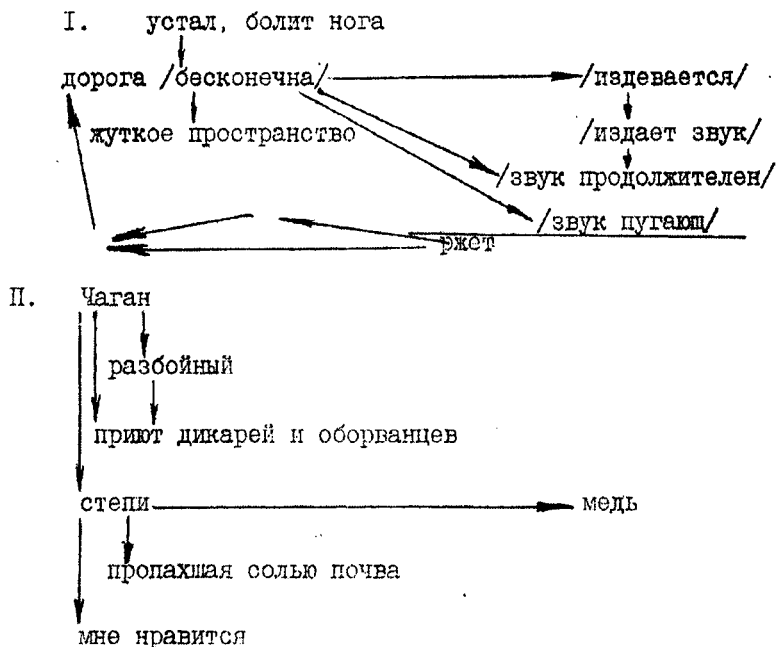
- ac(pro): колокола (гудят) → голос
- ah(func): деревянные колокола (не гудят) → нет голоса
- a(sch): нет А → возможно, В съел А
- a(Sch): ветер, хмарь (туман) → голос пропадает

Последовательностью ассоциаций выводятся все элементы образа.

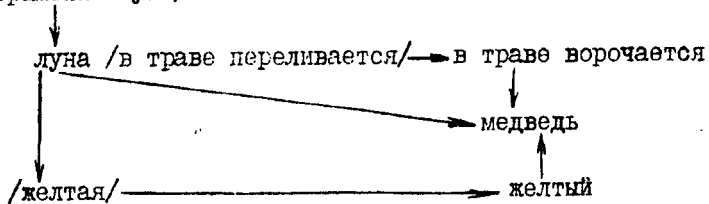
Ассоциативно-образную структуру разбираемого текста (результат анализа 1 и 4 разделов настоящей главы) можно представить следующим образом (некоторые элементы опущены):

R(K)

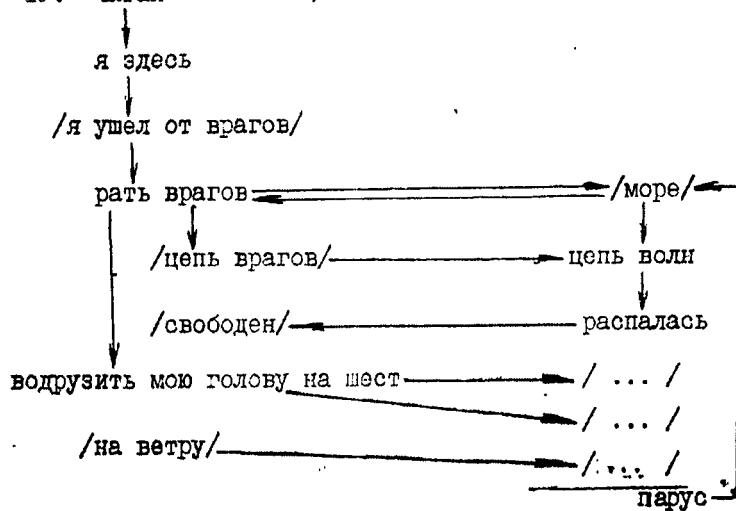
R(A)

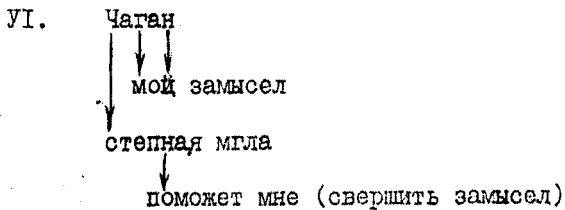
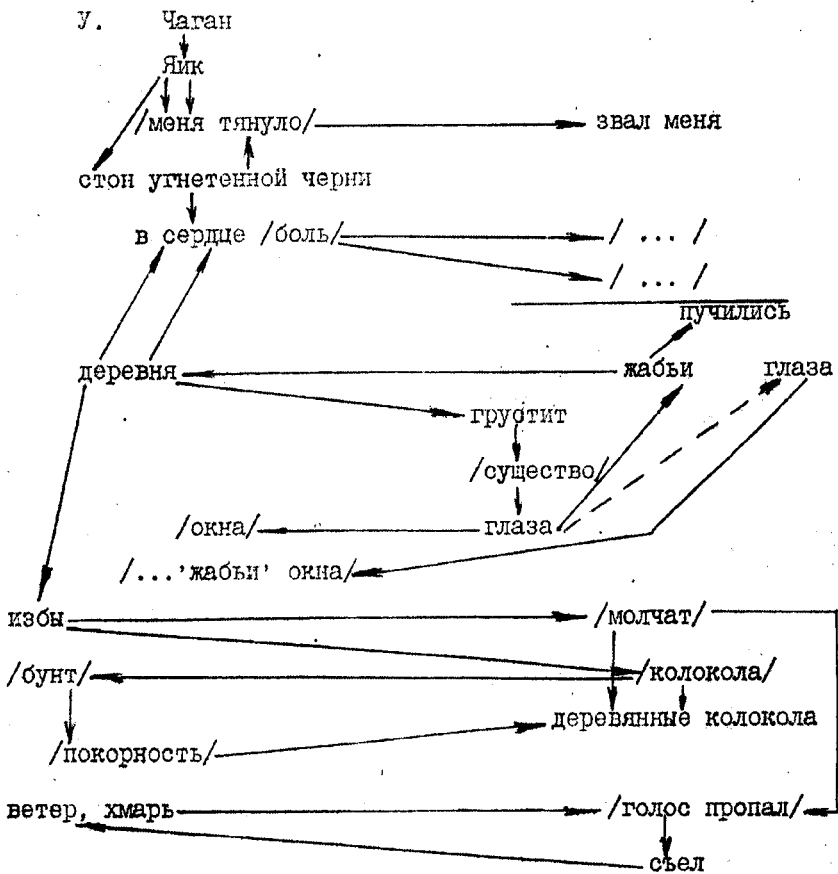

III. /отражение Луны/

IV. Чаган

Как видно из схемы, в тексте три эксплицируемых центра, три Темы: Я, ЛУНА, ЧАГАН.

Анализ семантики образующих (генеративных) ассоциаций, ассоциаций, приводящих к появлению элементов текста, ассоциаций-связок текста, позволяет сделать следующие выводы:

1. Текст представляет собой *не сплошной ассоциативный поток*. Ассоциации группируются, они могут образовывать линейные и "завихренные" пучки-фрагменты. Связи между ними могут быть как последовательными, так и включенными, как последовательно подчинительными, так и соподчинительными, как равноправными, так и обусловленными. Уяснение "синтаксиса" ассоциаций - отдельная и большая проблема, решение ее предполагает специальный анализ.

Синтаксис образующих ассоциаций специфичен: представляя "поведение" ассоциаций при порождении элементов текста, необходимо учитывать семантику ассоциаций, их соположенность и приоритетность, роли (ассоциации прямые, обратные, рекурсивные). Необходимо учитывать также, выразителями какой операции ассоциации выступают: констатации, представления, уподобления, обращения или развертывания.

Отдельно следует рассматривать семантику и грамматику перцептивных ассоциаций. Их семантика и их синтаксис могут оказаться отличными от семантики и синтаксиса генеративных ассоциаций.

2. *Дискретный, прерванный поток образующих ассоциаций*, формируя пучки, "вихри", соотносим. будучи представлен структурой, со структурой модусной. Характеризующей чертой модусной структуры также является дискретность, "вихри", скопления элементов, соотносимые с Темой.

Микроструктуры (группировки ассоциаций для продуцирования образа) - семантически весомые форманты текста. Микроструктуры функционально соотносимы с компонентами представления Темы: они относительно самостоятельны друг к другу; связываясь эпизодически, случайно, они существуют как аспектные представители единого эксплицируемого центра и, следовательно, единого художественного целого. Эксплицируемых центров, притягивающих микроструктуры и элементы, в тексте может быть несколько. В рассмотренном тексте их три - Я (Пугачев), ЧАГАН, Отражение ЛУНЫ. Будучи относительно самостоятельны в синтаксическом отношении, семантически они не равноправны: Чаган - элемент наиболее актуальный и представимый, два других - мало значимы.

3. *Ассоциативная микроструктура* может быть объектом самостоятельного анализа. Как семантически отдельное целое микроструктура может изучаться в различных аспектах: семантика, расположение, роли, акценты и т.п. наполняющих ассоциаций. Интерес представляет изучение взаимоотношений элементов эксплицированных и не эксплицированных, их ролей и их акцентов.

Разносторонний и типологический анализ микроструктур, как представляется, способен привести к решению вопроса о типологии образных элементов текста, типологии, исходящей из совершенно иных, глубинно семантических и порождающих, генеративных принципов. Типы в данной классификации будут иными, отличными от известных типов тропов - метафора, метонимия, синекдоха, гиперболы, парафраза, классификация которых основана главным образом на выраженном поверхностном результате, а не на приводящем семантическом механизме.

4. *Образы-ассоциативы, продуцируемые в тексте микроструктурами*, будучи сложными семантическими образованиями, множественно мотивированны в ассоциативном отношении. При этом чем сложнее и отдаленнее от начального элемента новый, тем сложнее, разветвленное микроструктура, тем множественнее набор образующих ассоциаций. Семантика (семантическая структура) образа-ассоциатива - это его микроструктура, семантика составляющих ее элементов, ассоциаций-связей и их направленностей.

5. Ассоциативно-образная структура текста, завершая ряд семантических структур текста, включая элементы предшествующих, проявляет семантику связей между элементами в тексте, связей, которые в предшествующих структурах предстают как направленные, но не семантизированные.

Вбирая все предшествующие и проявляя связи, ассоциативно-образная структура делает возможным представить и определить специфику образных элементов текста - в семантике, в строении, в порождении, в восприятии. Образные элементы, образы-ассоциативы, в тексте предстают как следствие вторичной номинации. Репрезентативно двойственные, структурно множественные в знаковом отношении, образы-ассоциативы суть расчлененные, многоэлементные и универсально многомерные конструкции, микроструктуры целого (системы текста) с семантико-ассоциативной связью между элементами.

Произвести сопоставительный анализ особенностей идиостилей С. Есенина и Д. Кедрина на уровне ассоциативно-образного построения в пределах настоящей работы представляется задачей затруднительной и малоэффективной. Подобный анализ должен стать результатом более пристального и направленного изучения семантики отдельных произведений выбранных авторов, результатом дальнейшего совершенствования методики ассоциативно-семантического анализа. Только на этой основе представляется возможной выработка принципов типологического подхода.

В задачу главы не входило типологическое изучение материала, хотя таковое возможно на высшем семантическом уровне. Цель главы состояла в том, чтобы показать механизм ассоциативно-семантического анализа стихотворного текста как целого, семантику связей и микроструктур - как составных, сложных элементов этого целого.

Многие проблемы, связанные с образами, образностью, ассоциативно-образной структурой текста, вследствие сложности, подробности и неизученности, в пределах настоящего исследования могли быть лишь поставлены, но не решены. Их решение требует специального анализа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последовательно системный подход к решению вопросов текстовой семантики, избранный для настоящего исследования, представляется перспективным. С его помощью становится возможным рассмотрение текста как семантической системы (целого) и вычленение в нем ряда последовательно связанных, взаимовключающих, уровневых семантических структур: номинативных (референтивной I и II), модусной, универсной и ассоциативно-образной.

Взаимообусловленные общностью элементов (комбинируемых в каждом отдельном случае в более или менее сложные единицы), структуры отличимы по отношениям.

Первый уровень составляют структуры с отношением референтивной, называющей последовательности между элементами - структура референтивная I.

Второй уровень – с отношением той же референтивной.последовательности, но ориентированным на представляемый центр. Элементы собираются, группируются в их отношении к центру (центрам) - структура референтивная II.

Третий уровень обусловлен отношением представления (модусная структура). Элементы выступают как аспектные представители (модусы) Темы.

Четвертый – уровень семантических планов: сечений и измерений текста. Ему соответствует универсная структура в двух своих разновидностях - **R**-универсной и **n**-универсной.

Пятый, последний уровень - ассоциативно-образная структура с проявленными семантико-ассоциативными отношениями между элементами, отношениями полифункциональными – генеративно-обуславливающими, генеративно-мотивирующими, семантико-экзистенциальными, ассоциативно-перцептивными и др.

Отношения последнего типа наполняют содержанием текст в его элементах, эксплицированных, неэксплицированных и ассоциативно возможных, наполняют его содержанием как целое, позволяя тем самым анализировать комбинированные смыслы образов-ассоциативов.

Подвергаясь в системе целого последовательным семантическим преобразованиям, становясь референтивами, модусами, включаясь в универсные и ассоциативные отношения, слова (лексемы) текста претерпевают изменения, приобретая новые смысловые качества.

С точки зрения обозначаемого, слова, включаясь в событийное описание, становятся носителями юнктивного текстового смысла, распределяясь на субстантивы (обозначения предметов) и предикативы

(обозначения признаков). В референтивной структуре слова еще выступают "от себя", не формируя составных, комбинированных смыслов - признак, характерный для структур последующих уровней.

С точки зрения актуальности (актантности) единицы смысла в составе целого проявляются активно только частью своей семантики, - слова в составе модуса как бы поворачиваются частью смысла в сторону центра-Темы, предцируя ее в каком-либо отношении.

В семантическом пространстве текста слова осложняются универсальными отношениями (сечения, измерения, универса), приобретая объемность, неоднозначность в общей системе целого.

С точки зрения ассоциативной семантики, слова оказываются включенными в сложную систему взаимодействий, взаиморасположенностей, связей и переходов. Скрытые пружины семантики, будучи проявлены, позволяют определить направления семантических взаимодействий, комбинации и структуры общей большой структуры.

Элементы в составе целого оказываются настолько зависимыми от общей семантики, что определение их смысла без учета структурных отношений системы оказывается невозможным.

Анализ семантики слова в системе художественного (стихотворного) целого позволяет сделать следующие выводы:

- Стихотворный текст может рассматриваться как система структур, обусловленных отношениями референтивности, модусности, универсности, ассоциативности. Системностью текста обуславливаются особенности семантики слова в его эстетическом (художественном) употреблении. Слова, комбинируясь, выступают формантами соответствующих структур.

- Семантика стихотворного текста - семантика органического единства. Его совокупный, иерархизованный смысл, составленный не суммированием смыслов входящих единиц, а их органическим взаимодействием, подчиняет семантику составляющих, - семантикой целого создается неодноплановость, объемность, многомерность, эмотивная многозначность элементов. Смысл элемента, взятого отдельно, становится неопределимым во всей своей полноте.

Смысл элемента в свою очередь предстает как совокупный и иерархизованный, в единстве образующих, эксплицированных и не эксплицированных, частей.

- Постижение смысла элемента целого, равно как и общего смысла, становится возможным вследствие использования метода системного семантического анализа.

Применение метода делает возможными представление специфики отдельных произведений, сопоставительный анализ и типологические

наблюдения над стилем автора. Как показывает материал, сопоставления на основе метода вполне возможны.

Сопоставительный анализ произведений С. Есенина и Д. Кедрина в универсальном отношении позволил вывести некоторые особенности стиля того и другого, связанные с мировосприятием поэтов в разные периоды творчества.

Для Д. Кедрина характерно осмысление онтологической действительности в ее изображении - совмещение $R(O)$ в $R(K)$. Для С. Есенина, в разные периоды, либо совмещение $R(O) / R(A)$, либо - $R(O) / R(M)$, либо - $R(K)$ в рассечении уровней между несколькими измерениями.

- Особенность семантики художественного (стихотворного) текста, как представляется, состоит в его двойственности (в отдельных случаях тройственности, n-ности): двойственности репрезентативной, обуславливающей обращение к другому (несобственность совокупного смысла); двойственности структурно-номинативной, проявляющейся в полиструктурности текстового речевого знака, в расщепленности денотата текста; двойственности собственно семантической, смысловой - проявляющейся как в многомерности семантического пространства текста, так и в его ассоциативно множественной семантической направленности.

Следствием этой особенности художественного текста предстает образность. Образ-ассоциатив, будучи выразителем художественной двойственности, будучи отражением отраженного (ассоциативом аналога), есть специфически художественное порождение, и в нем следует искать закономерности художественного построения.

- Художественность текста влияет на семантику. Анализ особенностей преобразования семантики слова в стихотворном тексте невозможен без учета специфики последнего как художественного целого.

- Семантика образа-ассоциатива стихотворного текста может быть определена через ассоциативную микроструктуру - совокупностью ее элементов и связей. Семантику связей составляют ассоциации. При этом, помимо собственно семантической стороны, актуальными для связи оказываются ее направленность, место, роль, приоритет в микроструктуре, отношение к другим связям.

Типология образных элементов текста, генеративная и семантико-экзистенциальная, как представляется, обусловлена типологией ассоциативных микроструктур, анализ которых может стать основанием новой классификации выразительных средств стихотворного текста.

1980 год.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЛЕНИН В.И. Материализм и эмпириокритицизм. - Полн. собр. соч., т. 18, с. 7-384.
2. ЛЕНИН В.И. Конспект книги Гегеля "Наука логики". - Полн. собр. соч., т. 29, с. 77-218.
3. ЛЕНИН В.И. К вопросу о диалектике. - Полн. собр. соч., т. 29, с. 316-322.
4. АБАЕВ В.И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. - В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., "Наука", 1970, с. 232-262.
5. АКИМОВА Г.Н. О некоторых особенностях поэтического синтаксиса. - Вopr. языкознания, 1977, № I, с. 96-108.
6. Анализ художественного произведения. М., "Просвещение", 1975, 119 с.
7. АНАНЬЕВ Б.Г. К теории внутренней речи в психологии. - В кн.: Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М., АПН РСФСР, 1960, с. 348-369.
8. АНДРИЕВСКАЯ В.В. Особенности ассоциаций как фактор построения предложения. - В кн.: Исследования языка и речи. Уч. зап. МГПИИЯ им. М.Тореза, т. 60, М., 1971.
9. АПРЕСЯН Ю.Д. Семантическая модель анализа. - В кн.: Апресян Ю.Д. Идеи и методы структурной лингвистики. М., "Просвещение", 1966, с. 252-265.
10. АПРЕСЯН Ю.Д. О языке для описания значений слов. - Известия АН СССР ОЛЯ, 1969, № 5, с. 415-428.
11. АПРЕСЯН Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., "Наука", 1974, 367с.
12. АРНОЛЬД И.В. Стилистика декодирования. Курс лекций. Л., 1974, ЛГПИ им. Герцена, 76 с.
13. АРУТЮНОВА Н.Д. О номинативной и коммуникативной моделях предложения. - Известия АН СССР ОЛЯ, 1972, т. 31, вып. I, с. 41-49.
14. АРУТЮНОВА Н.Д. Предложение и его смысл. М., "Наука", 1976, 383 с.
15. БАБАЙЦЕВА Р.В. Соотношение логического, актуального и синтаксического членения. - В кн.: Известия Воронежского гос. пед. ин-та, т. 68, 1969, с. 33- 35.
16. БАЛАШОВ Н.И. Структура стихотворения Брентано "Лоре-лея" и неформальный анализ. - Филологические науки, 1963, № 3.
17. БАЛЛИ Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., изд. Ин. лит-ры, 1955, 416 с.

18. БАННИКОВА И.А. Об изменении смыслового объема поэтического слова и роли стилистического контекста. - В кн.: Лексикологические основы стилистики. Л., 1973, ЛГПИ им. Герцена, с. 23-31.
19. БАРХУДАРОВ Л.С. Текст как единица языка и единица перевода. - В кн.: Лингвистика текста. Мат-лы научн. конф. М., 1974, с. 40-41.
20. БАХТИН М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. - В кн.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., "Искусство", 1979, с. 281-308.
21. БЕНВЕНИСТ Э. Семиология языка. - В кн.: Общая лингвистика. М., 1974, с. 63-90.
22. БЕРНШТЕЙН С.И. Художественная структура стихотворения А. Блока "Пляски осенние". - В кн.: Труды по знаковым системам, VI, Тарту, 1973, с. 521-545.
23. БЛОНСКИЙ П.П. Память и мышление. - В кн.: Набранные психологические произведения. М., "Просвещение", 1964, с. 287-501.
24. БЛОХ М.Я. Проблема тождества предложения в свете соотношения понятий синтаксиса, семантики и информации. - В кн.: Вопросы языкознания, 1977, № 3, с. 73-85.
25. БОРИСОВА М.Б. Еще раз об "общей образности", "упаковочном материале" и их отражении в словаре писателя. - В кн.: Вопросы стилистики. Саратов, 1973, вып. 6, Саратов. ун-т, с. 89-108.
26. БУДАГОВ Р.А. Наблюдения над языком и стилем И.Ильфа и Е.Петрова (Опыт лингвистической интерпретации текста). - Уч. зап. ЛГУ, № 69. Серия филол. наук, вып. 10, 1946, с. 220-248.
27. БУДАГОВ Р.А. Метафора и сравнение в контексте художественного целого. - В кн.: Будагов Р.А. Человек и его язык. М., 1974, с. 166-170.
28. БУХБИНДЕР В.А., РОЗАНОВ Е.Д. О целостности и структуре текста. В кн.: Вопросы языкознания, 1975, № 6, с. 73-86.
29. БУШМИН А.С. Методологические вопросы литературоведческих исследований. Л., 1969, 228 с.
30. ВЕЙНРЕЙХ У. О семантической структуре языка. - В кн.: Новое в лингвистике, вып. 5, М., 1970, с. 163-249.
31. ВЕНИКОВ В.А. Теория подобия и моделирование применительно к задачам электроэнергетики. М., "Высшая школа", 1966, 487 с.
32. ВЕСЕЛОВСКИЙ А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940. 646 с.

33. ВЕСЕЛОВСКИЙ В.Н. О соотношении информации и отражения. - В кн.: Ленинская теория отражения и современность, вып. I, Свердловск, 1967, с. 5-13.
34. ВИНОГРАДОВ В.В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем "Жития протопопа Аввакума". - В кн.: Русская речь. Сб. статей под ред. Л.В. Щербь, т. I, Пг., 1923, с.195-293.
35. ВИНОГРАДОВ В.В. Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы. - Вопр. языкознания, 1955, № 4, с. 3-34.
36. ВИНОГРАДОВ В.В. О языке художественной литературы. М., Гослитиздат, 1959, 654 с.
37. ВИНОГРАДОВ В.В. Наука о языке художественной литературы и ее задачи. - В кн.: Исследования по славянскому литературоведению и стилистике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М., АН СССР, 1960, с. 5-45.
38. ВИНОГРАДОВ В.В. Поэтика, стилистика и лингвистика. - Тезисы докладов Межвуз. конференции по стилистике художественной литературы. М., Изд-во МГУ, 1961, с. 20-24.
39. ВИНОГРАДОВ В.В. О теории поэтической речи. Вопр. языкознания, 1962, № 2, с. 3-17.
40. ВИНОГРАДОВ В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., Изд-во АН СССР, 1963, 255 с.
41. ВИНОГРАДОВ В.В. О теории художественной речи. М., "Высшая школа", 1971, 240 с.
42. ВИНОГРАДОВ В.В. Русский язык. М., "Высшая школа", 1971, 614 с.
43. ВИНОГРАДОВ В.В. О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски). - В кн.: Избр. труды. Поэтика русской литературы. М., "Наука", 1976, с. 369-459.
44. ВИНОКУР Г.О. О задачах истории языка. - В кн.: Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, т. 15, каф. рус. яз., вып. I, 1941, с. 17-18.
45. ВИНОКУР Г.О. Маяковский - новатор языка. М., "Сов. писатель", 1943, 136 с.
46. ВИНОКУР Г.О. Русский язык. Исторический очерк. М., Гослитиздат, 1947, 190 с.
47. ВИНОКУР Г.О. Понятие поэтического языка.- В кн.: Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 3, 1947, с. 3-7.
48. ВИТГЕНШТЕЙН Л. Логико-философский трактат. М., Изд. ин. л-ры, 1958, 133 с.

49. ВYGOTСКИЙ Л.С. Мышление и речь. - В кн.: Избр. психологические исследования. М.; Изд-во АН СССР, 1962, с. 37-386.
50. ВYGOTСКИЙ Л.С. Искусство как познание. - В кн.: Вygотский Л.С. Психология искусства. М., "Искусство", 1968, 576 с.
51. ГАЗОВ-ГИНЗБЕРГ А.Н. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., "Наука", 1965, 183 с.
52. ГАК В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. - В кн.: Семантическая структура слова. Психоллингвистические исследования. М., "Наука", 1971, с. 78-96.
53. ГАК В.Г. О семантической относительности языковых единиц. - В кн.: Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний Всесоюзной научной конференции по теоретическим вопросам языкознания АН СССР, М., 1974, с. 24-26.
54. ГАК В.Г. К типологии лингвистических номинаций. - В кн.: Языковая номинация. М., "Наука", 1977, с. 230-293.
55. ГАЛЬПЕРИН И.Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста. - В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., "Наука", 1976, с. 267-289.
56. ГАЛЬПЕРИН И.Р. Грамматические категории текста (опыт обобщения). - Известия АН СССР ОЛЯ, 1977, № 6, с. 522-532.
57. ГАСПАРОВ Б.М. О некоторых лингвистических аспектах изучения структуры текста. - В кн.: 3-я летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы. Доклады. Тарту, 1968, с. 61-67.
58. ГАСПАРОВ М.Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М., "Наука", 1974, 487 с.
59. ГЕЛЬГАРДТ Р.Р. Некоторые вопросы теории и практики изучения языка и стиля писателей. - Вопр. языкознания, 1958, № 3, с. 110-120.
60. ГИНДИН С.И. Два принципа внутренней организации текстов и сущность понятия "связность текста". - В кн.: Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики, ч. I, МГУ, М., 1971, с. 164-166.
61. ГОЛОВИН Б.Н. Об изучении языка художественных произведений. - В кн.: Вопросы стилистики. Саратов, 1962, вып. I, Саратов. ун-т, с. 141-154.
62. ГОРАНОВ К. Заметки о бытии и условности художественного образа. - Научные доклады высшей школы. Философские науки, 1966, № 5.

63. ГОНЧАРОВ Б.П. К проблеме литературоведческой поэтики (споры о содержательной природе стиха). - В кн.: Литературные направления и стили, М., Изд. МГУ, 1976, с. 140-156.
64. ГОРШКОВ А.И. Вопросы лингвостилистического анализа текста. - Русская речь, 1976, № 2, с. 90-97.
65. ГРИГОРЬЕВ В.П. О задачах лингвистической поэтики. - Известия АН СССР ОЛЯ, 1966, № 6, с. 489-499.
66. ГРИГОРЬЕВ В.П. О единицах художественной речи. - В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В.В. Виноградова. Л., "Наука", 1971, с. 384-392.
67. ГРИГОРЬЕВ В.П. О некоторых проблемах лингвистической поэтики. - В кн.: Теория поэтической речи и поэтическая лексикография. Шадринск, 1971, Уч. зап. Свердл. и Шадринск. пед. ин-тов, вып. 161, с. 3-12.
68. ГРИГОРЬЕВ В.П. Паронимия. - В кн.: Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М., "Наука", 1977, с. 186-239.
69. ГРИГОРЬЕВ В.П. От текста к языку и снова к тексту. - Известия АН СССР ОЛЯ, 1977, № 3, с. 264-269.
70. ГРИГОРЬЕВ В.П. Поэтика слова. М., "Наука", 1979, 344 с.
71. ГРИГОРЬЕВА А.Д. Слово в поэтическом тексте. - Известия АН СССР ОЛЯ, 1976, № 3, с. 252-259.
72. ГРИГОРЬЕВА А.Д. К вопросу об анализе языка поэтического текста. - Вопр. языкознания, 1978, № 3, с. 62-74.
73. ДРИДЗЕ Т.М. Ассоциативный эксперимент в конкретном социологическом исследовании. - В кн.: Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., "Наука", 1971, с. 169-178.
74. ЕФИМОВ А.И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., Изд. МГУ, 1953, 496 с.
75. ЕФИМОВ А.И. Стилистика художественной речи. 2-е изд., М., Изд. МГУ, 1961, 519 с.
76. ЖИНКИН Н.И. Механизмы речи. М., "Наука", 1958, 370 с.
77. ЖИНКИН Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи. - Вопр. языкознания, 1964, № 6, с. 26-38.
78. ЖИРМУНСКИЙ В.М. Теория стиха. Л., "Сов. писатель", 1975, 664 с.
79. ЖОЛКОВСКИЙ А.К., ЛЕОНТЬЕВА Н.Н., МАРТЕМЬЯНОВ Ю.С. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе. - В кн.: Машинный перевод, Труды ин-та ТМ и ВТ АН СССР, вып. 2, М., 1961, с. 97-99.

80. ЖОЛКОВСКИЙ А.К. К описанию одного типа семиотических систем (поэтический мир как система инвариантов). - Семиотика и информатика, 1976, вып. 7, с. 27-61.
81. ЗАГОРОВСКАЯ О.В. Семантическая структура экспресемы "снежная вьюга" в поэзии А. Блока. (Опыт компонентного анализа.) - В кн.: Вопросы филологии и методики исследования. Воронеж, 1975, Ворон. ун-т, с. 91-100.
82. ЗАЛИЗНЯК А.А., ИВАНОВ Вяч. Вс., ТОПОРОВ В.Н. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем. - В кн.: Структурно-типологические исследования. М., Изд. АН СССР, 1962, с. 134-143.
83. ЗАРЕЦКИЙ В.А. Ритм и смысл в художественных текстах. - Труды по знаковым системам, Тарту, 1965, кн. 2, с. 64-75.
84. ЗАРЕЦКИЙ В.А. Семантика и структура словесного художественного образа. Автореф. канд. дисс. Тарту, 1966, Тарт. ун-т, 23 с.
85. ЗВЕГИНЦЕВ В.А. Значение пресуппозиций для анализа поэтического языка. - В кн.: Литературные направления и стили. М., Изд. МГУ, 1976, с. 77-90.
86. ЗИНОВЬЕВ А.А. Логическое строение знания о связях. - В кн.: Логические исследования. М., "Наука", 1959, с. 113-138.
87. ЗИНЧЕНКО П.В. Теоретические проблемы психологии восприятия. - В кн.: Инженерная психология. М., "Высшая школа", 1964, с. 231-263.
88. ИВАНОВ Вяч.Вс., ТОПОРОВ В.Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах. - В кн.: Типологические исследования по фольклору. М., "Наука", 1975, с. 44-76.
89. ИНГАРДЕН Р. Исследования по эстетике. М., Изд. ин. лит-ры, 1962, 572 с.
90. Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы. Л., Изд. ЛГУ, 1964, 200 с.
91. КАРАУЛОВ Ю.Н. Общая и русская идеография. М., "Наука", 1976, 355 с.
92. КАРНАП Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М., Изд. ин. лит-ры, 1959, 382 с.
93. КОЖИНОВ В.В. Об изучении художественной речи. - В кн.: Контекст - 1974. М., "Наука", 1975, с. 248-274.
94. КОЛШАНСКИЙ Г.В. О смысловой структуре текста. - В кн.: Лингвистика текста. Материалы научн. конф. М., 1974, ч. I, МГПИИЯ им. М.Тореза.

95. КОЛШАНСКИЙ Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации. - В кн.: Языковая номинация. М., "Наука", 1977, с. 99-146.
96. КОМЛЕВ Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., Изд. МГУ, 1969, 192 с.
97. Контекст - 1974. М., "Наука", 1975, 416 с.
98. КОСТОМАРОВ В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., Изд. МГУ, 1971, 267 с.
99. КРЫЛОВА И.А. Некоторые аспекты лингвистического аспекта изучения метафоры. О семантической природе метафоры. Уч. зап. Горьковского ун-та, т. 76, 1967, с. 98-107, 108-119.
100. КУБРЯКОВА Е.С. К вопросу о пространственном моделировании лингвистических систем. - Вопр. языкознания, 1967, № 3, с. 98-108.
101. ЛАРИН Б.А., КОВТУН Л.С. и др. Принципы составления Словаря автобиографической трилогии М. Горького. - В кн.: Словоупотребление и стиль М. Горького. Описание семантико-стилистической системы писателя. Л., Изд. ЛГУ, 1968, с. 144-190.
102. ЛАРИН Б.А. О разновидностях художественной речи (семантические этюды). - В кн.: Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л., "Худ. лит-ра", 1974, с. 27-53.
103. ЛАРИН Б.А. О лирике как разновидности художественной речи. - В кн.: Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л., "Худ. лит-ра", 1974, с. 54-101.
104. ЛЕБЕДЕВА Н.В. О лингвистических параметрах единиц поэтического синтаксиса. - В кн.: Исследования по стилистике. Пермь, 1976, вып. 5, Перм. ун-т, с. 3-19.
105. ЛЕВИН Ю.Н. Структура русской метафоры. - Труды по знаковым системам, II, Тарту, 1968, с. 293-299.
106. ЛЕВИН Ю.Н. О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах. - В кн.: Структурная типология языков. М., Изд. АН СССР, 1966, с. 193-215.
107. ЛЕНДЬЕЛ Л. "Переносное значение" или "образное употребление" слов? - В кн.: Лексикология и лексикография. М., "Наука", 1972, с. 48-72.
108. ЛЕОНТЬЕВ А.А. Исследования поэтической речи. - В кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., "Наука", 1968, с. 143-152.
109. Лингвистика и поэтика. Сб. статей. АН СССР, Ин-т рус. яз. /отв. ред. В.П. Григорьев/, М., "Наука", 1979, 309 с.

110. Лингвистика текста. Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Торе-за, М., 1976, вып. 103.
111. Лингвистика текста. Мат-лы научн. конф., ч. 1-2, МГПИИЯ им. М. Тореца, М., 1974, 230 и 212 с.
112. ЛИХАЧЕВ Д.С. Внутренний мир художественного произведе-ния. - *Вопр. литературы*, 1968, № 8, с. 74-87.
113. ЛОТМАН Ю.М. Структура художественного текста. М., "Ис-кусство", 1970, 384 с.
114. ЛОТМАН Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура сти-ха. Л., "Просвещение", 1972, 271 с.
115. ЛЮКШИН Ю.В. К вопросу о поэтической маркированности значения слова. - *Слово в лексико-семантической системе языка*. Л., Изд. ЛГУ, 1972, с. 77-78.
116. МАКСИМОВ Л.Ю. О соотношении ассоциативных и конст-руктивных связей слова в стихотворной речи. - В кн.: *Русский язык*. Сб. трудов МГПИ им. Ленина, М., 1975, с. 216-229.
117. МАКСИМОВА М.К. Языковая метафора и индивидуальный стиль писателя. - В кн.: *Слово в лексико-семантической системе языка*. Л., Изд. ЛГУ, 1972, с. 81-83.
118. МАРТЕМЬЯНОВ Ю.С. О кодировке слов для алгоритма син-таксического анализа. - В кн.: *Доклады на конф. по обработке ин-формации, машинному переводу и автоматическому чтению тек-стов*, вып. 10, М., 1961, с. 68.
119. МАСЛОВ Б.А. Проблема лингвистического анализа связного текста (надфразовый уровень). Таллин, 1975, 104 с.
120. МАСТЕРМАН М. Тезаурус в синтаксисе и семантике. - В кн.: *Математическая лингвистика*. М., 1964, с. 160-176.
121. МАСТЕРМАН М. Изучение семантической структуры текста для машинного перевода с помощью языка-посредника. - В кн.: *Математическая лингвистика*, М., 1964, с. 177-213.
122. МАТЕЗИУС В. О так называемом актуальном членении пред-ложения. - В кн.: *Пражский лингвистический кружок*. М., "Про-гресс", 1967, с. 239-245.
123. МАТЕЗИУС В. Язык и стиль. - В кн.: *Пражский лингвистиче-ский кружок*. М., "Прогресс", 1967, с. 444-523.
124. Машинный перевод и прикладная лингвистика. Тезисы докла-дов I и II Международного семинара по машинному переводу, М., ВЦП, 1975, 1979.
125. МОСКАЛЬСКАЯ О.И. Вопросы синтаксической семантики. - *Вопр. языкознания*, 1977, № 2, с. 45-56.

126. МУКАРЖОВСКИЙ Я. Литературный язык и поэтический язык. – В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., "Прогресс", 1967, с. 406-431.
127. НАЗАРЕНКО В.А. Язык искусства. О мастерстве поэта и прозаика. Л., "Сов. писатель", 1961, 506 с.
128. НЕВЗГЛЯДОВА Е.В. Явление семантического осложнения в поэтической речи. – Известия АН СССР ОЛЯ, 1969, № 2, с. 148-154.
129. НИКОЛАЕВА В.В. Эстетика языка и речи. Л., "Знание", 1979, 386 с.
130. НИКОЛАЕВА Т.М. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики. – Известия АН СССР ОЛЯ, 1977, № 4, с. 304-313.
131. НИКОЛАЕВА Т.М. Актуальное членение – категория грамматики текста. – Вопр. языкознания, 1972, № 2, с. 48-54.
132. Новое в лингвистике. М., Изд. иностр. лит-ры, вып. IX, 1979.
133. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. /Отв. ред. Б.А. Серебренников/. М., "Наука", 1972, т. 2, 566 с.
134. ПАДУЧЕВА Е.В. О семантике синтаксиса. (Материалы к трансформационной грамматике русского языка). М., "Наука", 1974, 292 с.
135. ПАЛИЕВСКИЙ П. Образ или словесная ткань. – Вопросы литературы, 1959, № II, с. 84-99.
136. ПЕШКОВСКИЙ А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. – В кн.: Пешковский А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.-Л., 1930, с. 133-161.
137. ПОЛЯКОВ М. Вопросы поэтики и художественной семантики. М., "Сов. писатель", 1978, 446 с.
138. ПОТЕБНЯ А.А. Из записок по теории словесности. – В кн.: Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., "Искусство", 1976, с. 286-461.
139. ПОТЕБНЯ А.А. Мысль и язык. – В кн.: Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., "Искусство", 1976, с. 35-220.
140. Поэтический строй русской лирики, Л., "Наука", 1973, с. 352.
141. ПУСТОВОЙТ П.Г. От слова к образу. Киев, "Вища школа", 1974, 191 с.
142. РАСПОПОВ И.П. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961, 164 с.
143. РЕВЗИН И.И. Отмеченные фразы, алгебра фрагментов, стилистика. – В кн.: Лингвистические исследования по общей и славянской типологии, М., 1966, с. 3-15.

144. РЕВЗИН И.И. К общесемиотическому истолкования трех постулатов Проппа (анализ сказки и теория связности текста). - В кн.: Типологические исследования по фольклору. М., "Наука", 1975, с. 77-91.
145. РЕЗНИКОВ Л.О. Гносеологические вопросы семиотики. Л., "Наука", 1964, 303 с.
146. РИЗЕЛЬ Э.Г. Об аспектах анализа словесной ткани художественного произведения. - Филологические науки. 1958, № 4, с. 139-145.
147. РОЙЗЕНБЛИТ Е.Б. Структурная информация единиц уровня системы. - В кн.: Уровни языка и их взаимодействие. Тезисы научной конференции МГПИИЯ, М., 1967, с. 129-131.
148. РУДЕНКО Л.П. О возможности экспериментального исследования вербально реализованного замысла на уровне внутренней смысловой программы высказывания. - В кн.: Исследования речемыслительной деятельности. Психология. III, Алма-Ата, 1974
149. РУДНЕВ П.А. Стихотворение А. Блока "Все тихо на светлом лице..." (опыт семантической интерпретации метра и ритма). - В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Л., "Наука", 1971, с. 450-455.
150. Русская разговорная речь. Саратов, 1970, Сарат. ун-т, 251 с.
151. Русская разговорная речь. М., "Наука", 1973, 485 с.
152. САВЧЕНКО А.Н. Образно-эмоциональная функция речи и поэтическая речь, Ростов-на-Дону, Изд. РГУ, 1978, 128 с.
153. СЕВБО И.П. Об изучении структуры, связного текста. - В кн.: Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., "Наука", 1966, с. 16-31.
154. СЕРЕБРЕННИКОВ Б.А. Номинация и проблема выбора. - В кн.: Языковая номинация. М., "Наука", 1977, с. 147-187.
155. СЕРКОВА Н.И. Членение текста на сверхфразовом уровне. - Вопр. языкознания, 1978, № 3, с. 75-82.
156. СКОРОХОДЬКО Э.Ф. О семантической природе некоторых видов образного словоупотребления. - В кн.: Вопросы стилистики. Саратов, 1962, с. 155-164.
157. СМИРНОВ И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., "Наука", 1977, 203 с.
158. СОКОЛОВ А.Н. Речедвигательная афферентация и проблемы мозговых механизмов мышления. - Вопросы психологии, 1967, № 3, с. 41-54.

159. СОЛОДУХИН О.А. Два подхода к проблеме оснований логических модальностей. - В кн.: Логика и онтология. М., "Наука", 1978, с. 128-158.
160. СОССЮР Ф. де, Курс общей лингвистики. Отрывки из тетрадей Ф. де Соссюра, содержащих записи об анаграммах. - В кн.: Соссюр Ф. де, Труды по языкознанию. М., "Прогресс", 1977, с. 31-274, 639-645.
161. СТЕПАНОВ Ю.С. Основы общего языкознания. М., "Просвещение", 1975, 271 с.
162. СУХАНОВ К.Н. К анализу принципа совпадения образа и оригинала. - В кн.: Ленинская теория отражения и современность, вып. I, Свердловск, 1967, с. 39-45.
163. Теория поэтической речи и поэтическая лексикография. Шадринск, 1971, Уч. зап. Свердл. и Шадринск. пед. ин-тов, вып. 161, 179 с.
164. ТОМАШЕВСКИЙ Б.В. Стих и язык. М.-Л., 1959, 471 с.
165. ТЫНЯНОВ Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М., "Сов. писатель", 1965, 301 с.
166. ТЫНЯНОВ Ю.Н. Предисловие к книге "Проблема стиховой семантики". - В кн.: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., "Наука", 1977, с. 253-254.
167. ТЮХТИН В.С. О природе образа (психическое отражение в свете идей кибернетики). М., "Высшая школа", 1963, 123 с.
168. УСПЕНСКИЙ Б.А. О семиотике искусства. - В кн.: Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М., 1962, с. 125-127.
169. ФЕДОРОВ А.И. Семантическая основа метафорической образности языка. - В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов лингвистической конференции. Новосибирск, 1967, с. 109-111.
170. ФЕДОРОВ А.И. Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск, 1969, 92 с.
171. ФЁРС Дж.Р. Техника семантики. - В кн.: Новое в лингвистике, вып. 2, М., 1962, с. 72-97.
172. ФИЛИН Ф.П. Язык художественной литературы и читатель. - Русская речь, 1977, № 4, с. 22-33.
173. ХАРЦИЕВ В.И. Элементарные формы поэзии. - В кн.: Вопросы теории и психологии творчества, Харьков, 1908.
174. ЦЕЛИЩЕВ В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск, "Наука", 1977, 191 с.

175. ЧЕРДАНЦЕВА Т.З. Язык и его образы. М., "Международные отношения", 1977, 168 с.
176. ЧЕРЕМИСИНА М.К. Многопланность семантики слова в художественном тексте и своеобразии авторского видения. - В кн.: Слово в лексико-семантической системе языка. Л., 1972, с. 118-120.
177. ЧЕСНОКОВ П.В. Основные единицы языка и мышления. Ростов-на-Дону, Изд. РГУ, 1966, 287 с.
178. ЧИЧЕРИН А.В. Идеи и стиль. 2-е изд., М., "Сов. писатель", 1968, 374 с.
179. ШАЛАМОВ В.Г. Звуковой повтор - поиск смысла (заметки о стиховой гармонии). - Семиотика и информатика. М., ВИНТИ, 1976, вып. 7, с. 128-145.
180. ШВЕДОВА Н.Ю. Место семантики в описательной грамматике (Синтаксис). - В кн.: Грамматическое описание славянских языков. М., "Наука", 1974, с. 105-120.
181. ШЛЕНШТЕДТ Д. Произведение как потенциал восприятия и проблемы его усвоения. - В кн.: Общество, литература, чтение. Восприятие литературы в теоретическом аспекте, пер. с нем. под ред. О.В. Егорова. М., "Прогресс", 1978, с. 138-214.
182. ШМЕЛЕВ Д.Н. Слово и образ. М., "Наука", 1964, 120 с.
183. ШМЕЛЕВ Д.Н. Об асимметричном параллелизме в поэтической речи. - Русский язык в школе, 1970, № 5, с. 8-13.
184. ШРЕЙДЕР Ю.А. Текст, автор, семантика. - Семиотика и информатика, М., ВИНТИ, 1976, вып. 7, с. 153-159.
185. ЩЕРБА Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. "Воспоминание" Пушкина. - В кн.: Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку. М., Учпедгиз., 1957, с. 26-44.
186. ЩЕРБА Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. "Сосна" Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом. - В кн.: Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1957, с. 97-109.
187. ЩЕРБА Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. - В кн.: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., "Наука", 1974, с. 24-39.
188. ЩУР Г.С. Теория поля в лингвистике. М., "Наука", 1974, 255 с.
189. Языковая номинация. М., "Наука", 1977, 358 с.
190. Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М., "Наука", 1977, 392 с.
191. ЯКОБСОН Р.О. Лингвистика и поэтика. - В кн.: Структурализм: "за" и "против". Сб. статей. М., "Прогресс", 1975, с. 193-203,

192. BAR-HILLEL Y., CARNAP R. Semantic Information. - In: The British Journal for the Philosophy of Science, 1953, No. 4.
193. DEESE J. On the Structure of Associative Meaning. - Psychological Review, 1962, v. 69.
194. DEESE J. The Structure of Associations in Language and Thought. Baltimore, 1965.
195. GLINZ H. Über die Struktur der Redeutung. - In: Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists. Oslo, 1958, ss. 682-688.
196. MAYENOWA M.R. Poetyka teoretyczna. Zagadnienia języka. Wyd. 2; Wrocław - Warszawa - Kraków - Gdańsk, Ossolineum, 1979, 451 s.
197. MILLER G.A. Language and Communication. N.-Y., 1959.
198. PETERSON G.E. An Oral Communication Model. - Language, v. 31, No. 3, 1955.
199. ROSIE A.M. Information and Communication Theory. London - Glasgow, 1966.
200. RUSSEL B. An Inquiry into Meaning and Truth. London, 1951.
201. АХМАНОВА О.С. Словарь лингвистических терминов. М., "Советская энциклопедия", 1966, 608 с.
202. КОНДАКОВ Н.И. Логический словарь-справочник. М., "Наука", 1975, 720 с.
203. Словарь ассоциативных норм русского языка. (А.А. Леонтьев, Н.П. Клименко, А.Е. Супрун и др.). М., Изд. МГУ, 1977, 192 с.
204. Философский словарь, /под ред. М.М. Розенталя/, М., Изд. политической лит-ры, 1975, 496 с.

ИСТОЧНИКИ

1. ЕСЕНИН С.А. Собрание сочинений в трех томах. Библ. "Огонек", Изд. "Правда", М., 1970, т. 1, 2, 383 и 447 с.
2. КЕДРИН Д. Избранное. Уфа, Башкирское книжн. изд., 1975, 238 с.

Научное издание

Петр Петрович Червинский

СЕМАНТИКА СЛОВА

В СИСТЕМЕ СТИХОТВОРНОГО ЦЕЛОГО

(на материале поэзии С. Есенина и Д. Кедрина)

Здано до складання 21. 09. 2006. Підписано до друку 06. 12. 2006.

Формат 84x108 1/32. Папір офсетний. Гарнітура Таймс.

Ум. друк. арк 9,4. Тираж 500.

Редакційно-видавничий відділ Тернопільського державного
педагогічного університету імені Володимира Гнатюка
46001, Тернопіль, вул М. Кривоноса, 2

Пётр Петрович Червинский, профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Силезского университета, специалист в области семасиологии, этносемантики, этимологии, семантического языка фольклорных традиций, автор учебников, словарей, монографий, компьютерных курсов. Имеет более 320 опубликованных научных работ (в Польше, России, Германии, Венгрии, Чехии, Словакии, Болгарии, Испании, Литве, Белоруссии, Украине; сверх того около 100 помещено в интернете в международных журналах гуманитарного профиля). “Семантический язык фольклорной традиции”, “Логика курса «Русский язык»”, “Русский язык. Введение”, “Русское произношение и правописание”, “Теория и практика русской речи”, “Большой толковый словарь иностранных слов” (в 3-х тт.), “Энциклопедический мир Владимира Даля” (в 6-ти книгах), “Наречие. Семантика, правописание, речевое употребление” (в 2-х частях), “Наречие. Дидактический словарь”, ряд из которых в соавторстве. Основные научные интересы связаны с этнолингвopsихологическими проблемами языка и сознания: сопоставительная лексикология, словообразование, ономастика, язык политики и средств массовой коммуникации, язык поэзии и художественной литературы, современный речевой узус, развитие речи и интеллекта, прогрессивные методики обучения.